

Приложение к журналу
«Индекс/Досье на цензуру»

НЕВОЛЯ 24 2011

24

2011

ISSN 1813-541

НЕВОЛЯ

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Wikileaks о тюрьмах в России	15
Александр Зимбовский Дело Соколова. Как можно посадить каждого	24
Правозащитная позиция по реформе российской пенитенциарной системы	28
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (декабрь – февраль 2011 года)	33
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	40

ЗА СТЕНОЙ

Александр Август Исследователь	66
Иван Маркелов Психобеспредел	77
Александр Август Поэт	81

ИСТОРИЯ

Сергей Степанов Уроки «химии» 94

СИДИ И ЧИТАЙ

Эдуард Михайлов Снег и уголь 104

Виталий Лозовский Книги, написанные
на телефоне 126

Алексей Мокроусов Загадки спасения 127

Примо Леви Канувшие и спасенные 134

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталия Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталия Малыхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталия Максимова

УИС в цифрах

По состоянию на **1 января 2011 года** в учреждениях УИС содержалось 819,2 тыс. человек (– 44,9 тыс. человек к началу года), в том числе:

– **в 755 исправительных колониях** отбывало наказание 694,5 тыс. человек (– 29,6 тыс. человек);

– **в 160 колониях-поселениях** отбывало наказание 49,3 тыс. человек (– 3,2 тыс. человек);

– **в 5 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1739 человек (+ 14 человек);

– **в 228 следственных изоляторах и 165 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов** при колониях содержалось – 118,9 тыс. человек (– 12,4 тыс. человек);

– **в 7 тюрьмах** отбывало наказание 1,8 тыс. человек (– 1010 человек);

– **в 62 воспитательных колониях** для несовершеннолетних 4,0 тыс. человек (– 1,9 тыс. человек).

В учреждениях содержится 66,4 тыс. женщин (– 3,0 тыс. человек), в том числе 55,4 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, и 10,9 тыс. человек, в отношении которых избрана мера пресечения заключение под стражу, при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 863 ребенка.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

2467 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 491,9 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

182 государственных унитарных предприятий исправительных учреждений, 551 центр трудовой адаптации осужденных, 49 лечебно-, 46 учебно-производственных мастерских.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 319 вечерних общеобразовательных школ и 546 учебно-консультационных пунктов, 339 профессионально-технических училищ, действуют 523 храма, 705 молитвенных комнат.

Штатная численность персонала УИС составляет 346,3 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников 257,1 тыс. человек (кроме того, переменный состав – 7,1 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **8 учреждений высшего профессионального образования** с семью филиалами, в том числе Академия права и управления, 74 учебных центров и пунктов, институт повышения квалификации, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий (с тремя филиалами).

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Определен перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю (Постановление Правительства РФ от 27.11.2010 № 934 «Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры»).

Постановление издано в развитие федерального закона от 19.05.2010 № 87-ФЗ, которым установлена уголовная ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, сбыт или пересылку, за хищение либо вымогательство растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей. В соответствии с названным законом крупный и особо крупный размеры культивирования таких растений должны быть утверждены Правительством РФ.

Утвержденный перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в РФ, включает 10 наименований растений, в том числе: голубой лотос; грибы любого вида, содержащие псилоцибин или псилоцин; кактусы, содержащие мескалин; кат; конопля; роза гавайская; шалфей предсказателей; эфедра.

Кроме того, утверждены крупный и особо крупный размеры для растений (частей таких растений), содержащих наркотические средства или психотропные вещества, их прекурсоры, для целей статей 228, 228.1, 229, 231 Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за незаконные культивирование, приобретение, хранение, перевозку, сбыт или пересылку, а также хищение или вымогательство таких растений.

Усилена уголовная ответственность за террористическую деятельность (Федеральный закон от 09.12.2010 № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»).

Внесенными в Уголовный кодекс РФ поправками предусматривается, что за совершение террористического акта, содействие террористической деятельности и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (публичное оправдание терроризма) условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть применено только после фактического отбытия осужденным не менее трех четвертей срока наказания.

Введен новый состав преступления – пособничество в совершении террористического акта, предусматривающий наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет. В данном случае пособничеством будет являться умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы.

Усилена уголовная ответственность за совершение террористического акта, содействие террористической деятельности, за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма.

Лица, осужденные за тяжкие преступления, не смогут усыновлять детей или становиться их опекунами (Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации»).

Федеральный закон принят для усиления гарантий прав усыновленных детей, а также детей, находящихся под опекой и попечитель-

ством. ФЗ призван предотвратить случаи усыновления, опеки и попечительства гражданами, которые могут причинить детям вред или оказать на них пагубное влияние.

После вступления федерального закона в силу усыновителями, попечителями и опекунами не смогут стать граждане, судимые за похищение человека, за использование рабского труда, за преступления, связанные с наркотиками и психотропными средствами, за вовлечение в занятие проституцией, за организацию притонов и распространение порнографии.

Следующим федеральным законом преследуются те же цели, но уже не только в отношении усыновителей, опекунов и попечителей. Принятие федерального закона позволит не допустить саму возможность воспитания детей лицами, когда-либо совершившими умышленные преступления против жизни или здоровья граждан, а также преступления против здоровья и общественной нравственности. Федеральным законом расширяется и конкретизируется перечень преступных деяний, судимость за которые препятствует усыновлению, опеке и попечительству.

Лица, судимые за насильственные преступления, не смогут работать в образовательных учреждениях (Федеральный закон «О внесении изменений в статью 221 Федерального закона "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" и Трудовой кодекс Российской Федерации»).

Приняты дополнения в Трудовой кодекс Российской Федерации, запрещающие доступ в образовательные учреждения лицам, судимым за насильственные преступления.

Федеральным законом предусматривается дополнить Трудовой кодекс Российской Федерации статьей 351¹, согласно которой к трудовой деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних не допускаются лица, имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних,

здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности.

Кроме того, федеральным законом устанавливается, что лицо, поступающее на работу к работодателю, осуществляющему деятельность в указанных сферах, обязано при заключении трудового договора предъявлять работодателю справку о наличии (отсутствии) судимости или факта уголовного преследования.

Аналогичные изменения вносятся в Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Увеличены штрафные санкции за невыплату заработной платы и иных социальных платежей (Федеральный закон от 23.12.2010 № 382-ФЗ «О внесении изменения в статью 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Согласно изменениям, внесенным в статью 145.1 УК РФ, частичная невыплата свыше трех месяцев заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат, совершенная из корыстной или иной личной заинтересованности руководителем организации, работодателем – физическим лицом, руководителем филиала, представительства или иного обособленного структурного подразделения организации, влечет за собой штраф в размере до 120 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до одного года, либо лишение свободы на срок до одного года. Под частичной невыплатой понимается осуществление платежа в размере менее половины подлежащей выплате суммы.

При полной невыплате заработной платы и иных социальных платежей свыше двух месяцев или их выплате в размере ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда осужденный может быть наказан, в частности, штрафом в размере от 100 000 до 500 000 рублей или лишением свободы на срок до трех лет.

Если те же деяния повлекли тяжкие последствия, размер штрафа составит от 200 000 до 500 000 рублей, лишение свободы на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового.

В связи с принятием Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» скорректированы положения

отдельных законодательных актов РФ (Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия»).

Основные изменения, внесенные в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и в УПК РФ, касаются разграничения полномочий создаваемого Следственного комитета РФ и прокуратуры. Так, из ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» исключены упоминания, связанные со Следственным комитетом при прокуратуре РФ и следственными органами прокуратуры.

К компетенции Следственного комитета РФ отнесены: проверка сообщения о преступлении, совершенном прокурором, возбуждение в отношении прокурора уголовного дела (за исключением случаев, когда прокурор застигнут при совершении преступления) и его предварительное расследование в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством РФ. В свою очередь, прокурор в ходе досудебного производства по уголовному делу уполномочен истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение.

Также корректирующие поправки внесены в том числе в следующие законодательные акты: Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации»; ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»; ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; УИК РФ; Налоговый кодекс РФ; ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»; ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

В соответствии с изменениями, внесенными в ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», Следственный комитет РФ включен в перечень органов, осуществляющих противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Закон вступает в силу с 15 января 2011 года, за исключением отдельных положений.

Внесены изменения в УПК РФ и в ФЗ «О содержании под стражей...», направленные на обеспечение конституционного права подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления на охрану жизни и здоровья (ФЗ от 29 декабря 2010 г. № 434-ФЗ «О внесении изменений в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Россий-

ской Федерации и статью 24 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений"»).

Согласно поправкам, в случае выявления у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, указанная мера пресечения (содержание под стражей) заменяется на более мягкую. Заболевание должно быть удостоверено медицинским заключением, вынесенным по результатам медосвидетельствования. Копии заключения в течение одного календарного дня передаются начальником места содержания подозреваемому (обвиняемому), его защитнику, а также следователю. Перечень болезней, препятствующих нахождению под стражей, порядок медосвидетельствования и форму заключения установит Правительство РФ.

Внесены изменения в УПК РФ, направленные на совершенствование процедуры проверки законности судебных актов (ФЗ от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»).

Цель внесенных поправок – усовершенствование проверки законности и обоснованности принимаемых в порядке уголовного судопроизводства актов.

Для всех судов общей юрисдикции устанавливается единый апелляционный порядок проверки не вступивших в законную силу судебных актов по уголовным делам.

Апелляционными инстанциями выступают районный суд (для актов мирового судьи), судебные коллегии по уголовным делам верховного суда республики, судов края, области и округа (в том числе автономных), города федерального значения, окружного (флотского) военного суда, а также Судебная и Военная коллегии Верховного суда РФ.

Подробно регламентирована процедура обжалования. Так, апелляционные жалобы, представление на приговор или иное решение суда первой инстанции разрешено подать в течение 10 суток со дня их вынесения. Осужденные, содержащиеся под стражей, могут это сделать в тот же срок с момента вручения копии приговора, определения, постановления.

Предусмотрены основания для отмены или изменения судебного акта, пределы прав и виды решений суда апелляционной инстанции и др. Введен новый кассационный порядок проверки судебных решений, вступивших в законную силу. Этим занимаются президиумы верховных судов республик, судов края, области и округа (в том числе

автономных), города федерального значения, окружного (флотского) военного суда, а также Судебная и Военная коллегии ВС РФ.

Надзорное производство является экстраординарной процессуальной формой проверки судебных решений. Оно отнесено к исключительной компетенции Президиума ВС РФ. Федеральный закон вступает в силу с 1 января 2013 г., за исключением отдельных положений.

Отредактированы некоторые разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам, возникающим при рассмотрении уголовных дел по отдельным категориям преступлений (Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам»).

В данных Пленумом разъяснениях речь идет о взяточничестве, о коммерческом подкупе, о краже, грабеже, разбое, о незаконном предпринимательстве, о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, а также о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами.

Кроме того, поправки коснулись разъяснений по судебной практике в отношении уклонения от призыва, от прохождения военной или альтернативной гражданской службы, а также по преступлениям, связанным с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспорта, угона.

Помимо этого уточнены постановления Пленума ВС РФ по процессуальным вопросам. В частности, они касаются применения судами особого порядка разбирательства уголовных дел, мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста. Затронута практика назначения и исполнения наказаний, применения условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания его более мягким видом, рассмотрения жалоб, ведения производства в надзорной инстанции.

Поправки обусловлены изменением уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также формулированием правовых позиций КС РФ. В частности, дополнительное наказание в виде лишения права управлять транспортом назначается в обязательном порядке виновному в нарушении ПДД, находившемуся в состоянии опьянения, если это повлекло по неосторожности определенные последствия. К таковым отнесены причинение тяжкого вреда здоровью человека, смерть (включая двух и более лиц). Отмечается, что в ходе судебного разбирательства суду нужно устанавливать, не было ли такое лицо в

связи с этим ДТП лишено водительских прав за сам факт управления в указанном состоянии при применении административной ответственности. Если таковое имело место, отбытый им период лишения права управления засчитывается в срок названного дополнительного наказания по уголовному делу.

Деньги и иное имущество, полученные в результате взятки или коммерческого подкупа, подлежат конфискации. Согласно редакции, это не касается случаев, когда они должны быть возвращены их владельцу. Аналогичное правило действует и в отношении доходов от такого имущества.

Разъяснены вопросы применения процессуальных норм, регулирующих производство судебной экспертизы по уголовным делам (Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»).

В принятом постановлении раскрыты понятия «государственные и негосударственные судебно-экспертные учреждения». Выделены особенности, которые должны учитываться при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом. Отмечено, что справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов ведомственного или другого исследования (полученные по запросу органов предварительного следствия или суда) не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении судебной экспертизы.

Затронуты некоторые моменты, касающиеся реализации прав участников судебного разбирательства при решении вопроса о проведении экспертизы (в т. ч. при определении возможности применять меры медицинского характера, при продлении срока пребывания в медицинском стационаре), при непосредственном процессе ее осуществления.

Подчеркивается, что подозреваемый, обвиняемый (и их защитники), а также потерпевший должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы до ее производства. Если лицо приобретает данный статус уже после ее назначения, его нужно ознакомить с этим постановлением одновременно с признанием его таковым. Об этом составляется протокол.

Рассмотрены особенности, которые должны учитываться при назначении комплексной экспертизы, при оформлении совместного заключения. Даны определения понятиям «недостаточная ясность» и «неполнота заключения эксперта» (основания для проведения дополнительной экспертизы). Приведены моменты, которые судам необхо-

димо принимать во внимание при оценке экспертного заключения. Указывается, что она может быть оспорена только вместе с приговором или иным итоговым судебным решением при его обжаловании.

Возможна ли цензура переписки лица, заключенного под стражу, со своим адвокатом?

Да, но в крайних случаях, и должна быть письменно оформлена.

КС РФ признал не противоречащими Конституции РФ взаимосвязанные положения статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», регулирующие осуществление администрацией места содержания под стражей цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых со своими адвокатами, поскольку, по смыслу этих законоположений, цензура переписки лица, заключенного под стражу, со своим адвокатом (защитником) возможна лишь в случаях, когда у администрации следственного изолятора есть разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений (что проверяется только в присутствии самого этого лица) либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер. В таких случаях администрация СИЗО обязана принять мотивированное решение об осуществлении цензуры и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий.

Как пояснил КС РФ обеспечение конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем, – необходимая составляющая права пользоваться юридической помощью.

Однако названное право не является абсолютным. Его ограничения допустимы лишь при условии их адекватности и соразмерности. Они могут быть оправданы лишь необходимостью обеспечить защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, оборону и безопасность государства.

В обоснование своего решения КС РФ привел, в частности, решения Европейского суда по правам человека, содержащие аналогичные выводы. Иное истолкование данных норм в правоприменительной практике, отметил КС РФ, не допускается.

(Постановление КС РФ от 29 ноября 2010 г. № 20-П)

*По материалам «Консультант Плюс» и «Гарант»
подготовил Юрий Александров*

Wikileaks о тюрьмах в России

Конфиденциально

27.08.2008г.

Тема: Тюрьмы в России

C O N F I D E N T I A L MOSCOW 000531

SIPDIS

SIPDIS

E.O. 12958: DECL: 02/27/2018

TAGS: PHUM PGOV TBIO RS

TEMA: Российские тюрьмы REF: A. 07 MOSCOW 4543

B. MOSCOW 325

C. MOSCOW 378

Засекречено: посол Уильям Дж. Бернс согласно 1.4(d).

1. (С) Аннотация: Российская система тюрем сочетает в себе несколько знаковых черт этой страны – огромные расстояния, суровый климат и нерадивую бюрократию, которые превращают эту систему в единый мощный карательный аппарат. В России доля заключенных по отношению к общей численности населения практически самая большая в мире (уступает только США). В сравнении с другими странами Запада эта система в основном ориентируется на наказание, а не перевоспитание и, хотя статистически сравнивать довольно сложно, в результате показатели рецидивизма в России более низкие, чем в западных странах. Недавние забастовки в тюрьмах, шокирующее поведение заключенных и снятые украдкой видео, на которых видно, как плохо с ними обращаются, – все это проливает свет на бесчеловечность и коррумпированность системы. Санитарно-гигиенические условия в российских тюрьмах оставляют желать лучшего – показатели

заболеваемости инфекциями здесь намного выше, чем в целом по стране. Однако мужская смертность в этих тюрьмах составляет всего одну треть от показателя смертности за пределами тюрьмы, что гораздо больше говорит о проблемах алкоголизма и безопасности на дорогах, чем о проблеме заболеваемости в тюремных стенах. В ответ на сообщения о жестоком обращении с заключенными раздались призывы к реформам, в частности, эти призывы прозвучали в недавнем годовом отчете Уполномоченного по правам человека. В то время как активисты неправительственных организаций, например подвергающийся нападкам Лев Пономарев, одобряют работу Лукина, непреодолимые трудности, связанные с материальной и культурной природой тюремной системы, означают лишь то, что все попытки как-то изменить ее условия или ее карательный характер, скорее всего, приведут лишь к поверхностным изменениям. Конец аннотации.

Структура тюремной системы

2. (У) Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН), подведомственная Министерству юстиции, управляет более чем 700 тюремными учреждениями по всей стране (в данном донесении не рассматривается система военных тюрем, которой заведует Министерство обороны). Все осужденные проходят четыре уровня, прежде чем их заключают в тюрьму: временное тюремное заключение до предъявления обвинений; содержание под стражей до начала судебного процесса (СИЗО); менее охраняемые исправительно-трудовые колонии (ИТК); хорошо охраняемые тюрьмы для более опасных преступников и для тех, кто нарушил правила ИТК. Юные заключенные отбывают свои сроки в воспитательно-трудовых колониях (ВТК) для несовершеннолетних. Несовершеннолетние проходят отдельно от взрослых практически по всем делам.

3. (С) Как говорит Лев Пономарев, который недавно учредил неправительственную организацию «За права заключенных», власти используют двухуровневую систему управления. Тюремные власти и конвой охраняют периметр, обеспечивая внешний уровень безопасности. Порядок внутри тюрьмы поддерживают сами заключенные – из их числа отбираются люди, которые выступают в качестве внутренних сил безопасности. Эти «элитарные» заключенные получают привилегии и защиту в обмен на осуществление жесточайших форм поддержания и наведения порядка среди заключенных. Пономарев назвал эту систему «довольно безопасным гетто». «Если одного из надзирателей убивают, они тотчас могут назначить нового. Возможно даже, что именно

убийца и встанет на место убитого». Пономарев сказал нам, что у заключенных нет выбора, и сослался на одного члена Национал-большевистской партии, которого отправили в карцер на один год за то, что он отказался стать надзирателем.

4. (С) Эта система использования заключенных для поддержания дисциплины и порядка была формально установлена Министерством юстиции в 2005 году. Как говорит Вильям Смирнов, член Совета по правам человека при президенте, Министерство юстиции формализовало ту систему, которая уже существовала долгое время. Смирнов защищал эту систему, говоря нам, что «это неплохая идея, но она неудачно осуществляется».

5. (С) По мнению Виктории Сергеевой, директора московского филиала «Международной тюремной реформы» (PRI), источник проблем – Министерство юстиции и ФСИН. Низкая оплата и низкий престиж тюремной администрации и конвоя в сочетании с отсутствием контроля и ответственности создают жестокую систему, изобилующую безжалостностью и коррупцией. Надзиратели используют насилие и угрозы для вымогательства. Другие берут взятки с родственников заключенных за разрешение пронести вещи, продукты. Сергеева сказала, что тюремная администрация знает о том, что происходит, и, возможно, получает свою долю от надзирателей.

Заключенные

6. (У) Согласно июльской статистике ФСИН, в заключении за уголовные преступления содержалось приблизительно 889 600 человек, включая 63 000 женщин и 12 000 несовершеннолетних. Показатель в 630 заключенных на 100 000 жителей – второй в мире после Соединенных Штатов (702 на 100 000). Количество заключенных за последние годы выросло. По сравнению с июлем 2005 года общее число заключенных возросло до 101 000 (13%), женщин до 15 000 (31%), а количество несовершеннолетних уменьшилось до 2400 (– 17%). Неудивительно, что большинство заключенных менее образованно и более бедно, чем население в целом по стране. Только 1,3% от всех мужчин-заключенных имеют университетское образование (относительно 22,5% в целом по стране). Около 60% осужденных были безработными до своего ареста, 70% не состояли в браке.

7. (С) В течение последнего года поступило несколько разрозненных сообщений о мятежах в тюрьмах, включая восстание и побег из тюрьмы для несовершеннолетних заключенных в Тольятти (Самарская область). Как говорит Пономарев, причиной бунта был перевод боль-

шого количества 20-летних заключенных в тюрьму для совершеннолетних. По закону, объяснил он, осужденные, которым на момент приговора не было 18, отправляются в тюрьмы для несовершеннолетних, где они могут оставаться до того, как им исполнится 21 год. Тогда они переводятся в тюрьмы для совершеннолетних. Другие акции протеста, такие как голодовки, являются обычным явлением, но Пономарев описывал новую шокирующую тактику, когда заключенные массово вскрывают себе вены на руках или шее, протестуя против массовых избиений. Несмотря на то что скудные тюремные условия за последние несколько лет к худшему не изменились, заключенные стали более организованными. «Пронесенные тайно мобильные телефоны позволяют заключенным контактировать друг с другом и координировать массовые акции», – сказал Пономарев.

Расстояние, климат и изоляция как наказание

8. (U) Тюремная система объединяет российские огромные расстояния и суровый климат в единую карательную систему. Хотя закон устанавливает, что осужденные не должны быть заключены под стражу за пределами своего родного региона в том случае, если местные тюрьмы не переполнены, этим предписанием обычно пренебрегают, сообщает Сергеева. Многие тюрьмы находятся в изолированных районах с суровыми климатическими условиями и эксплуатируют здания, которые недостаточно отапливаются и проветриваются. Часто перевод заключенных обусловлен недостатком места, но он также используется как форма наказания для проблемных заключенных. Самый известный пример – Михаил Ходорковский, который отбывает срок в Чите, за 4800 км от его родной Москвы. Его бывший компаньон Платон Лебедев отбывает заключение на расстоянии 1900 км от Москвы в Заполярье. Базирующийся в Москве Открытый институт здоровья (ОИЗ) сообщил, что такая физическая изоляция приводит к персональной изоляции и что общее количество заключенных, к которым в течение последних трех месяцев не приходили посетители, составляет от 50 до 80%. Такая изоляция от семьи и друзей отражается на последующей реабилитации и адаптации в обществе.

9. (U) В силу этой федеральной (не региональной) системы, несовершеннолетние и женщины часто оказываются далеко от своих домов. Например, на 1000 девушек-заключенных в стране приходится только три тюрьмы – одна в Томске для всей Сибири и Дальнего Востока, одна в Рязани и одна в Белгороде. Эти огромные расстояния не позволяют семьям регулярно общаться со своими детьми.

10. (U) Тюремные надзиратели все еще полагаются на традиционные формы насилия и ущемления, чтобы поддерживать порядок. Одинокое заключение на долгий период времени (иногда дольше чем год) используется, будучи незаконным. Иногда камеры настолько малы, что заключенный не может даже растянуться в полный рост на полу. То, о чем рассказал Пономарев, было обычным делом, он показал нам видео, снятое надзирателем и присланное анонимно в организацию «За права заключенных». На видео, уже выложенном на YouTube, показано, как в Свердловской области тюремные надзиратели прогоняют заключенных тюрьмы мимо служебных собак. Потом некоторых заключенных надзиратели заставили раздеться по пояс и растянуться над столом и избili их дубинками. «Это в порядке вещей, – сказал Пономарев, – необычно то, что это все было заснято». РЕН-ТВ показало фрагменты видео в вечернем выпуске новостей. Как утверждает в недавнем новостном сообщении из Калмыкии, после назначения нового тюремного начальника в местном СИЗО в тюрьму прибыл спецназ Министерства юстиции, который избивал каждого заключенного, говоря, что это привет от нового начальника тюрьмы. Пономарев сказал, что такие вещи выходят наружу довольно редко и что тюремная администрация будет и впредь эксплуатировать под тюрьмы отдаленные места и таким образом сможет препятствовать проверкам со стороны прессы, неправительственных организаций и государственных ревизоров.

11. (U) Как говорит Сергеева, показатель рецидивов в России – только 36% (в США и Великобритании – 50%). Она считает, что за этой относительно небольшой цифрой стоит несколько факторов, включая более длительные тюремные сроки (в среднем), которые держат людей в настоящем страхе вернуться в тюрьму снова (примечание: сложно объективно сравнивать российскую статистику со статистикой Соединенных Штатов, так как в США условия содержания разнятся как между штатами, так и федеральными тюрьмами. Конец примечания). «У нас все еще существует проблема, когда заключенные возвращаются в общество и им не оказывается никакой социальной поддержки. Федеральный бюджет финансирует тюрьмы и наказание, но расходы по перевоспитанию и социальному обеспечению предоставляет оплачивать местным и региональным органам власти. Это становится нашей проблемой».

Санитарно-гигиенические условия

12. (U) Условия содержания в СИЗО в целом хуже, чем в тюрьмах. Тюремной системе не хватает СИЗО, чтобы справиться с огромным количеством обвиняемых, поэтому широко распространены перенаселенность и убогие условия. Во многих СИЗО не хватает туалетов, и заключенным приходится пользоваться ведром. В одном из дел Европейского суда по правам человека (Майзит против России, № 63378/00) суд признал Россию виновной в нарушении Запрета на антигуманное и унижающее обращение (Prohibition of Inhuman or Degrading Treatment) за помещение Юрия Майзита в крайне переполненную камеру, в которой на одного человека приходилось меньше, чем два квадратных метра (по российскому законодательству, допустимый минимум составляет четыре квадратных метра на человека, а по европейскому – семь квадратных метров). Если верить активистам в защиту прав человека и уполномоченному по правам человека Лукину, схожие условия (и даже хуже) распространены в российской тюремной системе повсеместно.

13. (U) Санитарно-гигиенические условия в тюрьмах плохие. Перенаселенность – обычное явление, показатели заболеваемости туберкулезом и вирусом ВИЧ/СПИДа – намного выше, чем в целом по стране, и, хотя заболеваемость туберкулезом значительно снизилась с 1999 года, этот показатель среди заключенных все еще в пять раз выше, чем среди гражданского населения. Согласно информации Открытого института здоровья (ОИЗ), в 2006 году было 41 500 заключенных с вирусом ВИЧ/СПИДА, а это приблизительно 10% от общего числа случаев заболеваемости в стране. Заключенные с туберкулезом содержатся отдельно от остальных, и им оказывается тщательный медицинский уход, но, поскольку обычно лечение туберкулеза занимает 12 месяцев, а в случае с его лекарственно-устойчивой формой и дольше, многие заключенные выходят на свободу, не окончив лечения, 40% так и не заканчивают его на свободе. Исследование института в 2005 году показало, что бывшие заключенные являются распространителями инфекций среди остального населения, и ОИЗ указывает в качестве примера на 20% случаев заболеваемости туберкулезом среди гражданского населения.

14. (U) Заместитель директора ОИЗ Алексей Бобрик привел парадоксальную статистику. Выходит, что, хотя показатель смертности от инфекционных заболеваний в тюрьмах выше, чем среди населения в целом, общий показатель смертности в тюрьмах составляет лишь одну треть от общего показателя по населению в целом. Бобрик и другие работники института считают, что причина такой статистики в том, что за тюремными стенами нет дорожных аварий, производственных не-

счастных случаев и злоупотребления спиртным. Однако в долгосрочной перспективе здоровье заключенных страдает очень сильно, так как заболевания, стресс и последствия плохого питания начинают проявляться позже.

Непосредственные наблюдения

15. (SBU) Работники посольства и консульства посетили несколько тюрем по всей России и сообщили, что условия там (в целом) плохие. В Холмском центре предварительного заключения на острове Сахалин все буквально рушится на глазах, опасно ходить по коридорам, в темных жилых помещениях нет каких-либо удобств. Одному содержащемуся там американцу было отказано в постели, и его здоровье значительно ухудшилось за несколько недель пребывания в центре.

16. (SBU) Условия, которые увидели работники консульства, в целом лучше условий большинства российских тюрем, как говорят сами заключенные. Служащие консульства обычно встречались с заключенными в комнате свиданий, иногда под присмотром надзирателей, но чаще наедине. У нас есть доступ в мордовскую тюрьму, в которой обычно держат иностранцев, но мы не можем сказать, что эта тюрьма – типичный образец российской тюремной системы. Американский гражданин, который сидел за педофилию, на переданные ему деньги и товары купил расположение и защиту тюремного коменданта. Он не жаловался на угрозы со стороны других заключенных, хотя это, в общем, не типично для российских тюрем, в которых педофилы стоят на нижней ступеньке тюремной иерархии.

17. (SBU) В женской тюрьме в Можайске (Московская область) для посольства и делегации Департамента юстиции была устроена экскурсия по жилым блокам и фабрике по производству одежды, затем им показали причудливое шоу – показ мод и талантов, устроенный самими заключенными. 18 из 43 женских тюрем в России позволяют заключенным, имеющим детей до трех лет, проживать с детьми на территории тюрьмы, и забеременевших в других тюрьмах женщин переводят в эти тюрьмы. Только в можайской и мордовской тюрьмах женщинам разрешается жить и спать в одной комнате со своими маленькими детьми. Когда детям исполняется три года, их отдают родственникам или отправляют в приют. В можайской тюрьме было чисто, все в хорошем состоянии, и фабрика, на которой заключенные производят униформу для военных, милиции и других государственных служб, показалась нам безопасной, хорошо освещенной и хорошо управляемой.

Упущения и попытки реформировать систему

18. (С) Уполномоченный по правам человека Владимир Лукин на встрече 7 февраля сказал послу, что условия содержания в тюрьмах являются для него одной из самых важных тем, но что он с трудом получал свободный доступ туда. Тюремные власти, по его словам, являются основной преградой, с которой он сталкивается, пытаясь разобратся с жалобами заключенных. Лукин сказал, что ФСИН улучшает условия содержания очень медленно и что строительство новых тюрем не решает проблем санитарии и перенаселенности.

19. (SBU) 14 февраля Лукин выпустил отчет о ситуации с правами человека в России (за 2007 год), в котором критиковал ФСИН за плачевное состояние тюрем и отсутствие отлаженной системы реагирования на нарушения. Как и отчет 2006 года, отчет 2007 года главным образом фокусируется на нарушениях в тюремной системе. Как заметил Лукин, 20% от 15 000 жалоб, которые он получил в прошлом году, были жалобами на плохое обращение. Лукин написал, что примерно по половине этих жалоб велись расследования, но тюремные власти все время мешали ему и его работникам получать необходимые доказательства. Как сказал Лукин, из 1500 дел, к которым было привлечено внимание тюремных властей, менее чем в 150 произошли какие-то изменения в лучшую сторону.

20. (SBU) Лукин предложил несколько реформ, одна из самых крупных – увеличение срока условного заключения, что позволит решить проблему перенаселенности тюрем и сдвинет тюремную систему, ориентированную на наказание, в сторону перевоспитания. Он также предложил несколько второстепенных улучшений, например, перевести систему тюремных больниц из-под управления Министерства юстиции под управление Министерства здравоохранения. Лукин заметил, что в России уже есть адекватная законодательная база, с помощью которой можно разобратся со многими нарушениями, например содержать заключенных рядом с их родным регионом и обеспечивать им хороший медицинский уход. Проблема, однако, в том, что ФСИН часто игнорирует закон.

21. (С) Пономарев и руководитель программы «Penal Reform International» Алла Покрас одобряют работу Лукина и Эллы Памфиловой, председателя Совета по правам человека при президенте, но говорят, что проблемы тюремной системы слишком велики и труднопреодолимы, чтобы они могли их решить. Памфилова сказала послу 11 февраля, что ее предложения по реформированию системы блокировались Министерством юстиции. Пономарев заметил, что Путин встре-

чался с Памфиловой 11 января, чтобы обсудить проблемы в тюремной системе, но не предложил ничего существенного. Цитата из Путина: «Ситуация (в тюрьмах) меняется медленно, но, конечно, в основном благодаря последовательной и систематической работе организаций по защите прав человека». Хотя Пономарев согласился с тем, что организации по защите прав человека делали большую часть работы по реформированию системы, он не согласился с тем, что ситуация меняется к лучшему, и добавил, что организации по защите прав человека не могут работать в одиночку. «Мы можем пролить свет на то, что происходит в тюрьмах, но тюрьмами управляет государство, и ни мы, ни Лукин не можем получить доступ в 40 самых худших "пыточных тюрем". Как можно ожидать, что мы сможем изменить эту систему?»

22. (U) 22 февраля Московский суд рассматривает жалобу главы ФСИН Калинина, который подал иск на Пономарева за клевету. Дело было заведено в результате интервью, которое Пономарев дал *Regnum.ru* в ноябре 2006 года. В интервью Пономарев назвал Калинина «автором» системы, в которой избранные заключенные следят за порядком и дисциплиной в тюрьме. Пономарев также описал сеть 40 «пыточных тюрем» и заявил, что пытки, избиение и насилие (или угрозы) используются, чтобы выбивать признания и контролировать заключенных. Обвинение не касалось характеристики, которую Пономарев дал тюремной системе, а сфокусировало внимание на факте, что именно постановление Министерства юстиции, а не Калинин лично, учредило существующую систему. Если Пономарева признают виновным, он три года будет на непосредственном опыте испытывать, что такое тюремная система.

Комментарий

(С) Такую обширную и укоренившуюся тюремную систему, как российская, трудно, если не невозможно, реформировать. Эта система, которая существенно не изменилась со времен царизма и ГУЛАГа, способствует распространению болезней, злоупотреблений и коррупции. Наблюдатели сходятся во мнении, что сочетание расстояний, изоляции, коррупции и общего равнодушия к тяжелому положению заключенных создает жестокую систему, которая будет сопротивляться разоблачениям своих внутренних практик или их реформированию.

Опубликовано: 7 января 2011 г.

Александр Зимбовский

Дело Соколова. Как можно посадить каждого

Липа из прошлого

13 мая 2009 года руководитель СПОО «Правовая основа», член Общественной наблюдательной комиссии по контролю за местами лишения свободы в Свердловской области, Алексей Соколов был задержан во дворе собственного дома. Следует отметить, что пришедшие за ним правоохранители не потрудились ни предъявить документы, ни предложить «проследовать». Просто набросились на Алексея, повалили его на землю и сковали наручниками. В момент задержания на руках у Соколова находилась его маленькая дочка, но это ничуть не смутило правоохранителей. В итоге маленького ребенка чуть не уронили на землю.

«Обезвредив» правозащитника, милиционеры вызвали по домофону его жену и, не затрудняя себя объяснениями, сунули ей плачущую девочку, швырнули Соколова в машину и ударили по газам.

22 мая Алексею Соколову было предъявлено обвинение. Оказалось, что в 2009 (!) году органам стало известно, что Соколов совершил в 2004 (!) году акт разбоя в г. Богданович Свердловской области и в 2001 (!) году – акт грабежа в Красноуфимске. Причем известно это стало не откуда-нибудь, а из свидетельских показаний – несколько уже давно осужденных и сидящих в тюрьме уголовников «вспомнили», что ходили на дело вместе с Соколовым.

Представьте, что кто-то так же «раскаялся» по вашему поводу. Сможете вы вспомнить, что делали в строго определенный день лет пять – десять назад? А найти свидетелей, способных подтвердить ваше алиби?

Как бы то ни было, но Верх-Исетский суд города Екатеринбурга избрал для Соколова меру пресечения в виде заключения под стражу.

31 июля 2009 года Свердловский областной суд вынес решение об освобождении Алексея Соколова. Однако Соколов с территории СИЗО (как это сейчас модно, в суде участвовал не он сам, а только его сни-

маемое на видеокамеру изображение) не вышел. Он был арестован снова прямо внутри узилища за кражу, «совершенную» в Екатеринбурге в 2004 (!) году. Излишне упоминать, что обвинение также строилось на показаниях уже осужденных за эту кражу эзков.

Как пробудить память

Что послужило реальной причиной ареста Соколова? На этот вопрос нетрудно ответить, если вспомнить, что за несколько лет работы в СПОО «Правовая основа» и Общественной наблюдательной комиссии Алексей Соколов успел организовать ряд проверок по фактам систематического избиения в исправительной колонии ИК-2, организовать проверку по фактам систематического членовредительства среди заключенных в колонии № 62 в Ивделе, принять участие в расследовании убийства заключенных в Копейской колонии № 1 (Челябинская область). Деятельность Соколова и его товарища по работе Дмитрия Рожина привела к тому, что многие сотрудники ФСИН понесли заслуженное наказание.

Судя по всему, чаша терпения уральских силовиков переполнилась после того, как Соколов и Рожин, предприняв общественное расследование трагедии на дискотеке в Первоуральске, нашли и обнародовали доказательства того, что гибель во время давки нескольких человек произошла в результате халатности милиции.

«Неизвестные доброжелатели» предупреждали и Соколова, и Рожина, что дискотекой лучше не заниматься. Они предупреждениям не вняли, и уголовное дело на Соколова и Рожина было возбуждено 23 апреля 2009 года, как раз в день пресс-конференции по поводу трагедии. Правда, Дмитрию Рожину повезло больше, чем Соколову: он, по крайней мере, пока находится на свободе, однако деятельность Общественной наблюдательной комиссии оказалась сильно затруднена.

Хорошее место для отправления правосудия

26 января 2010 года должно было пройти первое судебное слушание по делу Соколова. Следует отметить, что судили Соколова не по месту жительства (в Екатеринбурге), как то положено по закону, а в городе Богданович (Свердловская область). Для не знающих географию Свердловской области поясню – в городе, максимально удаленном от областного центра Екатеринбург.

Во время этапирования Соколов был избит. Один из «свидетелей» по его делу, некий Евгений Беляш, подошел к нему и сказал: «Тебя предупреждали, а ты не понимаешь». Соколова позвали, он двинулся к двери, а Беляш подбежал и нанес сильный удар в челюсть.

Для того чтобы защитить процесс от излишнего общественного внимания, применялись и иные, помимо выбора максимально удаленного места, меры. Так, по словам Глеба Эделева, перед первым заседанием сначала одни судебные приставы обыскивали его и правозащитника Владимира Шаклейна до бесконечности, а затем другие заявили, что «в зале нет места, и у меня приказ начальства никого не пускать».

А суд идет

Впрочем, если учесть основательность доказательной базы, желание максимально оградить процесс от лишнего внимания выглядело вполне логичным: помимо показаний нескольких ранее осужденных на длительные сроки, а значит, зависимых от тюремщиков заключенных, иных доказательств вины Соколова предъявлено не было.

Кроме этого, как рассказывает Глеб Эделев (екатеринбургское Движение против насилия), «суд не дал оценку показаниям свидетелей обвинения: показаниям охранников, пострадавших от нападений уголовников в Богдановиче и Красноуфимске. А ведь эти люди – потерпевшие. Именно им угрожали, именно их связывали скотчем и опаивали водкой ворвавшиеся в караулку люди. Ни один из них Алексея Соколова не опознал. Ни один из них даже не слышал слов человека с дефектом речи (Алексей не выговаривает несколько букв). А ведь если бы в сторожку ворвался человек с криками: "Все м лезать! Это оглавление!", это не могло не запомниться».

И наконец, защита представила письменные показания заключенных, свидетельствовавших, что фсиновцы пытались заставить их оговорить Соколова.

Угадать судебное решение нетрудно: 13 мая 2010 года приговором Богдановичского городского суда Алексею Соколову было назначено наказание в виде пяти лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Алексей был признан виновным в совершении грабежа в г. Богданович (ст. 161 ч. 3 п. «а» УК РФ «Грабеж, совершенный организованной группой») и кражи в г. Красноуфимск (ст. 158 ч. 3 п. «б» УК РФ «Кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище, в особо крупном размере»).

По эпизоду кражи в Екатеринбурге, той самой, которая послужила основанием для заключения в СИЗО, Алексей был оправдан судом.

18 августа 2010 года состоялось заседание Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда. Естественно, оправдать Соколова суд отказался, однако милостиво снизил срок отсидки до трех лет.

Исключительно в целях безопасности

По закону, заключенных следует отправлять для отбытия наказания в места лишения свободы, расположенные максимально близко к месту постоянного проживания заключенного (чтобы осужденный мог сохранить необходимые для исправления социальные связи с родственниками). Алексей Соколов был направлен для отбытия наказания в Красноярский край. Как объяснили представители УФСИН, для обеспечения безопасности Соколова (а может, своей – вдруг за решеткой Соколов проведет еще одно-другое расследование).

14 декабря 2010 года состоялся суд по условно-досрочному освобождению Соколова. Разумеется, ему было отказано. По мнению судьи Сосновоборского городского суда Астраханцева Е.Ю., Алексей Соколов не встал на путь исправления, о чем свидетельствовали два наложенных на него дисциплинарных взыскания. Интересно, что оба эти взыскания (за то, что прилег на кровать в неположенное время с намерением почитать Кафку, и за то, что по инициативе другого осужденного в неустановленное время выпил чаю в память об умершем отце) были наложены на Соколова сразу же после того, как его адвокат подал ходатайство об УДО.

21 января 2011 года в Ленинском районном суде Екатеринбурга у судьи Проняевой Г.А. началось рассмотрение по существу заявления политзаключенного Алексея Соколова и его жены Гули Соколовой. Соколовы обжаловали действия ФСИН, направившего Алексея отбывать срок в места столь отдаленные от места его постоянного проживания. Фсиновцы, обосновывая свои действия, предоставили объяснительные экзков Аникина, Александра Соколова, Беляша и Скворцова. А ведь Алексей Соколов был отправлен за решетку на основании показаний именно этих граждан. Причем, если ранее во время проходящего в Богдановиче судебного процесса все они, давая показания против Алексея Соколова, единодушно свидетельствовали, что никаких отрицательных чувств к нему не испытывают, то в этих объяснительных зафиксировано совсем другое. Господа «честные свидетели» недрогнувшей рукой написали, что они испытывают неприязнь к Алексею Соколову и хотят с ним «разобраться» при встрече. И при этой «внезапно вспыхнувшей» неприязни заявители все равно выразили беспокойство о судьбе Соколова и попросили ФСИН отправить его для отбытия наказания в другой регион. Суд идет.

Правозащитная позиция по реформе российской пенитенциарной системы

Меморандум

– Новое руководство Федеральной службы исполнения наказаний России (ФСИН) пытается делать определенные шаги к улучшению совершенно скандальной ситуации, сложившейся к 2009 году в пенитенциарной системе, идет на диалог с гражданским обществом.

Однако обстановка в учреждениях ФСИН очень сложная, часто трагическая. В России начинается новая, самая важная за последние десятилетия попытка реформы пенитенциарной системы. Как и все предыдущие, ее концепция предварительно не обсуждалась публично, к ее подготовке не было привлечено гражданское общество, не проводилась независимая экспертиза.

Причиной реформы стал явный и всесторонний кризис существующего уголовного-исполнительного ведомства и всего комплекса, связанного с исполнением правосудия и ресоциализации осужденных. Одним из симптомов этого кризиса стало нарастание коллективных протестных акций заключенных. Значительная часть этих акций проходила в исключительно ненасильственной форме – заключенные, иногда вплоть до нескольких сот человек одновременно, наносили себе раны.

Начиная новую пенитенциарную реформу, руководство Министерства юстиции и Федеральной службы исполнения наказаний публично охарактеризовали сложившуюся систему исполнения наказаний наследницей сталинской лагерной системы, признали тот факт, что именно близкие к администрации заключенные («активисты») являются базовой причиной господства жестокости и произвола.

– Правозащитники, готовя в предыдущие годы обзорные доклады о положении в местах лишения свободы, отмечали, что, несмотря на благоустройство и строительство мест заключения, условия содержания

во многих находятся на грани пыточных. В числе мест лишения свободы или отдельных участков в рамках конкретных учреждений были выделены особые пыточные зоны (или «пресс-зоны»), число которых, судя по данным мониторинга обращений и жалоб заключенных и родственников, в настоящий момент составляет порядка 50. Главная задача этих «пресс-зон» – принуждение заключенных к даче нужных показаний, к самооговору и оговору других, психологическая ломка.

Основной причиной наиболее грубых нарушений прав человека в местах заключения стал так называемый «актив» – члены формально распущенных с начала 2010 года «секций дисциплины и порядка», деятельность которых носила откровенно антиконституционный характер и более всего напоминала функции «капо» в нацистских лагерях.

Должностные лица администрации, теоретически призванные содействовать ресоциализации осужденных, понимают свои обязанности как необходимость стравливать группировки заключенных и создавать сети осведомителей. Ликвидированные «секции дисциплины и порядка» были превращены в иные «добровольные» объединения, например «пожарных», – практически с теми же возможностями для господства актива над другими заключенными.

Кроме того, очень важно отметить, что подчинение медицинских учреждений в местах заключения пенитенциарному ведомству создает условия для сокрытия болезней заключенных и безнаказанность при халатном отношении к лечению.

– Кроме бесправия заключенных, важно отметить социальную незащищенность сотрудников администрации, прежде всего низшего звена, что соответствующим образом сказывается на кадровой политике, служит для многих из них предлогом для жестокости и равнодушия к страданиям, в огромной степени содействует тотальной коррупции, включая участие в наркоторговле в местах заключения.

– Фундаментальная причина культивирования бесправия, институализированной жестокости и полной закрытости «пыточных зон» – это война государства с так называемой криминальной субкультурой. Эта война носит все признаки идеологических войн тоталитарных режимов, в том числе широкое и систематическое применение пыток, включая избияния, длительное заключение в карцерах, гомосексуальное изнасилование, с целью вынудить заключенных совершать поступки, несовместимые с их представлением о человеческом достоинстве и с социальным статусом, например надеть красную повязку «активи-

ста», вне очереди и наряда вымыть уборную, вымыть унитаз зубной щеткой, вымыть пол в штабе...

Однако идеологическая война никак не может быть задачей пенитенциарной системы в демократическом обществе.

Необходимо отметить, что нынешний вариант тюремной реформы воспринимается именно как новый этап этой войны.

– Формально новая реформа предусматривает разделение осужденных, имеющих первую судимость, от рецидивистов.

На деле эти меры уже привели к широкомасштабному перемещению заключенных в другие колонии. Результатом стали грубые нарушения прав осужденных:

– вопреки все более часто нарушаемому, но все-таки, как правило, соблюдаемому принципу отбытия наказания в достаточной близости от места жительства, осужденные попадают в отдаленные регионы, что, среди прочего, сильно осложняет проезд к ним родных на свидание, помещает в непривычные климатические условия;

– поскольку в традицию администрации многих мест заключения входит «ритуальное» избиение вновь прибывшего этапа осужденных – для острастки и психологического слома, то одномоментные перемещения десятков тысяч заключенных сопровождались буквально потоком сообщений о расправах и издевательствах.

– Основным результатом начавшейся реформы должна стать ликвидация колоний общего и строгого режима и перевод рецидивистов, по мнению тюремщиков, приверженных криминальной субкультуре, в тюрьмы, условия в которых куда хуже содержания в лагере. При этом будет полностью игнорироваться личность осужденного, его моральные качества.

– Несмотря на декларирование властями поддержки общественного контроля, постоянно предпринимаются попытки его выхолостить. Так, совсем недавно в закон, определяющий права визитеров, была предложена поправка, которая требует исключить возможность конфиденциального общения заключенных с визитерами, что, по сути, сделало бы общественный контроль фикцией.

– Для постепенного разрешения проблем в пенитенциарной системе и создания системных условий, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов заключенных, мы прежде всего предлагаем, чтобы начавшаяся реформа пенитенциарной системы, сопровождающаяся грубейшими нарушениями прав человека, была приостановлена.

Должны быть гарантированы:

– обязательное пребывание осужденных не далее определенного расстояния от дома, с обеспечением за счет государства частичной компенсации поездок на свидание для близких родственников, имеющих низкие доходы;

– конфиденциальность общения заключенных с визитерами и практическая реализация права депутатов всех уровней на визитирование с полномочиями общественных наблюдателей;

– регулярная связь заключенных с домом, в том числе путем широкой телефонизации мест заключения;

– социальная защита заключенных и создание условий для ресоциализации и моральной изоляции преступных авторитетов путем формирования бригад для возмездной трудовой деятельности с обязательным заключением коллективных договоров с осужденными. Обеспечение мастерских в колониях оборудованием, в том числе на основе лизинга;

– социальная защита сотрудников администрации путем заключения коллективных договоров, распространения на них льгот и гарантий сотрудников силовых структур, в том числе при обеспечении жильем.

– В рамках последовательной реформы пенитенциарной системы, имеющей целью гуманизацию и ресоциализацию, необходимо будет предпринять следующие принципиальные меры:

– существенно снизить порог тяжести заболеваний и расширить их перечень, на основании чего заключенные освобождаются из-под стражи, а также распространение этих критериев на всех подследственных и подсудимых;

– обязательное страхование жизни и здоровья заключенного по стандартам страхования военнослужащих, вступающее в силу в момент принятия решения о лишении его свободы на весь период заключения;

– перевод медицинского персонала пенитенциарных учреждений в Минздравсоцразвития при распространении на них социальных льгот работников силовых структур;

– ФСИН России, его региональным управлениям и администрации конкретных мест заключения должно быть вменено в обязанность проведение работы по образовательной и профессиональной подготовке заключенных, в том числе с прицелом на дальнейшее трудоустройство и продолжение образования. Администрация должна будет собирать предложения по вакансиям и доводить их до сведения осужденных.

– Основой реформы ФСИН должна стать коренная кадровая реформа, с учетом опыта начавшейся сейчас реформы милиции – переезде

станции, проверки психологической пригодности, знаний основ права. В экспертизе должны обязательно участвовать независимые специалисты. По результатам экспертиз должны быть уволены все те сотрудники, которые потенциально склонны к насилию и унижениям.

Людмила Алексеева,
председатель Московской Хельсинкской группы, председатель
правления фонда «За права заключенных»;
Лев Пономарев,
исполнительный директор ООД «За права человека»,
заместитель председателя правления фонда
«За права заключенных»;
Валерий Борщев,
член Московской Хельсинкской группы

ФОНД «В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ»

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (декабрь – февраль 2011 года)

Удмуртия

9 декабря 2010 года

В ИК-6 пытались скрыть несчастный случай на производстве.

В декабре 2009 года в медицинскую часть ФБУ ИК-6 УФСИН России по Удмуртии был доставлен 32-летний осужденный с открытым переломом правой голени. В администрации ИК было составлено заведомо недостоверное заключение о бытовом характере несчастного случая, произошедшего якобы в результате падения мужчины с лестницы. В ходе прокурорской проверки установлено, что в действительности травма получена осужденным в выходной день во время валки леса на выездном объекте. Кроме того, проверкой выявлен факт привлечения к перевозке осужденных лица, не имеющего права на управление транспортным средством и отбывающего наказание в исправительном учреждении за совершение преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ (нарушение Правил дорожного движения). По выявленным нарушениям на имя начальника УФСИН России по Удмуртии заместителем прокурора республики внесено представление, по результатам рассмотрения которого будет решен вопрос о привлечении виновных к строгой дисциплинарной ответственности. Материалы проверки по данному факту направлены в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Челябинская область

23 декабря 2010 года

Прокуратура Челябинской области провела **проверку по факту массового членовредительства осужденных** в учреждении ИК-2 ГУ ФСИН России, которая выявила многочисленные грубые нарушения законодательства.

Работники прокуратуры установили, что к массовой акции протеста привели ненадлежащая организация оперативной, режимной и воспитательной работы с осужденными, а также нарушения порядка привлечения осужденных к труду. Кроме того, своевременно не были приняты меры к разобщению организаторов акции. Также среди нарушений то, что у осужденных, занятых на тяжелом производстве, фактически отсутствовало время на воспитательные, культурно-массовые мероприятия и личное время. Рабочее время превышало 40 установленных законом часов в неделю. При этом заработная плата заключенным выдавалась с нарушением. Нарушались в ИК-2 и требования закона при работе с жалобами и обращениями осужденных.

Инцидент в колонии произошел 6–7 декабря. 21 заключенный вскрыл себе вены – ранения оказались не слишком серьезными, никому медицинская помощь не понадобилась. В ГУ ФСИН утверждали, что акт неповиновения организован новичками, прибывшими в колонию в мае 2010 года.

Свердловская область

24 декабря 2010 года

Сотрудник ЛИУ-58 задержан за хранение наркотиков. Следственными органами Следственного комитета по Свердловской области возбуждено уголовное дело в отношении 28-летнего младшего инспектора отдела безопасности ЛИУ № 58 регионального управления ФСИН России Сергея Перминова, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ (незаконное хранение наркотических средств в особо крупном размере). Согласно материалам уголовного дела, 30 ноября 2010 года в ходе проведения оперативных мероприятий сотрудниками регионального управления Госнарконконтроля России в автомобиле под управлением Перминова обнаружен шприц с наркотическим средством дезоморфин массой не менее трех граммов, что является особо крупным размером.

Нижегородская область

30 декабря 2010 года

Поселок Восход Варнавинского района Нижегородской области **и расположенная в поселке колония** строгого режима ФБУ ИК-7 **практически не отапливаются**. Температура в помещениях не превышает 7–9 градусов. Тепло не дает котельная, находящаяся на территории колонии. Котельная принадлежит ФСИН, и начальник ИК-7 Алексей Фомин в сентябре отчитался о готовности котельной к эксплуатации, однако оказалось, что летом два тепловых котла были разобраны для капитального ремонта и до сих пор не запущены. Два других котла находятся в аварийном состоянии и могут лишь поддерживать температуру, необходимую для предотвращения замерзания теплотрасс.

14 января 2011 года

Завершено расследование уголовного дела в отношении 44-летнего начальника отряда ИК № 9 ГУ ФСИН по Нижегородской области и его 39-летнего знакомого. В зависимости от роли каждого они обвиняются в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 290, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 290, ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 290 УК РФ (**получение взятки, покушение на ее получение должностным лицом через посредника, а также пособничество в покушении на получение взятки**). По версии следствия, вечером 25 ноября 2010 года сотрудник колонии, расположенной в Дзержинске, незаконно потребовал от жены осужденного 30 тысяч рублей за содействие в условно-досрочном освобождении ее мужа. Посредником при получении взятки выступил знакомый злоумышленника. В тот же день за территорией колонии во время передачи части требуемой суммы в размере 23 тысяч рублей посредник был задержан. В ходе расследования также выяснилось, что в июле 2010 года сотрудник уголовно-исправительной системы получил от жены осужденного 25 тысяч рублей за подготовку документов в суд для решения вопроса об условно-досрочном освобождении ее мужа. Дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

Забайкальский край

14 января 2011 года

Завершено расследование уголовного дела в отношении бывшего начальника СИЗО №2 УФСИН по Забайкальскому краю (ФБУ ИЗ-75/2) Алексея Кривошеева и его заместителя Алексея Амаева, **обви-**

няемых в превышении должностных полномочий. По версии следствия, в период с 4 по 14 мая 2008 обвиняемые, находясь при исполнении своих должностных обязанностей, организовали на территории ФБУ ИЗ-75/2 незаконные встречи трех посторонних лиц со следственно-арестованным гражданином при отсутствии на это разрешения. В ходе свиданий в отношении следственно-арестованного было совершено вымогательство в особо крупном размере (ч. 3 ст. 163 УК РФ). «Находясь в режимном корпусе без ограничений в речевом и физическом контакте, наедине с вымогателями, подследственный арестованный вынужден был согласиться на подписание от своего имени фиктивного договора займа денег у одного из прибывших на встречу лица в размере более четырех миллионов рублей и переписал документы по оформлению права собственности на принадлежавшую ему квартиру на другое лицо», – сообщили в пресс-службе СК по Забайкальскому краю. В ближайшее время уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением будет направлено в Краснокаменский районный суд для рассмотрения по существу.

Ямало-Ненецкий автономный округ

17 января 2011 года

В Лабитнанги **возбуждено уголовное дело в отношении начальника участка колонии-поселения.** Он подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ (получение должностным лицом взятки за незаконные действия). По данным следствия, в сентябре 2010 года начальник участка колонии-поселения обратился к бывшему осужденному с предложением предоставить ему в личное пользование принтер, пообещав в обмен совершить действия, способствующие условно-досрочному освобождению его знакомой, отбывающей наказание в колонии-поселении. Мужчина с предложением согласился, за личные средства приобрел принтер и выслал по почте. Начальник участка колонии-поселения, получив принтер, используя свое служебное положение, вопреки интересам службы, понимая, что нарушения условий отбывания наказания могут быть расценены судом как условия, препятствующие условно-досрочному освобождению от отбывания наказания, скрыл ряд фактов нарушения осужденной режима отбывания наказания, оказав тем самым содействие ей в условно-досрочном освобождении из мест лишения свободы. В настоящее время расследование уголовного дела продолжается.

Татарстан

19 января 2011 года

Начальник ИК-2 Фаргат Галлямов отказал членам Общественной наблюдательной комиссии, имеющим право на беспрепятственный доступ в любое закрытое учреждение республики, **в посещение учреждения,** в котором перед новогодними праздниками свыше десятка осужденных нанесли себе порезы в знак протеста. По данным правозащитников, накануне в учреждении начала работать комиссия из центрального аппарата ФСИН России.

В присутствии московских контролеров на территории учреждения начальник ИК-2 Фаргат Галлямов не разрешил впускать членов ОНК. Правозащитники будут добиваться привлечения начальника колонии к административной ответственности за недопуск общественных наблюдателей в исправительное учреждение. По закону виновному грозит штраф от 500 до 1000 рублей.

Удмуртия

26 января 2011 года

Следственными органами Следственного комитета РФ завершено расследование уголовного дела в отношении младшего инспектора группы надзора отдела безопасности федерального бюджетного учреждения ЛИУ-4 республиканского управления ФСИН РФ 32-летнего прапорщика внутренней службы. Он обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 290 УК РФ (покушение на получение взятки).

9 ноября 2010 года обвиняемый получил денежные средства в качестве взятки от знакомой осужденного, содержащегося в исправительном учреждении. За незаконное денежное вознаграждение прапорщик пообещал женщине пронести на территорию жилой зоны сотовый телефон и передать его лицу, находящемуся под стражей. После того как он получил деньги и телефон, его задержали сотрудники правоохранительных органов. Дело направлено в суд.

Челябинская область

31 января 2011 года

Прокуратурой Челябинской области **за получение взятки и сбыт наркотиков в особо крупном размере предан суду экс-инспектор режимного отдела** спецучреждения ФБУ-Т ГУ ФСИН Владимир Распопов. В судебном заседании прокурором доказано, что Распопов за взятку в размере 15 тысяч рублей согласился принести на территорию тюрьмы наркотические средства для передачи осужденным. Получив «аванс» в сумме 5 тысяч рублей, инспектор раздобыл героин, гашиш и масло каннабиса общей массой более 100 граммов, которые и попытался занести на территорию спецучреждения, однако был задержан с поличным на контрольно-пропускном пункте.

В соответствии с позицией прокурора Распопов признан виновным по ч. 2 ст. 290 (получение должностным лицом взятки за незаконные действия), ч. 1 ст. 30, п.п. «б» и «г» ч. 3 ст. 228.1 (приготовление к незаконному сбыту наркотических средств в особо крупном размере, с использованием служебного положения) Уголовного кодекса Российской Федерации и осужден к 8 годам 6 месяцам лишения свободы в колонии строгого режима, со штрафом в размере 30 тысяч рублей и лишением права занимать должности в государственных учреждениях.

Обвинительный приговор вступил в законную силу.

Курская область

4 февраля 2011 года

Возбуждено уголовное дело в отношении 23-летнего **младшего инспектора** 2-й категории группы надзора отдела безопасности ФБУ ИК № 9 УФСИН России по Курской области, подозреваемого в получении взятки. По версии следствия, вечером 6 декабря 2010 года подозреваемый в районе Магистрального проезда Курска получил взятку от жителя города за передачу марихуаны содержащемуся в исправительной колонии осужденному.

Волгоградская область

14 февраля 2011 года

Во время планового обыска в колонии № 26 строгого режима Красноармейского района Волгограда было изъято множество запрещенных к использованию предметов. **При этом 17 осужденных оказали**

активное сопротивление сотрудникам исправительного учреждения и были помещены в штрафной изолятор.

В ходе обыска были изъяты ножи, кастеты, зажигалки, сотовые телефоны, сигареты, зарядные устройства, гражданская одежда. Чтобы вывезти все это, понадобилось два КамАЗа, сообщил прокурор Волгоградской прокуратуры по надзору за исполнением законов в исправительно-трудовых учреждениях Виктор Гнидин. По его словам, в связи с оказанным сопротивлением сотрудники колонии вынуждены были применить резиновые палки и наручники, но телесных повреждений не получил ни один человек.

Виктор Гнидин добавил, что все происходящее снималось на видеокамеру. Кроме того, некоторым родственникам осужденных было разрешено побывать в колонии и убедиться, что никто из их близких не пострадал.

«Чтобы дать возможность заключенным высказаться, мы решили провести личный прием прямо в колонии, но на него никто не пришел. А 12 февраля 28 осужденных отказались идти в баню, пока им не вернут полотенца, запрещенные к использованию в исправительном учреждении», – сказал прокурор.

В настоящее время сотрудники колонии № 26 работают по усиленному варианту несения службы.

По материалам зарубежных СМИ

Мир и тюрьма

США: Гарднер выбрал расстрел

Ронни Ли Гарднер, 49-летний мужчина, признанный виновным в убийстве, будет расстрелян специальной командой, состоящей из пяти анонимных стрелков. Он будет третьим человеком в штате Юта, представшим перед расстрельным взводом, с тех пор как в 1976 году в штате была восстановлена смертная казнь.

В течение 160 лет в штате Юта этот способ используется в сороковой раз из 49 случаев лишения жизни по приговору суда. В 2004 году штат выбрал в качестве способа лишения жизни смертельную инъекцию, но заключенные, приговоренные к смертной казни раньше этого срока, могут сами выбрать способ умерщвления.

Именно это и произошло в апреле в случае с Ронни Ли Гарднером, который вежливо заявил судье: «Пожалуйста, я хотел бы, чтобы меня расстреляли». Ни он сам, ни его адвокат не объяснили причин такого выбора.

Противники смертной казни утверждают, что расстрел представляет собой варварский, жестокий и архаичный метод. Даже отдельные сторонники смертной казни предпочитают, чтобы этот способ лишения жизни больше не использовался. Представительница Республиканской партии Шерил Аллен, которая поддержала применение смертельной инъекции как основного метода, заявила, что она огорчена возвращением расстрела, потому что такой способ привлекает внимание к тому, кто расстреливает, а не к преступнику.

Гарднер должен быть казнен 18 июня, сразу после полуночи. Он был приговорен к высшей мере наказания 25 лет назад за то, что застрелил адвоката Майкла Бурделла во время неудачной попытки побега.

По словам г-жи Аллен, штат позволил уже осужденным лицам самим избирать способ исполнения смертной казни из-за опасений, что

изменение этого способа даст повод требовать пересмотра судебного решения.

В штате Юта смертный приговор в последний раз приводили в исполнение в 1996 году в отношении Джона Альберта Тейлора, который был признан виновным в 1989 году в похищении и убийстве путем удушения 11-летней девочки.

Федеральный судья подписал распоряжение о приведении приговора в исполнение в отношении Гарднера 23 апреля. Адвокаты Гарднера тут же представили многочисленные ходатайства о том, чтобы смертную казнь заменить на пожизненное заключение без права на освобождение.

До сегодняшнего дня эти попытки не увенчались успехом, но Верховный суд штата Юта еще должен рассмотреть это прошение, а комиссия по условному освобождению должна изучить представленное досье.

Как сообщил помощник генерального прокурора штата Юта Том Бранкер, Гарднер и его адвокаты имеют право требовать неприменения смертной казни вплоть до полуночи 17 июня.

Но, независимо от случая Гарднера, пройдут, возможно, еще многие годы, прежде чем в США состоится последняя казнь путем расстрела. По меньшей мере трое из девяти мужчин, находящихся в блоке смертников в штате Юта, выбрали этот способ казни.

Франция: лишение свободы – приговор государству

Административный суд Руана обязал французское государство выплатить 67 000 евро в пользу 38 осужденных за то, что они содержались в недостойных человека условиях. Министр юстиции Мишель Аллио-Мари обжаловала это судебное решение. В 2009 году в адрес государства уже не раз выносились аналогичные судебные решения.

38 осужденных, в том числе и уже освободившихся, содержались в следственном изоляторе города Руана. Антисанитария в камерах, перенаселенность, скученность...

В марте 2009 года адвокат осужденных Этьен Ноэль подал срочную жалобу: «Это быстрая процедура, но она предполагает, что жалобу никто не собирается оспаривать. Такую же процедуру я использовал в 2009 году для троих моих клиентов, она дала возможность вынести обвинительное решение в отношении государства, которое было подтверждено апелляционным судом по административным делам в Дуэ».

В качестве возмещения ущерба каждый из истцов получил по 3000 евро. Адвокат также сообщил, что несколько недель назад он подал

аналогичный иск от имени 25 человек. По его словам, он готовит еще один от имени 20 человек. Патрик Марест, официальный представитель организации «Международное наблюдение за тюрьмами» (МНТ), говорит: «Эти решения французских административных судов близки к тому, как трактует понятие бесчеловечного и унижающего достоинство обращения Европейский суд по правам человека».

Выступая по телевидению, Мишель Аллио-Мари подтвердила свое намерение обжаловать это судебное решение. «Количество судебных решений и сам принцип вынесения этих судебных решений не отражают того, что уже сделано», – заявила она. Министр сообщила, сколько усилий было предпринято для улучшения питания, улучшения условий в отделениях для несовершеннолетних и в камерах, а в таком старом следственном изоляторе, как руанский, сделать это было очень трудно. Но адвокат Этьен Ноэль не принимает это возражение. «Она говорит о питании, об отделении для несовершеннолетних. Я же говорю о трех отделениях, в которых содержатся взрослые заключенные-мужчины. Эти отделения находятся в том же состоянии, в котором они были на момент их обследования». Такое судебное решение, возможно, положит начало целой серии подобных, поскольку это только первая акция группы лиц, подающих иски. Если оно будет подтверждено апелляционной инстанцией, все осужденные смогут обратиться в суд с подобными исками.

В Страсбурге заключенные приручают домашних животных

Уникальный эксперимент проводится во французском следственном изоляторе: в Эльсо (район Страсбурга. – *Ред.*) заключенным разрешают возиться с голубями, морскими свинками, кроликами и хорьками, чтобы преодолеть тоску и одиночество.

Эксперимент начался в 2008 году, после того как несколько несовершеннолетних повесились в тюрьмах Меца, а затем Страсбурга. «Вынимать из петли подростка – это останется на всю жизнь» – с такими словами обратился за помощью представитель администрации тюрьмы к Патриции Арну, специалисту по психологии и поведению животных.

Патриция знала о зоотерапии, очень развитой в Канаде, и начала регулярно приходить в отделение для несовершеннолетних со своим золотистым лабрадором, чтобы «разрядить напряженность».

«При животных подросткам легче расслабиться и говорить о своих проблемах, – утверждает Патриция, которая вместе с коллегой в течение двух лет приводят своих лабрадоров и терьеров в отделение для несовершеннолетних, а также к заключенным с большими сроками и к женщинам.

В те дни, когда Патриция с собаками не бывает в тюрьме, триста заключенных занимаются с животными в одном из помещений пенитенциарного учреждения, где содержится дюжина небольших зверьков.

«Осужденные отработывают с животными различные команды – "апорт", "барьер"... И после того как заключенный, который, например, никогда не мылся, раза три "побеседовал" с кроликом, он обязательно идет в душ», – рассказывает она.

Заключенные хотят, чтобы какое-нибудь животное жило в их камере постоянно. Но желание держать в камере хомяка быстро угагло, «так как это животное очень подвижно ночью, оно скребется, пьет и т. д., в общем, мешает спать, – объясняет Патриция. – А вот с морскими свинками несовершеннолетние в течение трех месяцев делили камеру без всяких проблем».

В корпусе «Б» все коридоры, в которых расположены камеры, ведут к «маленькой тюремной ферме». У каждого животного здесь имеется «свой» заключенный, который за него отвечает, ухаживает за ним и кормит во время ежедневных посещений.

Во вторник несколько арестантов с восхищением смотрят на два яйца, снесенные горлинкой, которой дали неудачную кличку Вояка. Потом вся тюрьма только об этом и говорила.

В воскресенье одного осужденного расстроила смерть его «подшефного», и все охранники ему сочувствовали. Персонал следственного изолятора, рассчитанного на 444 «сидельца», хотя их число здесь иногда доходит до 700 человек, очень положительно относится к этому эксперименту.

Только один заключенный назвал своего подопечного зверька Гангстер, остальные дают ласковые клички, такие как Земляничка, Арахис или Султан, а Фарид, например, назвал свою шиншиллу Выпивоха, «потому что она всегда переворачивает свою поилку, если меня нет рядом».

Оливье уже в течение двух месяцев занимается своей морской свинкой: «Это мне дает как бы глоток свободы, и я ощущаю ответственность, потому что, если я ее не покормлю, ей будет плохо», – объясняет он.

Заключенные часто просят разрешения показать во время свидания животное, о котором они заботятся, своим близким – родителям или детям. Директриса в этих просьбах не отказывает. «Почему нет? Они ведь испытывают гордость, когда демонстрируют свое умение ухаживать за животным», – объясняет она.

Вот и Николая просит о том же: «Я бы хотел показать своему сыну, который приехал ко мне на свидание, Бенжи, кролика-шиншиллу, за

которым я ухаживаю уже два года», – просит он, ласково поглаживая пушистого зверька.

Из всех тюрем Франции такой эксперимент с животными пока проходит только в Страсбурге, но в тюрьме города Ренн, например, уже хотят повторить этот эльзасский опыт.

США: ВИЧ-инфицированные осужденные содержатся в изоляции

ВИЧ-инфицированные заключенные, содержащиеся в тюрьмах Южной Каролины и Алабамы, являются жертвами сегрегации, в отношении которых нарушается международное законодательство.

В течение 25 лет в сорока шести из пятидесяти одного американских штатов ВИЧ-инфицированные заключенные систематически изолировались. Сегодня только Южная Каролина и Алабама продолжают таким своеобразным способом «метить» больных осужденных, которых во всех американских тюрьмах насчитывается около 22 000 человек. В марте от такой практики отказался штат Миссисипи.

Международная неправительственная организация «Хьюмэн райс вотч» в сотрудничестве с группой защитников гражданских свобод, собрала свидетельства от таких заключенных и в середине апреля опубликовала отчет о сегрегации серопозитивных заключенных в федеральных и местных тюрьмах США.

В отчете указывается, что в момент поступления в тюрьму каждый заключенный проходит тест на выявление ВИЧ-инфекции: «Результат этого теста определяет практически все аспекты жизни заключенного на весь период пребывания его в тюрьме. Тест на ВИЧ определяет, куда он будет определен, где будет питаться и проводить свободное время».

В двух штатах серопозитивные заключенные изолируются в камеры и содержатся в замкнутом пространстве в течение двадцати трех часов. Изоляция продолжается в течение недели, пока не поступит подтверждение результатов теста.

Рональд Б. рассказывает о своем прибытии в Центр заключения города Киркланд в Южной Каролине: «По прибытии в Киркланд меня провели в приемное отделение. Там мне сделали анализ крови. Я ничего не знал о моем состоянии. Вместе со всеми я находился в большом спальном помещении... Вдруг за мной приходят... И буквально бросают в какой-то каземат, в темную камеру под лестницей. Там меня держали в течение 23 часов, на следующий день дали поесть через дверь. В течение нескольких дней я даже не мог принять душ. Надо буквально орать, чтобы тебя кто-то услышал, и иногда кто-то приходит, а иногда и нет».

Как только диагноз подтверждается, эти мужчины и женщины помещаются в специальные отделения с повышенным уровнем безопасности. Это определяется не тяжестью совершенного преступления, а состоянием их здоровья. Лома П., заключенный из Южной Каролины, говорит: «Вас помечают как серопозитивных, и с самого первого дня для вас все кончено».

Вопреки праву больного на врачебную тайну обследование на ВИЧ способствует и другим формам унижения. Если разыскивать фамилию серопозитивного заключенного на интернет-сайте тюрьмы, вы найдете ее с указанием на то, что такой-то находится в отделении, предназначенном для содержания ВИЧ-инфицированных.

В Алабаме, в исправительном центре Лаймстона, серопозитивные заключенные носят белую нарукавную повязку. В Южной Каролине – голубая метка на нагрудном знаке. Это касается как мужчин, так и женщин.

Эти люди едят, сидят в церкви и на занятиях отдельно. К некоторым видам работ и учебных программ у них вообще нет доступа. Они не имеют права работать ни на тюремной кухне, ни в швейных и столярных цехах, ни в канцелярии. Из общественно-полезных работ им доступны только уборка помещений и подстригание травы.

Администрации тюрем этих двух штатов выдвигают два аргумента в обоснование такой изоляции: это делается во благо самих больных, которым так легче получать прописанное им лечение; это необходимо, чтобы минимизировать риск заражения как для других заключенных, так и для тюремного персонала.

У этих аргументов нет никакого медицинского обоснования, они лишь способствуют дезинформации и заключенных, и персонала.

Жертвы сегрегации, серопозитивные заключенные подвергаются также словесным оскорблениям. Их зовут «спидоносцы» или «педики».

В Южной Каролине заключенные должны поворачиваться к стене, если в это время другие заключенные проходят через их отделение. Заключенный Джозеф Т. Свидетельствует: «Я слышал, как один из офицеров говорил заключенным из других отделений: "Это помещение для серопозитивных, держитесь подальше от них, если не хотите подцепить эту заразу"».

В заключение своего отчета «Хьюмэн райс вотч» напоминает: «Дискриминация в отношении серопозитивных заключенных... представляет собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, нарушающее международное право».

Великобритания: профессия – ангел-хранитель

В Соединенном Королевстве сотрудники службы пробации взаимодействуют с врачами, психологами, полицейскими и социальными службами с целью облегчить реинтеграцию заключенных после отбытия ими срока наказания.

Шон Х., 37 лет, человек жестокий, подверженный приступам гнева и галлюцинациям, выйдет из тюрьмы через две недели. После освобождения он будет находиться под пристальным и постоянным медицинским наблюдением. Но он испытывает смертельную ненависть ко всем психиатрам и неоднократно угрожал убить любого врача, который будет его лечить. Многие медики уже сегодня боятся за свою безопасность и отказываются его наблюдать. Но этот человек не настолько болен, чтобы поместить его в психиатрическую клинику. Что делать? В отделении № 104 полицейского комиссариата города Бристоля рабочая группа МАППА (включает в себя представителей служб, занимающихся обеспечением общественной безопасности), состоящая из врача, двух полицейских и двух сотрудников службы пробации, старается придумать, как оградить общество от Шона Х., когда он выйдет на свободу.

Рабочая группа рассматривает десятки дел. Они все сложные и имеют такие же потенциальные риски, как и в случае с Шоном Х. Речь идет о лицах, срок заключения которых приближается к концу, но они считаются все еще опасными для населения. Участники совещания должны определить, каким способом лучше управлять их поведением.

После предыдущего пребывания в тюрьме Шон нашел домашний адрес одной из медсестер, которая принимала участие в его лечении, и запустил ей в окно камень. Игнорировать его угрозы просто невозможно. Необходимо найти способ оставить его на свободе, заставить лечиться, в то же время не подвергая опасности врачей. «Схема его поведения будет следующей: как только психиатр начнет им заниматься, Шон будет обвинять его во всем, и это чувство ненависти будет в нем расти, – объясняет врач. – Именно на этой стадии он начнет высказывать угрозы убийства. Мой совет психотерапевтам состоит в том, чтобы в этот период поддерживать с ним поверхностные отношения, обеспечить ему те потребности, в которых Шон нуждается, одновременно стараясь помешать расти чувству ненависти, сохраняя с ним минимальный контакт». Шону прописано новое лекарство, которое позволит ему находиться «в очень спокойном состоянии, не зомби, конечно, но речь его будет весьма замедленной». Врач считает, что это лекарство очень эффективно против галлюцинаций, но необходимо, чтобы Шон продолжал его принимать, хотя контроля со стороны сотрудников тюрьмы уже не бу-

дет. «Мои коллеги очень обеспокоены, – продолжает он. – Некоторые считают, что его нужно просто оставить в покое. Но это было бы безответственным решением. Он имеет право на медицинское лечение. И он в нем нуждается. Я согласился заняться им».

«Нам понадобится TAU-сигнал», – заключает главный инспектор Дэвид Маккалум, который председательствует на этом собрании. Врач, который не разбирается в аббревиатурах, используемых сотрудниками службы пробации и полицейскими, спрашивает, что это такое. «Извините, пожалуйста. TAU обозначает "срочная связь", – отвечает Маккалум. – Мы должны защищать врачей, которые ранее занимались этим человеком». Адреса четырех врачей, пациентом которых Шон был, будут добавлены в список TAU: полиция более оперативно будет реагировать на любой сигнал тревоги, поступающий из их жилищ. «Но я предполагаю, что он все-таки будет принимать свое лекарство. Если он не будет этого делать и его психическое состояние ухудшится, он будет немедленно изолирован», – продолжает доктор. Детальный план наблюдения, цель которого – избежать любой возможности рецидива, разрабатывается для каждого заключенного из группы риска, которые должны вскоре освободиться. Атмосфера заседания спокойная. Судьба некоторых особо опасных лиц Бристоля в руках этой полудюжины человек – сотрудников службы пробации, полицейских, социальных работников и врачей.

Другой случай – Питер К., 40 лет, сексуальный преступник, приговоренный к четырем годам тюрьмы за пять случаев развратных действий по отношению к своей дочери. Он продолжает надеяться, что судом ему будет предоставлено право поддерживать контакты со своей семьей. Но очевидно, что выиграть это дело в суде ему не удастся. Закрепленный за ним сотрудник службы пробации опасается, как бы не произошло «драматического события», когда Питер поймет, что у него нет ни единого шанса в суде получить желаемое. Этот случай беспокоит всех. «Мы все считаем, что Питер может сильно навредить своей семье», – говорит ответственный за него сотрудник службы пробации.

После того как Питер попал в тюрьму, его жена впала в депрессию и была госпитализирована. Но она предупредила своих детей: «Ваш отец найдет вас и перережет вам горло». Дети были помещены под охрану. «Они знают, что он скоро освободится, и очень боятся. Это навязчивый страх», – продолжает сотрудник службы пробации. Инспектор полиции, сопредседательствующий на этом совещании, спрашивает: «Относится ли он к категории тех, кому нечего терять? Может ли он думать следующим образом: "Если я не могу быть со своей семьей»

ей, так пусть никому не достается"? Может ли он пойти на то, чтобы уничтожить всю свою семью?»

Сотрудник службы пробации отвечает, что это возможный сценарий, и выражает беспокойство по поводу того, что может произойти, когда Питер поймет, что никогда больше не увидит своих детей. «Мы считаем, что имеется большой риск рецидива, если он будет разочарован и его охватит гнев». Освобождение Питера будет обставлено рядом условий. Ему, определенно, будет запрещено ездить в графство, где проживают его дети, и малейшее нарушение этих правил приведет его напрямик в тюрьму. Работа сотрудников службы пробации базируется в большой степени на доверии. Они задаются вопросом, до какой степени можно доверять Питеру, и решают добавить еще одно условие: в организации, которая занимается его размещением, и по месту его будущего жительства он будет обязан отмечаться ежедневно, таким образом у него не будет времени, чтобы добраться туда, где проживают его дети. Но процедура отметки не может длиться вечно: как только истечет срок, во время которого он находится под надзором, придется начать ему доверять.

«Если он не будет соблюдать правила, мы должны будем немедленно поместить его детей в безопасное место. Он их быстро найдет. Начнет думать, что ему нечего терять, найдет всех, убьет и покончит с собой», – предупреждает сотрудник службы пробации. Некоторые меры уже приняты. Все полицейские участки получают последнюю фотографию Питера. Тревожный сигнал будет установлен в доме его жены. Поскольку отец знает номер мобильного телефона своей дочери, полицейские решают дать ей новую sim-карту.

В комнате становится душновато, но все по-прежнему спокойны и доброжелательны. Представительница МАРПА в лакированных черных туфлях на 15-сантиметровом каблуке угощает коллег печеньем. Дискуссия идет без перерывов до самого обеда. «Типичное утро», – комментирует сопредседатель.

Том В. – сотрудник службы пробации. Он работает на этой должности в течение четырех лет и убежден, что человек может измениться. Он отвечает за 55 преступников и регулярно с ними встречается, проверяет, не встали ли они снова на скользкий путь. Эти встречи обязательны. Они происходят либо параллельно с назначенными общественными работами, либо после выхода из тюрьмы. Пять человек из списка Тома были признаны виновными в убийстве; трое совершили изнасилование; пятеро были осуждены за жестокое обращение с детьми; двадцать, по оценкам, подвержены «высокой степени риска». Все муж-

чины в возрасте в основном от 18 до 30 лет. «За некоторых в принципе я практически спокоен. У них начинается новая жизнь: появляются работа, подружка, дети», – уточняет Том.

Риск, связанный с каждым человеком в его списке, вычисляется компьютерной программой «ОАЗис», которая учитывает определенное количество характеристик (общее число правонарушений, за которые он был признан виновным, количество приводов в суд до достижения возраста 18 лет, возраст, когда он впервые «познакомился» с полицейскими службами, количество сроков заключения и т. д.), затем представляет ответы на алгоритм, который классифицирует лиц по вероятности рецидива и угрозе, которую они могут представлять для населения. Примерно треть из этого списка находится в тюрьме, а две трети – на свободе. Вероятность, что кто-то из этих людей, находящийся под его наблюдением, совершит новое преступление, тяжелым грузом лежит на Томе. Его возможности не безграничны. «Люди не понимают, что ты не находишься за спиной у преступника 24 часа в сутки семь дней в неделю. Они больше не в камере. Вопрос в том, как управлять рисками».

В этом году Дано Соннекс был признан виновным в убийстве двух французских студентов, которое он совершил в Лондоне, едва освободившись из заключения и находясь под надзором службы пробации, на которую в результате этого обрушилась волна критики. С точки зрения Тома, обеспечить наблюдение за 127 потенциальными преступниками – а именно такое число лиц находилось на попечении у сотрудника, ответственного за Соннекса, – «абсолютно невозможно». Первый принцип, декларируемый службой пробации, – защитить население и предотвратить появление новых жертв. Но за этой задачей стоит более трудная цель – сделать из преступников нормальных членов общества, переделать их, улучшить, сделать из них людей, уважающих законы. Дух оптимизма витает в службе пробации: здесь считают, что любой может начать жизнь заново, с чистого листа. Миссия сотрудников службы пробации состоит в том, чтобы уменьшить преступность, оставаясь в тени. «Каждый день наши сотрудники принимают решения, которые защищают женщин от агрессии, а детей от жестокого обращения, – поясняет Салли Левис, руководитель отделения службы пробации в Эйвоне и Соммерсете. – Это незаметная работа. У нас нет сирен, мигалок, нет громил, вышибающих двери. А то, что какая-то женщина может безопасно ходить по магазинам, не выносятся в заголовки на первые страницы. Люди воспринимают это как само собой разумеющееся».

Служба пробации отвечает за исполнение приговоров к общественным работам, но она также располагает инструментами, которые по-

звolyют преступникам стать на правильный путь: она помогает им найти приличное жилье, распоряжаться своими деньгами, восстанавливать связи с семьей, найти работу или получить профессию, решать вопросы, связанные с душевными расстройствами, посещать занятия групповой терапии для преодоления преступных наклонностей. Еженедельные контрольные беседы, проводимые сотрудником службы пробации в дружеском тоне, позволяют оценить достигнутый прогресс и определить уровень риска, имеющийся у поднадзорного. «Я помогаю людям добиться положительных изменений, жить правильно, уважать законы», – объясняет Том. Но он остается реалистом. «Поведение людей можно быстро изменить, но чтобы они сами смогли измениться, необходимо поменять их образ жизни, а это не происходит в одночасье».

Сотрудники службы пробации в основном скептически относятся к тому, что тюрьма идет на пользу несовершеннолетним преступникам, они считают, что общественные работы являются самым лучшим способом снижения уровня рецидива (статистика говорит, что 60% лиц, отправленных в тюрьму на срок более 12 месяцев, в течение последующих двух лет совершают рецидив, тогда как только 36% лиц, приговоренных к общественным работам, допускают новое преступление). Но они знают и то, что население рассматривает общественные работы как слишком мягкое наказание. Для Гарри Флетчера, главы профсоюза сотрудников службы пробации, это одна из причин, по которой пробация плохо воспринимается обществом. «Ни одно правительство не будет инвестировать в информационные кампании той системы, которая считается более мягкой, чем тюрьма», – говорит он. Британское правительство заявило, что ассигнования в сумме 894 миллионов фунтов стерлингов, предусмотренных на службу пробации, будут снижены на 20 миллионов в этом году и на 50 миллионов в следующем. Эти последовательные урезания бюджета приведут к менее эффективному надзору за преступниками, находящимися в ведении службы пробации. Полиция и служба пробации являются союзниками в поддержании общественного порядка, но у них очень разная культура. Как говорит один сотрудник полиции, долгое время работающий в контакте со службой пробации, ее сотрудники стараются разглядеть что-то хорошее в каждом человеке, тогда как полицейские более склонны к цинизму. «Наша роль всегда состояла в том, чтобы арестовать преступника и посадить его в тюрьму, – объясняет он, – тогда как служба пробации в первую очередь старается его реабилитировать и реинтегрировать. Когда стараешься понять, почему преступник совершил то, что совершил, как он жил раньше и что у него в жизни пошло не

так, глубже понимаешь, что с ним произошло. Но когда ты полицейский в форме, ты видишь только преступника и его преступление».

Аргентина: неконтролируемая реформа пенитенциарной системы

В провинции Буэнос-Айрес широко применяемая мера пресечения в виде содержания под стражей привела к значительному увеличению тюремного населения. А условия содержания в заключении продолжают ухудшаться.

В тюрьмах провинции Буэнос-Айрес численность заключенных за последний год увеличилась на 20%. За тот же период количество насильственных смертей в тюрьмах увеличилось на 10%, а количество детей в возрасте до 4-х лет, содержащихся в тюрьмах вместе с их матерями, – на 15%. Да и само число женщин-заключенных выросло. В среднем 23 охранника обеспечивают безопасность 1800 человек, содержащихся в пенитенциарном учреждении. Эти цифры были представлены общественности Комитетом против пыток (КПП). Изменения в Уголовно-исполнительном кодексе провинции Буэнос-Айрес, подвергнутые критике со стороны правозащитных организаций и Межамериканским судом по правам человека (аналог Европейского суда по правам человека. – *Сост.*), в значительной степени способствуют ухудшению ситуации. В марте 2009 года, спустя три месяца после внесенных изменений в УИК, в провинции было уже 28 322 заключенных, содержащихся в тюрьмах и изоляторах временного задержания, против 24 000 в предыдущем году.

Хьюго Каньон, прокурор муниципального округа Байя Бланка и сопредседатель Комиссии памяти (в Аргентине и Чили сразу после перехода к демократии были созданы комиссии, призванные изучить и оценить масштабы политического насилия и нарушения прав человека. – *Сост.*), заявил, что «реформа в области уголовного судопроизводства, посвященная систематизации предварительного заключения, была одной из самых беспокоящих общество в 2008 году. Ее последствия очевидны, и их можно определить как продолжающийся рост числа заключенных».

Комитет против пыток оценил реформу следующим образом: «Что касается политики безопасности, то работа Министерства внутренних дел во главе с Карлосом Сторнелли – это явно движение назад». Результатом такой политики «стало участвовавшее использование практики произвольных задержаний под предлогом проверки личности, сохранение в полицейских участках пыток и казней, а также рост суи-

цидов среди задержанных в изоляторах временного задержания, многочисленные случаи коррупции в полицейской среде».

Доклад КПП был подготовлен с использованием данных из различных юридических источников. Само МВД в его подготовке участия не принимало. Несмотря на свои обязательства, МВД даже ни разу не предоставило запрашиваемую информацию.

Пытки – все еще обычная практика.

Цифры, представленные в докладе, демонстрируют снижение контроля за пенитенциарной системой и полицейскими силами, то есть именно в тех областях, где происходит больше всего нарушений. «Пытки, – говорится в докладе, – продолжают оставаться обычной практикой в тюрьмах провинции. "Подводная лодка" (надевание полиэтиленового пакета на голову, чтобы человек задыхался), избивания дубинкой, различного рода притеснения, наказания электрошоком, постоянные переводы, обливания ледяной водой или полная изоляция – все это примеры из постоянной практики, применяемой в тюрьмах провинции. В 2008 году КПП представил 761 жалобу, свидетельствующую об ухудшении условий содержания заключенных в провинции Буэнос-Айрес. Многие из этих жалоб свидетельствуют о пытках».

Отношение судебных органов к этим жалобам можно охарактеризовать как странное и парадоксальное. Судьи преуменьшают серьезность пыток и жестокого обращения и рассматривают их как незначительную проблему, которая является частью повседневной жизни. В 2008 году «было вынесено 207 судебных решений. 123 из них (59,42% от общего числа) были основаны исключительно на информации, полученной от тюремных властей». Короче говоря, у обвиняемого спрашивают, действительно ли он совершил преступление, в котором его обвиняют, и считает ли он, что жалующийся должен оставаться под стражей. «Необходимо также отметить, что увеличивается процент случаев невызова в суд жалующегося, что допускается согласно статье 412 Уголовного кодекса провинции Буэнос-Айрес». Хороший способ противодействия жалобам! Наконец, у КПП вызывают сомнения заявления и обещания правительства в области ужесточения наказаний. «В тюрьмы сажают людей больше, чем совершается преступлений», – отмечают в КПП. Так, в Ла-Плата (столица провинции Буэнос-Айрес) из 658 арестов, примененных на основании знаменитого "полицейского нюха", юридические последствия в виде передачи дела в суд имели только... два случая».

Справка составителя:

Пенитенциарная система Аргентины

В 206 пенитенциарных учреждениях по состоянию на 31 декабря 2007 года содержалось **52 457** заключенных, в том числе: подследственных – **58,8%**, женщин – **5,5%**, несовершеннолетних – **1,1%**, иностранцев – **7,5%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **132** человека. Наполняемость тюрем, по официальным данным, составляет **93,8%**. Смертная казнь полностью отменена. **Условия содержания** в тюрьмах характеризуются как очень тяжелые.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **тюрьма Магдалена** (провинции Буэнос-Айрес). Рассчитана на 888 человек, вмещает более 1000 заключенных. 16 октября 2005 года заключенные в ответ на отказ администрации увеличить продолжительность встреч с родственниками подняли мятеж и подожгли матрасы в камерах. 32 человека погибли, шестеро получили ранения.

Из доклада Международной амнистии-2010 «Права человека в современном мире»: «Поступали сообщения о суровых условиях содержания, вспышках насилия, переполненности камер, отсутствии надлежащей медицинской помощи, пытках и жестоком обращении в тюрьмах и других местах лишения свободы в провинциях Сантьяго-дель-Эстеро и Мендоса. Власти страны до сих пор не учредили механизм профилактики пыток, как того требует Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток».

Китай: записки о тюрьме

Недавняя гибель молодого человека в следственном изоляторе вызвала скандал. Иллюстрированный журнал Nanfang Zhoumo воспользовался этим случаем, чтобы опубликовать свидетельства о том, в каких условиях содержатся заключенные. Такого в китайской прессе ранее никогда еще не писали.

«9 марта 2001 года, около 9 часов утра, полицейские доставили меня в следственный изолятор. После того как я был подвергнут полному личному обыску и у меня забрали ремень, меня босиком привели в "загон" (так в тюрьме Фучжоу называют многоместные камеры). Большая железная дверь захлопнулась, и я оказался в помещении высотой около 7 метров, свет в которое попадал из единственного окна. Помещение было размером около 20 кв. м, и в нем содержалось 27 человек. Все они изготавливали фонарики, украшая макраме или бисером. Позже я узнал, что эта работа была обязательна для всех.

Мое появление вызвало большое оживление. "Разденься и сполоснись!" – приказал мне 50-летний мужчина, старший по камере. Я зашел в "закуток" (примыкающее к камере пространство, где все моются) и там "прошел прописку", состоящую в том, что на меня вылили 20 ведер ледяной воды. Дело было в марте, и было еще холодно. Я жутко замерз. При этом на меня, голого, глазели человек двадцать. Мне было не по себе. Позже я узнал, что мне повезло, так как я оказался в "красной хате", предназначенной для чиновников, иностранцев и пожилых людей, то есть среди тех лиц, которые даже в предварительном заключении имели некоторую поддержку. В следственном изоляторе были только две такие камеры, все остальные, еще большего размера, предназначались для уголовников – убийц или воров. Там всех вновь прибывших в качестве "прописки" попросту жестоко избивали.

Как только мое "споласкивание" закончилось, старший по камере потребовал, чтобы я рассказал, за что здесь очутился. "Досадно!" – произнес он в заключение моего рассказа и приказал мне идти работать. Все утро я нанизывал бисер. Когда принесли обед, я просто не мог есть. В 22 часа все улеглись спать. Дюжина мужиков набилась на небольшое возвышение, которое служило общей постелью, и я больно ударился ногой, пытаюсь туда пробраться. Старший по камере сказал мне: «Будешь спать около толчка!» Так как места на общей постели всем не хватало, половина заключенных спали либо в проходе, либо около туалета. Когда же в камеру набивали еще больше народу, то некоторые заключенные были вынуждены спать сидя у стены либо ждать своей очереди, чтобы вытянуться на постели...

В первые дни я очень боялся, но потом потихоньку привык. В камере собралась очень специфическая компания. Двадцать восемь "пассажиров" делились как бы на три "класса": высшее общество, состоящее из старшего по камере (он, как правило, назначается администрацией) и еще нескольких доминирующих личностей; нижний слой, который состоял из вновь прибывших и из заключенных, у которых был низкий статус; и средний слой. Есть несколько факторов, которые позволяют определить, к какому "классу" принадлежит тот или иной заключенный: его умение пускать в ход кулаки, его отношения со старшим по камере и с охранниками, но большую роль играет и преступление, в котором его обвиняют (те, кто обвиняются в изнасиловании или в мошенничестве, – "на очень плохом счету").

В самом начале меня попытались унижить, но после того, как я несколько раз подрался, никто больше трогать меня не осмеливался. В течение двух недель я спал около толчка, затем почти год в проходе. Если

ты – мокрая курица, то будешь постоянно стирать белье или мыть посуду. Заключенные, у которых есть деньги, могут что-то покупать, чтобы снискать благосклонность старшего по камере и "пассажиров" первых двух "классов". Таким образом они облегчают свое существование. Но те, у кого нет денег или покровителей, вынуждены постоянно заниматься уборкой или стирать нижнее белье другим заключенным.

Подследственные никогда не выходят из камеры

В этом СИЗО один охранник отвечает за две камеры, в каждой содержится от двадцати до тридцати человек. Для одного человека это невыполнимая задача, поэтому он должен возложить часть своих обязанностей на старших по камере, которые, соответственно, играют большую роль в поддержании порядка. В свою очередь они имеют определенные льготы: им достается больше пищи и они меньше работают. И места для сна у них больше. В отличие от других заключенных, которым разрешено посылать своим близким только почтовые открытки, старшие по камере имеют право написать своим родственникам одно или два письма в месяц. Наконец, они могут дважды в день покидать "загон", чтобы отчитаться перед охранниками. Это действительно преимущество, потому что подавляющее большинство заключенных могут выйти из "загона" только один раз – когда их осудят.

Когда наш старший по камере убыл, охранники решили, что у меня есть кое-какой авторитет, и предложили мне занять его место. Я согласился только для того, чтобы хоть иногда подышать свежим воздухом. Вообще-то у меня там сильно сдали глаза, потому что находился в очень ограниченном пространстве: три-четыре метра, а дальше взгляд упирается в стену камеры.

Старшим по камере я был всего один год, а потом отказался. Как двадцать мужиков, постоянно запертых в камере, без всякого личного пространства, могут не драться? Если старшему по камере не хватает авторитета, ситуация становится неуправляемой. Часто охранники посылают нескольких физически крепких заключенных, чтобы те помогли старшему по камере. Когда происходит какой-либо инцидент, всегда задаешь себе вопрос: стоит или нет применять силу? Это нелегко решить. В моей камере был один здоровяк, лет двадцати семи – двадцати восьми, ростом метр восемьдесят. Он был у меня кем-то вроде сторожа. Его сначала закрыли в камеру с уголовниками, где ему во время драки отбили селезенку. Его оперировали, а после операции он очень сильно похудел. Возвращение в прежнюю камеру означало для него смертный приговор. В камерах, где сидят уголовники, правит тер-

пор: драки, избиения, изнасилования, ограбления – произойти может все что угодно. В общем, его поместили в нашу "красную хату", где драки происходили не так часто и были не такими жестокими.

Днем охранники наблюдают за тем, что происходит в камере, через мониторы и вмешиваются при малейшем инциденте, но вечерами заключенные должны обеспечивать порядок самостоятельно. Если ночью драка приобретает скверный оборот или, например, кто-нибудь заболел, старший по камере приказывает всем стучать по полу. Так дают знать: что-то произошло, и приходят охранники.

В камере люди часто умирают, и никто не знает отчего. Тюремный врач посещает регулярно и дает витамины В и D. Когда мы его спрашиваем, почему кто-то умер, он отвечает, что проведенное вскрытие не дало возможности определить причину смерти. Может быть, виновато плохое качество пищи... Поэтому он сразу решил давать всем пищевые добавки. На всякий случай. За три года, проведенные в СИЗО, я ни разу не ел свежих овощей. К концу шестого месяца заключения мои волосы поседели не только из-за переживаний, связанных с моим делом, но и по причине отвратительного питания.

Смерть заключенных объясняется совокупностью различных факторов. Условия проживания в тюрьме действительно никуда не годны. Влияют не только драки, но и стресс и плохая пища. В предварительном заключении – хуже всего: после стресса, вызываемого допросами, заключенные приходят вымотанные, некормленные и непоенные, с натянутыми до предела нервами. При малейшей драке эти лица, которые на свободе запросто выдержали бы двадцать ударов кулаком, здесь умирают от щелчка. Нас никогда не выводят на прогулки, у всех мертвенно-бледный цвет лица. Как погреться на солнышке? Зимой утром луч солнца проникает в камеру на 12 минут. И все по очереди стоят под ним. Я это навсегда запомню!

Охранники заходят в камеры только во время беспорядков. В такие моменты полицейские, вооруженные автоматами, врываются в камеру, и все должны стать по углам на колени, руки за голову. Кто поднимет голову, получает удар дубинкой. Это так унижительно!

Никто снаружи не знает, что происходит в камере. Только те, кто в ней живет. По существующим правилам, подследственным нельзя контактировать со своими родственниками, только с адвокатом. Мне пришлось ждать три месяца, прежде чем я с ним встретился. Когда я освободился, я узнал, что ему пришлось несколько раз подавать прошения в различные инстанции, чтобы ему разрешили со мной встретиться. Виделся я с ним раз или два в год. Каждый раз это была такая радость!

Встреча длилась примерно полчаса. Но говорить можно было исключительно о моем уголовном деле. Полицейские, сидящие с обеих сторон около каждого из нас, тут же прерывали разговор, если он не относился к моему делу. Да и что толку было говорить ему обо всем этом?

Помню одного заключенного, у которого была на редкость завидная судьба. Это был иностранец китайского происхождения, который находился в СИЗО в течение двух лет за мошенничество, за преступление в принципе позорное в глазах других заключенных. Несмотря на это, он относился к "первому классу". Каждый месяц его посещал консул, специально для этого прилетавший самолетом из Кантона. У него спрашивали: "Что ты такое ему говоришь, что он прилетает каждый месяц?". Он объяснил, что это обязанность консула, так в его стране заведено. Нам это трудно было понять. Так мы открыли для себя, какое значение ТАМ имеет человеческое существо».

«С тех пор как Китай ввел в практику кампании, направленные на борьбу с преступностью, названные "Сильно ударить" (с начала 1980-х годов), следственные изоляторы переполнены», – говорит Ванг Шунан, заместитель секретаря Китайского криминологического общества, профессор Университета политики и права. Опрошенный иллюстрированным еженедельником Nanfang Zhoumo, он подтверждает существование постоянного насилия, описанного в свидетельствах, собранных еженедельником. «Хотя существующие правила обязывают во время содержания под стражей осуществлять не только функцию наблюдения, но и образовательную функцию, запрещают избиения, словесные оскорбления, телесные наказания и жестокое обращение с задержанными, концепция управления некоторыми следственными изоляторами остается все еще примитивной и ограничивается тем, что необходимо "не допустить побег, предотвратить смерть". Мы имеем ограниченные ресурсы, и полицейские не могут сами руководить всеми заключенными. Поэтому выполнение ряда функций доверяется отдельным заключенным, чтобы они выступали в качестве своеобразных начальников. Более того, в следственных изоляторах практикуются избиения вновь прибывших теми, кто уже сидит давно, чтобы тихо и они признали свою вину».

Швейцария: кутузка – жизнь в розовом цвете

Необычное ощущение: дверь камеры слегка приоткрыта, и виднеется какой-то розовый мир. В самой камере только радиатор и туалет выбиваются из этой красочной волны. Несколько мгновений ощутишь себя почти как Алиса, проникшая через маленькую дверцу в мир

чудес. Прежде чем вновь вернуться на грешную землю, понимаешь, что эти 16 кв. м со спартанской обстановкой предназначены для лиц, находящихся в предварительном заключении.

«Тюрьму города Биль все равно нужно было отремонтировать, и камеры в любом случае красили бы. Мы прочли много различных исследований, из которых следовало, что этот цвет имеет успокаивающий эффект, и решили попробовать», – объясняет Роз-Мари Конт, официальный представитель бернской кантональной полиции. В течение мая заключенные содержались в четырех камерах, покрашенных в розовый цвет. Максимальный срок их заключения не превышал двадцати четырех часов. Но в настоящее время, по мнению Роз-Мари Конт, трудно пока еще оценить реальное воздействие этого цвета.

Подобный эксперимент проводится не только в Берне. Кантональная цюрихская тюрьма Пфедфикон была первой в Швейцарии, где применили этот американский опыт. В отличие от обычной напряженной обстановки в подобных учреждениях, здесь не было зафиксировано никакой агрессии в отношении охранников. Но вот противоположное мнение одной сотрудницы, работающей в пенитенциарной системе, высказанное на правах анонимности. Она считает, что некоторые заключенные, помещенные в такие камеры, становятся очень возбужденными, у них возникает нечто вроде «аллергической» реакции на этот цвет.

Но в чем секрет розового цвета? Как объяснить, что буйные заключенные становятся спокойными в этой обстановке кукольного домика? «Даже если человеку хочется злиться или быть агрессивным, ему это не удастся при таком цвете. Розовый снижает раздражительность, кровяное давление и пульс... Это успокаивающий цвет, который снижает активность», – делает заключение в своем исследовании по изучению воздействия эффекта розового цвета на агрессивное поведение заключенных Александер Шосс, директор Американского института биосоциальных исследований, расположенного в Такоме, штат Вашингтон.

В 1979 году ему удалось убедить Миллера и Вардена Бейкера, руководителей Исправительного центра американских военно-морских сил в Сиэтле, покрасить камеры в розовый цвет. Это стоило усилий: трудно провести такой опыт в жестком армейском обществе. Чтобы отблагодарить за принятое в конце концов положительное решение, Александер Шосс присвоил их имя розовому красителю – «розовый краситель Бейкер–Миллер». Как следует из доклада, опубликованного военно-морскими силами после 156 дней эксперимента, «не было зафиксировано ни одного случая агрессивного или криминального поведения». Помещение заключенных в розовый цвет минимум на пятнадцать минут по-

зволяет уменьшить их агрессивность по меньшей мере на тридцать минут, облегчая тем самым выполнение задач сотрудниками. В настоящее время розовый цвет повсеместно используется в школах для детей с гиперактивным поведением, в тюрьмах и психиатрических больницах.

Индия: интернет-торговля в тюрьме

Самый большой центр заключения в Южной Азии – перенаселенная тюрьма Тихар, расположенная в Нью-Дели, – занялась продажей через Интернет, предлагая потребителям товары, производимые заключенными, в производстве которых принимают участие в том числе и убийцы.

Тюрьма Тихар (Tihar Jail), построенная из расчета на пребывание в ней 6250 заключенных, хотя сегодня в ней содержится почти вдвое больше, производит на продажу 13 различных сортов печенья. Кроме того, здесь есть цех по производству писчебумажных товаров, выпускаемых под маркой TJ (первые буквы от названия тюрьмы).

В мастерских тюрьмы работают 714 специально отобранных заключенных, которые изготавливают и шьют также соломенные циновки, рубашки, носки, изящно вырезанные скамейки, которые можно увидеть в офисах официальных учреждений города Нью-Дели.

За последний финансовый год, закончившийся в марте 2010-го, объем торгового оборота тюрьмы составил 110 миллионов рупий (1,79 миллиона евро). Открыв сеть розничных магазинов по всей стране, тюрьма решила заняться и бизнесом через сеть Интернет.

«За последние 18 месяцев мы реализовали все, что смогли произвести. Настало время подумать о маркетинге, – говорит Раджеш Гоял, сотрудник администрации, ответственный за производство, и инициатор создания интернет-сайта. – Мы надеемся, что с помощью сайта наша продукция станет более известной жителям Нью-Дели, пользующимся Интернетом». Он заметил также, что общий объем продукции, выпускаемой заключенными, должен увеличиться в этом году на 60%. И тюрьма обеспечит доставку товаров потребителям, проживающим хоть за тысячи километров от Дели.

В подтверждение возможностей тюрьмы сайт с профессионально оформленным дизайном предлагает ознакомиться с фотографиями тюремной продукции. Имеется и прайс-лист.

Пока потребитель может пользоваться для заказа только телефоном, но администрация надеется, что уже с декабря 2010 года заработает система заказов через Интернет.

Прадип Шарма, помощник Раджеша Гояла, напоминает, что марка TJ существует уже 10 лет, и заключенные этим очень гордятся.

«Люди прибывают в нашу тюрьму с плохими мыслями, они полны неприятных воспоминаний, многие находятся в угнетенном состоянии или демонстрируют суицидальные наклонности. Именно поэтому мы стараемся отвлечь их, занять работой, конечно, с учетом их квалификации».

Все работающие заключенные получают в день от 40 до 52 рупий (около 1 евро), а для тех, кто трудится свыше 48 часов в неделю, тюрьма устанавливает дополнительное финансовое стимулирование.

На работу выводятся лишь заключенные, «не представляющие большой общественной опасности».

«Шестьдесят процентов наших заключенных не являются профессиональными преступниками. Они осуждены, например, за причинение смерти по неосторожности, за мошенничество или просто потому, что очутились в плохом месте в неудачный момент».

Например, Мухаммад Шахид отбывает шестнадцатый год из назначенного ему 20-летнего срока за укрывательство террористов, и для него мастерская, в которой он работает, единственный источник надежды.

«Я совершил плохой поступок, но я не знал, как мне надо было поступить, – рассказал корреспонденту Франс Пресс этот 49-летний бывший мелкий торговец из штата Уттар Прадеш (север Индии). – Я рад, что у меня здесь есть работа, это лучше, чем держать магазин, чем я занимался раньше».

Один из самых сурово осужденных за всю историю этой тюрьмы – Сиддар Вашист, сын одного политического деятеля, отбывающий срок за убийство бармена, совершенное им в 1999 году в Дели, курирует работу всех тюремных мастерских.

«Работа – это единственное, что помогает жить. Она заставляет думать, изобретать что-то новое. А это, в свою очередь, помогает оставаться в контакте с реальностью», – утверждает он.

Латинская Америка: тюремная система в кризисе

Кровавые беспорядки в Бразилии, пожар, повлекший многочисленные смерти в тюрьме в Сальвадоре, – тюремная система почти всей Латинской Америки находится в кризисе, который, по мнению многочисленных экспертов, вызван тремя причинами – перенаселенностью пенитенциарных учреждений, влиянием организованных криминальных сообществ и отсутствием государственных инвестиций.

В одной из тюрем на севере Бразилии, рассчитанной на 200 заключенных, где в результате массовых беспорядков погибло трое заключенных, сейчас, в ноябре, содержится 828 человек.

Другой бунт, произошедший в тюрьме, расположенной на северо-востоке страны, закончился гибелью 18 заключенных, у четырех из них были отрезаны головы.

По мнению Армандо Тамбелли, члена организации «Наблюдательный комитет за тюрьмами», расположенной в Сан-Паулу, эти районы страны не затронула программа строительства новых тюрем, и именно поэтому там не снижается число массовых беспорядков, что наблюдается в других районах Бразилии в последние годы. «В бедных штатах, расположенных на севере страны, тюрьмы – большие, переполненные и опасные. Там бунт может возникнуть в любой момент», – подчеркивает он.

В Сальвадоре, где в результате пожара в тюрьме погибли 19 молодых осужденных, всего насчитывается 24 854 заключенных, тогда как мест в тюрьмах всего лишь 8110.

В течение последних десяти лет власти Сальвадора распределяют членов могущественных и соперничающих между собой банд по разным тюрьмам, чтобы избежать столкновений. Но даже за решеткой организованная преступность продолжает насаждать свои законы.

В Мексике, по заявлению адвоката-пеналиста Хосе-Антонио Ортеги, «члены картелей – короли, попросту управляют тюрьмами, в которых они находятся. Банды, заправляющие в тюрьмах, занимаются вымогательством и рэкетом. Мне приходилось видеть одну тюрьму, в которой днем обычные заключенные ночью становились наемными убийцами. Их снабжали оружием и автомобилями, чтобы они могли "отправиться на дело", а утром они возвращались в тюрьму и ложились спать с видом невинных агнцев», – добавляет Хосе-Антонио Ортега.

По сведениям мексиканской прокуратуры, в результате таких ночных вылазок было убито 35 человек. В конце концов директриса этой тюрьмы, расположенной в Гомес-Паласио, на севере страны, в июле 2010 года была арестована.

«Можно попытаться улучшить подготовку охранников и условия их работы, поднять им зарплату, но деньги, полученные от наркотрафика, превысят любые повышения зарплаты, на которые могут пойти власти», – объясняет Лиза Сунига, социолог, работающая на факультете латиноамериканских социальных наук Университета города Сантьяго.

В сентябре в Парагвае власти взяли под контроль тюрьму в Асунсьоне, где заключенные смотрели педофильские фильмы вместе с несовершеннолетними, которых пускали к ним под видом родственников.

«Почти во всех странах Латинской Америки тюремная система находится в кризисе, – анализирует ситуацию Люция Даммер, соавтор

(вместе с Лизой Сунигой) доклада, названного «Тюрьма: проблемы и преодоление трудностей».

Одна из причин – нехватка денег. «Государственные инвестиции в пенитенциарный сектор минимальны», – подчеркивает г-жа Даммер.

В Чили, Бразилии или в Колумбии построены новые тюрьмы, но проблема остается. «В Чили построены новые тюрьмы, но старые-то не закрыли, и они продолжают использоваться», – отмечает Лиза Сунига.

По мнению экспертов, приоритет должен быть отдан снижению численности тюремного населения.

Люция Даммер ратует за «альтернативные меры наказания, такие как общественные работы или электронный браслет, для тех, кто совершил преступление впервые, и для осужденных за ненасильственные преступления. Это позволит разгрузить тюрьмы и избежать "заражения" криминалом».

Мексика: тюрьмы на грани взрыва

Численность заключенных, содержащихся в федеральных тюрьмах, за последние несколько лет удвоилась, заявил секретарь Совета общественной безопасности Мексики Женаро Гарсия Луна, он отметил, в частности, что, например, в одной из тюрем – Ислас Мариас, численность заключенных возросла в четыре раза с тех пор, как президент Мексики Фелипе Кальдерон в конце 2006 года объявил беспощадную войну организованной преступности.

В тюрьме Ислас Мариас, о которой идет речь и которая располагается в штате Синалоа, раньше содержалось 915 заключенных, а в настоящее время здесь насчитывается 3946 человек.

В 2008 году в шести тюрьмах федеральной пенитенциарной системы насчитывалось примерно 4500 заключенных. Сегодня же 11 000 лиц размещаются в восьми федеральных тюрьмах. Власти пытаются увеличить количество мест и модернизировать пенитенциарную систему.

Что касается тюрьмы Ислас Мариас, правительство расширило это учреждение, чтобы иметь возможность разместить там 5000 заключенных, но, как сказал г-н Луна, необходимо принять и другие меры, так как насилие со стороны преступных картелей не прекращается.

В течение последних лет правительство Мексики отправило за решетку тысячи человек, подозреваемых в торговле наркотиками. Кроме 8 федеральных тюрем в Мексике имеется 92 тюрьмы, находящиеся в ведении штатов, и 333 муниципальных тюрьмы.

37% мужчин в Йоханнесбурге – насильники

Более трети мужчин, проживающих в южноафриканской провинции Гаутенг, в состав которой входят Йоханнесбург и Претория, в течение своей жизни совершили по меньшей мере одно изнасилование, а около 7% принимали участие в коллективном изнасиловании. Об этом сообщило агентство Франс Пресс, ссылаясь на данные, недавно опубликованные Советом по медицинским исследованиям ЮАР. В процессе этого исследования было опрошено 511 женщин и 487 мужчин, проживающих в провинции Гаутенг.

Почти 15% опрошенных мужчин признали, что они насильничали женщин, находящихся в сильном алкогольном или наркотическом опьянении, а 6,9% сообщили, что им приходилось участвовать и в коллективном изнасиловании.

Три четверти опрошенных мужчин признали, что в течение своей жизни, кроме сексуального, они использовали и другие формы насилия в отношении женщин: психологическое, экономическое и физическое.

В процессе опроса выяснилось, что мужчины гораздо чаще признаются в том, что совершали насилие в отношении женщин, чем женщины в том, что они подвергались насилию в какой-либо форме.

Основным мотивом непризнания со стороны женщин фактов насилия является стыд. Именно поэтому только 3,9% изнасилованных женщин обращались в полицию.

Уровень преступности в Южно-Африканской Республике является одним из самых высоких в мире. В среднем ежедневно здесь погибают насильственной смертью 46 человек. В ЮАР также самое высокое в мире число лиц, являющихся носителями ВИЧ-инфекции. При общем количестве населения, составляющем 48 миллионов человек, зараженных этим опасным вирусом здесь насчитывается 5,6 миллиона человек.

Франция: настоящая тюрьма – это не кино

В документальном фильме «За решеткой», снятом в формате 3D, Омар Девсон и Карим Беллазар разоблачают устоявшиеся стереотипы о тюрьме.

Цель проста. Задача трудна. В документальной ленте «За решеткой» Омар Девсон и Карим Беллазар хотят разрушить романтические клише о тюрьме. Зрительская аудитория – в первую очередь молодежь. Видеоряд, подготовленный для национальной программы предупреждения преступности, повторяет кадры предыдущей документальной ленты – «Флери Мерожис:¹ запрещено к показу». В течение

¹ Флери Мерожис – крупнейшая французская тюрьма.

52 минут показывается ежедневная жизнь арестантов, снятая самими же заключенными с помощью телекамер, которые были предоставлены этому пенитенциарному учреждению.

«Цель состоит в том, чтобы создать чувственное впечатление об условиях содержания в заключении, – рассказывает Омар Девсон. – Нужно разрушить кинематографический образ тюремного заключения: тюрьма – это совсем не то, что показывают в сериале "Побег из тюрьмы". В настоящей тюрьме нет никакого действия. Скука – самый худший враг осужденного». А Карим Беллазар, соавтор проекта, считает, что эта документальная лента «дезамериканизирует» образ тюрьмы: молодежь неприятно удивлена процветающим там насилием и другими неприглядными сторонами тюремной жизни.

Целевая аудитория создателей фильма – молодежь. «Есть выдуманный образ тюрьмы, нужно сломать клише, по которым пребывание в тюрьме якобы равно некоему посвящению», – предупреждает зрителей Карим Беллазар. Чтобы вызвать у молодежи отвращение к тюрьме, создатели фильма дают слово и знаменитостям, таким как рэпер Синик и актер Сэми Насери, познавшим, что такое тюрьма, на собственном опыте.

Этот короткометражный фильм по просьбе городских властей распространяется различными неправительственными организациями. «Это очень широкая кампания, поступают просьбы о демонстрации этого фильма в неблагополучных кварталах, но не только: лента будет широко показана, например, в XVI² округе Парижа», – говорит Омар Девсон.

В городе Трамбле-ан-Франс, где фильм был показан дважды, он имел ошеломительный успех. «Взрослые всегда говорят, что не стоит попадать в тюрьму. Но это только слова. Но если несовершеннолетний посмотрит этот фильм, у него пропадет всякое желание туда попасть», – свидетельствует молодой человек, посмотревший фильм.

Демонстрация фильма, поддержанная Национальным агентством по социальной поддержке и Региональным советом области Иль-де-Франс, продлится как минимум еще год.

Составил и перевел с французского Юрий Александров

² Главный буржуазный район Парижа, в котором, как шутят французы, проживают те, «у кого не получается быть бедным, и, чтобы страдать вместе, они объединились».

Александр Август

Исследователь

Санитар навис за спиной, словно каменная глыба, угрожая своим присутствием и не давая думать и сосредоточиться.

Паша сидит перед терапевтом, скорбно наклонив голову и устало, по-большому опустив плечи. Голос у него тихий, с хрипотцой, как и положено иметь человеку не совсем здоровому. Напротив него, за столом, сидит дурдомовский терапевт Инна Алексеевна и листает его «историю». Терапевт в дурдоме – это как палочка-выручалочка, за которую иногда можно схватиться, если ты, конечно, что-то знаешь и можешь. Медицинский «кликбез» Паша давно прошел и законспектировал в заветной тетрадке – только то, что в голове не уместилось. Все свои познания он собирал по крупицам у знакомых и в журналах. Сегодня он уже не тот новичок, который три года тому назад пытался «откосить» по гриппу, сегодня он уже понимает, что болезнь симулировать невозможно в принципе, возможно лишь правдиво изобразить симптомы. И если терапевт что-то заподозрит и будет проверять дальше – анализ крови, рентген и так далее, тогда кранты: за симуляцию «посадят на иглу»! Это у психиатра нет никаких приборов и он не боится поставить неправильный диагноз – рассказывай ему какие угодно сказки: и голова болит, и голоса слышишь – может не поверить, но проверить не сможет.

У терапевта все должно быть точно, как на весах и в аптеке: если сфальшивил и сказал что-то не так и не из той оперы или с анализами не срослось – значит, попал!

Но проблему анализа крови, например, Паша давно решил, ему в этом знакомый кореш помог, бывший фельдшер. «Что такое "плохой" анализ крови, если у человека воспаление? – доходчиво рассказывал он Паше во время часовой прогулки. – Это повышенный лейкоцитоз, то есть больше обычного белых кровяных телец, которые борются с

инфекцией или еще с чем. Но когда тебе делают больно, лейкоцитоз также увеличивается!» – намеком подчеркивает он смысл.

Теперь перед каждым анализом крови Паша старается прищемить себе нужный палец, тот самый, из которого возьмут кровь, и так прищемить, чтобы было ну очень больно, где-нибудь в двери, и когда это ему удастся, старается напроситься на прием к терапевту.

Сегодня Паше было снова «плохо» и он записался на прием к Инне Алексеевне. Если этой возможностью не воспользоваться, то психиатр, который сидит тут же, в кабинете, завтра ухватится за него и сам начнет «лечить», а это гораздо хуже, чем лечиться у терапевта. Юрий Дмитриевич, его лечащий врач-психиатр, сидит за другим столом, в другом углу кабинета, и, подперев подбородок обоими руками, наблюдает: на Пашу у него давно свои виды. По большому счету ему, Юрию Дмитриевичу, наплевать на то, что скажет терапевт, в конце концов терапевт здесь никто, в дурке он не командует и приказать ему, психиатру, не может, и даже если у пациента предынфарктное состояние, лечить его нейролептиками или нет, решает он, психиатр, терапевт может лишь рекомендовать. Но все равно это соломинка!

От волнения Паша начинает потеть. Задача у него крайне сложная – убедить в своем нездоровье трех дипломированных врачей. Заведующая отделением, Вероника Сергеевна, сидит за центральным столом и, запивая обеденный бутерброд чаем, со скучающим видом наблюдает этот спектакль.

При Пашиных минимальных познаниях в медицине убедить их можно лишь при наличии настоящего артистического таланта. Но если хочешь, чтобы из тебя не сделали «овощ», станешь талантлив.

Паша талантлив и знает, что дорога на «огород» у всех одна – у кого длинней, у кого короче, и «овощами» все сделаются разными и в разное время, но туда приходят все, если принимают то, что назначил психиатр. А Паша туда не торопится и потому усердно изучает медицину.

К тому же Паша еще и юморист, и если его уже теперь кто-нибудь спрашивает: «Какое у вас образование?» – он всегда отвечает с тонким намеком: «Два высших: медицинское и юридическое».

Паша вспоминает своего соседа по палате Бондюэля – живой пример хорошо и быстро сформировавшегося «овоща». С Бондюэлем они вместе поступали в дурку, вместе сидели в карантине, и Пашка хорошо помнит, каким он был до приема «колес». Судьба их на пару лет по разным корпусам раскидала, а потом вдруг встретились – было с чем сравнить. Если колеса регулярно «на кадык не ставить», то с любым таким будет: сейчас Бондюэля убрали с рабочего отделения за то, что

он спит на ходу и работать на строительстве нового корпуса уже не может. А какой энергичный мужик был!

Это ведь как движение по лестнице вниз: сначала ты нормальный, и сил у тебя хватает на всё, и все тебя уважают, даже персонал. Но вот ты принимаешь этот яд год-два, и незаметно для самого себя спускаешься на несколько ступенек и постепенно превращаешься в равнодушного и грязного дауна, уважение к тебе персонала и пациентов тает, словно снег на весеннем асфальте. Но ты по-прежнему не замечаешь этого и продолжаешь спускаться все ниже и ниже.

Можно, конечно, встать в открытую оппозицию и просто отказаться принимать «колеса» или откровенно заняться членовредительством, но это очень опасный путь. Делать все нужно «технично и грамотно».

– На что жалуетесь? – заученно спрашивает Инна Алексеевна.

Паша в растерянности: нужные симптомы, чтобы «откосить», он вызубрил исправно, собирая их из разных источников, но нельзя же все выложить в лоб, вот так, сразу, словно ты читаешь все это! Нужно хотя бы сделать вид, что ты озадачен столь неожиданными вопросами. Поэтому он делает простецкое и даже глуповатое лицо – к глуповатым и к дурачкам везде доверия больше, он это знает, – и поднимает глаза вверх, как бы пытаясь вспомнить, и выкладывает информацию постепенно.

– Слабость, – наконец, «вспомнив», замученным голосом выдавливает он из себя и, снова подняв к потолку глаза, перебирает в памяти все, что должно следовать дальше. – Устаю быстро и... – Он неуверенно добавляет: – Голова болит...

Он косится в сторону психиатра – за такой симптом и тот может уцепиться.

– Ну тогда давайте померяем давление, – предлагает терапевт и извлекает откуда-то из-под стола, из стоящей внизу сумки, прибор.

Паша от такого предложения в восторге, но виду не подает: повышенное давление – это очень веский аргумент и симптом не только для терапевта, но и для психиатра – психиатры тоже люди и приборам, как это ни странно, верят больше, чем рассказам пациентов, хотя для своей диагностики ими почему-то не пользуются.

Лично сам Паша приборам не доверяет и их показаний давно уже не боится: если удастся «дурануть» трех врачей, то с прибором-то уж он как-нибудь справится! Интересное дело, размышляет он, как эта маленькая черная штука с циферблатом уличит его во лжи, если он два дня подряд напрягался, всячески задерживая дыхание, пытаясь опрокинуть в палате стену? Стена, конечно, осталась на месте, куда

она денется, но артериальное давление явно «поехало»: голова-то болела уже реально.

Инна Алексеевна накачивает грушей воздух и пристально смотрит в лицо Паше: она тоже тертый калач, и мимо нее, пока она тут работает, прошли сотни хитрых Паш.

Паша правильно понимает ее пристальный взгляд. Если сейчас напрячь тело, хотя бы ноги, то давление тоже зашкалит, но твое напряжение будет видно по глазам, а Инна Алексеевна не районный врач, она все поймет: этот заезженный и замыленный способ знают все дилетанты! Поэтому нужно иметь всегда что-то новое и оригинальное в своем арсенале и постоянно, как говорит Паша самому себе, «исследовать вопрос».

Идею эту со стеной он развивал и «исследовал» долго, в течение нескольких месяцев, подхватив ее в журнале «Здоровье», где рассказывалось о статических упражнениях и где в конце статьи крупными буквами стояло предупреждение: «Неконтролируемая задержка дыхания и неумеренность в занятиях могут привести к повышению давления!»

Это тоже одна из граней Пашиного таланта: он умудряется поставить себе на службу то, что других пугает и приводит в ужас. Стоило ему прочитать об опасности задержки дыхания и неумеренности в занятиях, как он тут же занес всю информацию в свой «исследовательский журнал», долго «изучал вопрос» и вот сейчас впервые пытался применить результаты исследования на практике.

– Сто семьдесят на сто, – озадаченно говорит Инна Алексеевна и смотрит Паше в глаза.

– Аминазин назначим, от него давление падает, – подает голос своего места Юрий Дмитриевич. – В инъекциях.

– У меня же почки больные... левая, – ноет Паша.

Лечащего врача никогда нее поймешь – шутит он или серьезно.

– А что почки? – спрашивает Юрий Дмитриевич. – Мы тебя санитарам на ночь в секцию отдадим: они у нас самые большие специалисты по этому вопросу, то есть по почкам. У-урологи! – Он поучительно поднимает указательный палец к потолку.

Санитар за спиной у Паши скрипит паркетом, переминаясь с ноги на ногу, и подхалимски хихикает.

– Я тебе тут кое-какие назначения сделаю, а потом снова тебя посмотрим, – говорит Инна Алексеевна, не обращая внимания на шуточки Юрия Дмитриевича, и записывает что-то в «историю». – И постельный режим, – добавляет она. – Больше нет жалоб? – спрашивает она напоследок.

– Нет, – скромно говорит Паша: с жалобами тут нужно быть поосторожнее, они должны быть ненавязчивыми и конкретными, как артериальное давление.

– Тогда ты свободен.

Санитар кладет на плечо руку, и Паша выходит из кабинета.

* * *

– Ну, ты слышишь или нет?! – шипел по-змеиному Юрий Дмитриевич в самое ухо. – Да ты оглох, что ли, падла?! – начал он выходить из терпения, потом вдруг выругался совсем уж грязно и принялся стучать ногами по тумбе стола, за которым сидел.

– Ты проснешься, с-су-ка, или нет?! – крикнул он неожиданно громко голосом санитар Гаврюшина и тут же превратился в Гаврюшина.

Тот стоял у раскрытой форточки-кормушки, красный от злости, и молотил чем-то в обитую железом дверь. Паша пришел в себя и спрыгнул с кровати на пол, сонно протирая глаза.

– Ты что, «колес», что ли, нажрался?! Я уже десять минут в дверь молочу, а ты даже не шевелишься! Чего не на работе-то? – спрашивает он.

– У меня постельный режим... Давление подскочило, – устало говорит Паша и вздыхает.

– На! – протягивает Гаврюшин полиэтиленовый пакет, в который что-то завернуто. – Пока все коробочки клеят, а то потом незаметно не передать.

Он молчит несколько секунд, глядя, как Паша разворачивает пакет и, заглянув в него, снова закрывает его.

– А это тебе от меня, – протягивает он Паше два спичечных коробка, скрепленных меж собой медицинской резинкой. – Там спички и «солома»: ну спички – чтобы обид между нами не было. А «солому», как договаривались. Идет?

Паша согласно кивает головой: конечно идет, какие могут быть обиды?

Санитар, махнув рукой, закрывает кормушку.

Оставшись один, Паша бросает на кровать пакет и смотрит на спичечные коробки, не зная, с чего начать.

Подумав немного и посмотрев с опаской на окошко в двери, сует коробки под подушку, потом, передумав, пихает их в наволочку: подалее положишь, поближе возьмешь.

Санитар ведь может и «сдать», чего ему стоит? Сначала принес чай ему, а потом доложил ментам: глядишь, «палку» срубишь, как они это называют. А если сказать нормальным русским языком, получит бла-

годарность за хорошее несение службы. А несколько таких «палок» или благодарностей – это несколько шагов к УДО. Ведь санитары в спецбольнице ээки, из тех, кто тут от расправы прячется, и за условно-досрочное освобождение они чего угодно сделают.

Паша удобнее устраивается на кровати, лицом к дверному окошку, чтобы не упускать его из виду, скрещивает ноги по-калмыцки и, положив перед собой пакет, осторожно его разворачивает. Внутри, как и договаривались с санитаром, лежало два последних номера журнала «Здоровье», ученическая тетрадка, авторучка и – самое ценное, то, что просто так тут не купишь, – конверт.

Паша перевернул его к себе лицевой стороной и даже погладил: почтовая марка была на своем месте. Потом, отложив его в сторону, раскрыл один из номеров журнала и пробежал глазами содержание и заголовки: «Когда возникает повышенное или пониженное артериальное давление?» – и перевернул страницу, не найдя по своей теме ничего нового. «Симптомы и лечение аппендицита» – не удержавшись, прочитал первое предложение: «Основной симптом аппендицита – боль в животе...» Интересный номер, подумал он, тут есть чему поучиться, и отложил его в сторону, решив почитать позже, когда будет больше времени. Затем, открутив колпачок у шариковой авторучки, достал стержень, посмотрел его на свет и выругался: пасты в нем было всего на одну треть. Стержень – вещь, конечно, важная, но второстепенная, ее можно добыть всякими хитрыми способами, например, выйти писать письма в письменный день и заменить полупустой стержень на полный. Можно, в конце концов, попросить у медсестры или врача авторучку, чтобы написать какое-нибудь заявление, и перекачать пасту оттуда в свой стержень, но конверт... Конверт уж точно у персонала не стыришь, у каждого пациента есть свои письменные принадлежности, но все под замком у медсестер, и каждый конверт там на учете, есть даже тетрадка, в которой отмечают каждый использованный конверт. И каждая вещь в ней имеет свой номер.

У санитаров же, как у ээков, никаких ограничений и запретов на авторучки и конверты нет, и они иногда делают на этом хороший бизнес: неучтенные конверты можно достать только у них.

Паша запихнул авторучку назад, в пакет, достал оттуда ученическую тетрадку и раскрыл ее. Бумага была в клеточку, а не в линейку, что было бы лучше. Он вздохнул и уже хотел отложить тетрадку в сторону, но, подозрительно пощупав ее, принялся пересчитывать листы. Их оказалось всего восемь. Он перелистал еще раз и, перевернув тетрадку, проверил на обороте. Там было написано: «12 листов».

Паша выругался: с санитарями всегда так – лишнего не принесут! Потом, вспомнив про коробок спичек, усмехнулся: спички он не заказывал и не платил за них, санитар-то попался совестливый. Хотя за тетрадь, авторучку, конверт и чай была отдана половина месячной выписки в ларьке – несколько банок рыбных консервов и блок хороших сигарет с фильтром. За контрабанду же запрещенной литературы был заключен особый договор: Паша был обязан собирать для санитаров среди пациентов нужные для «торча» «колеса». Журнал тот, «Здоровье», содержал массу полезной информации о здоровье вообще и о нездоровье в частности, что было гораздо важнее, а для того, кто мог читать между строк, и того больше – как при необходимости можно сделаться больным или, проще говоря, «откосить». Эту информацию Паша от руки выписывал в отдельную тетрадку, маскируя записи под стихи. Для себя он называл ее «Пособие для начинающего симулянта», но написать такое открыто, на обложке, побоялся и нацарапал коротко «Стихи» и записи в этой тетрадке, из конспиративных соображений, делал как бы четверостишиями, а журнал, изучив полностью, всегда возвращал санитарам – чтоб на шмоне не наткнулись.

Как известно, мечта каждого нормального человека – быть здоровым, но в дурке все наоборот (потому она и дурка) – заболеть бы, да посерьезней! Жизнь от болезней становится лишь комфортней и уютней. Если ты болен, то никто тебя не трогает и не лечит от душевных заболеваний.

Да и что это за лечение такое, если его можно приравнять к пыткам? Потому сначала доктора стараются вылечить соматические заболевания – неровен час загнется человек «от мер медицинского воздействия», когда его начнут «лечить» от душевных заболеваний принудительно.

По этой причине любая литература медицинского характера, в том числе и журнал «Здоровье», в спецбольнице признана общественно опасной и даже крамольной, и чтение таковой приравнивается к чтению антиправительственной литературы, хранение и приобретение наказуемо «медикаментозно».

Паша подумал мгновение, и, вынув из-под подушки книгу, аккуратно, стараясь не помять, вложил в нее конверт, и снова пихнул под подушку – так надежнее. Тетрадь и журнал запихнул в матрац – под подушкой все это сразу найдут на шмоне. Авторучку же, повозившись немного, он приклеил на пластырь за батарею: там ее вряд ли ощупают.

Потом взял коробки, и, сняв скрепляющую их резинку, потряс по очереди у уха.

Отложил в сторону тот, в котором гремели спички, покрутил в руках оставшийся: как его, интересно, санитар закрыл – как положено или вверх ногами?

Наученный горьким опытом, аккуратно приоткрыл коробок: ну конечно же обратной стороной, нарочно, что ли?

Потом аккуратно высыпал содержимое на газету и принялся внимательно рассматривать каждую крупинку чая.

Чай в дурке пациентам «по медицинским показаниям противопоказан», как говорит доктор, потому его не может быть ни в передаче, ни в выписке продуктов. А ээкам что? Они народ вольный, режимом и запретами их не душат, не то что «дураков». Несколько пачек чая в месяц им законом разрешено, и через это разрешение идет бизнес: пятидесятиграммовая пачка чая стоит блок хороших, дорогих сигарет, и понятно, что не каждый может себе это позволить. Поэтому мера веса и объема чая в дурке – не граммы и пачки, а спичечные коробки.

Но санитары – это еще те «пассажиры», они ведь могут вместо нормального чая вываренного и засушенного притащить, по виду он мало чем от нормального отличается: те же черные свернутые в трубочку крупинки, только не завариваются. Проблема эта решена была давно: они жарили и сушили его на противне в больничной кухне до тех пор, пока он не подгорал и не начинал от этого завариваться. Конечно, это была ненастоящая заварка, но предъявить претензии уже было нельзя, «все претензии только к производителю», как они говорили в таких случаях.

Было даже время, когда они на больничной кухне «чайное производство» организовали: вываренного чая на кухне каждый день остается по ведру.

Паша разложил каждую травинку отдельно и рассматривал их так, словно от этого зависела его жизнь. Чай был настоящий.

Он сложил его на газете аккуратно маленькой горкой и задумался: чего теперь с ним делать-то?

Оставить его и спрятать – опасно, могут найти и отобрать, заваривать – еще опасней, заметят и тоже отберут, еще и накажут...

Подумав немного, Паша принял единственно верное в дурке решение: он согнул пополам небольшой листок газеты, высыпал на него чай и засыпал всё в рот.

К тому же это безотходное производство: без дыма, без посуды и кипятильников, за хранение которых тоже «прессанут», и проблему отходов решать не нужно.

То ли от чая, то ли по какой другой причине, но Пашу вдруг обуяла жажда деятельности: дожевывая уже на ходу, он нырнул к батарее и до-

стал только что спрятанную там авторучку, потом устроился на кровати спиной к двери – чтобы не видно было, чем он занимается, – положил перед собой картонную заготовку от коробочки, из тех, что клеят на трудотерапии, и задумался, пытаясь найти нужные и убедительные слова.

«Дорогая редакция! – старательно, ровным почерком вывел он и снова задумался. – Я являюсь постоянным и неизменным Вашим читателем на протяжении нескольких лет, несмотря на то что ваш журнал запрещен в нашей больнице. Тем не менее я стараюсь следить за содержанием всех номеров.

В последнем номере Вашего журнала мне очень понравилась статья о пользе чая и его значении в китайской медицине.

Я бы с удовольствием с Вами подискутировал на эту тему, но не в этом коротком письме. Но с тем, что Вы рассказали о чае, полностью согласен и даже многое мог бы добавить к сказанному Вами».

Паша сделал глотательное движение, пытаясь пропихнуть в глотку застрявший во рту чай, но, не справившись, ринулся к водопроводному крану.

Сделал несколько глотков и снова уселся за письмо.

«Мне очень интересно было узнать в одном из ваших номеров об аутогенной тренировке и особенно о медитации. Но почему вы не пишете об этом подробно? Медитация – это такая интересная тема!!!

Еще я люблю, когда Вы рассказываете в своем журнале о фитотерапии, о траволечении и о народной медицине. Прочитав в одном из ваших номеров о лечебных свойствах крапивы и мать-и-мачехи, я теперь, как только наступает весна, рву ее незаметно от санитаров в прогулочном дворике и делаю различные салаты, насколько это позволяют условия. Мне, правда, было не совсем понятно, когда Вы рассказывали о том, что целебность трав зависит от лунного цикла. Я Вас попрошу, если это возможно, рассказать об этом еще раз в одном из Ваших номеров.

Огромное впечатление произвела на меня Ваша статья "Физическая культура и спорт для горожанина", где Вы рассказываете о необходимости физкультуры и дефиците времени у современного человека и советуете заниматься изометрическими упражнениями по дороге на работу, в магазин и т.д. И даете для этого целый комплекс упражнений, называя его "Карманная гимнастика". Вы приводите в этой статье примеры и говорите, – Паша подумал немного и, зачеркнув слово "говорите", вставил "пишете", – что статические упражнения очень эффективны и не требуют так много времени, как динамические, – всего пять–десять минут в сутки и человек находится постоянно в хорошей физической форме. Вы пишете: это очень эффективно! А я хотел бы

добавить самое важное преимущество такой физкультуры: она незаметна для персонала! Вы даже не представляете, насколько это облегчает жизнь, и я полностью согласен с тем, что Вы говорите в этой статье: нет свободного времени, есть бесцельно потраченное время!

Единственное, что меня огорчает, когда я читаю Ваш журнал, – я не могу и боюсь обсуждать темы, которые Вы затрагиваете: меня тут же за "бред" примутся "лечить".

Особенно, если речь идет о восточной медицине.

Подумайте сами, что сделает со мной доктор, если я начну рассуждать о "философии и культуре восточной медицины" и что она лечит, "восстанавливая нарушенную гармонию". Паша подумал мгновение и принялся дальше развивать свою мысль: «Или я бы ему сказал, что нейролептики – это яд и нет средств более эффективных, чем Природа. Да меня бы с иглы год не спустили!

Восточная медицина интересует меня больше всего, и я очень хотел бы, чтобы Вы чаще рассказывали об этом на страницах Вашего журнала.

И меня давно терзает и мучает вопрос, который я могу задать только Вам: почему в восточной медицине нет психиатрии?»

Паша задумчиво уставился в потолок и, видимо, не найдя там ответа на мучившую его загадку, добавил:

«Я попрошу Вас ответить на мой вопрос на страницах Вашего журнала, а не обычным письмом, так как иначе у меня могут быть крупные неприятности».

Внимательно перечитав написанное и исправив шероховатости и грамматические ошибки, он переписал все на чистый лист бумаги, вырванный из принесенной ученической тетради, и аккуратно сложив его, сунул в конверт, заклеил и написал адрес редакции.

Паша совсем не наивен и знает, что такое письмо никогда не выйдет за больничный забор, даже попытка сделать это легально опасна: письмо как «вещдок» будет подшито к его «истории болезни», и страдать ему придется за это всю оставшуюся жизнь.

Отправить его можно только нелегально – либо через проверенного санитаря, либо с готовой продукцией с трудотерапии.

Паша стоит у дверного окна и ждет, когда наконец мимо пойдет санитар Гаврюшин – единственный, кому можно доверять, – и отдает ему письмо.

* * *

Паша лежит на кровати, «ограниченный на пять точек», и над ним, словно ангел, во всем белом стоит Юрий Дмитриевич с «исследовательским журналом» в руке и с укором смотрит на Пашу:

– Что же ты у меня-то не спросил про восточную медицину? Ведь я бы тебе тоже ответил: все-таки я медик. Психиатрии у них, в восточной медицине, нет потому, что это вообще не медицина!

Юрий Дмитриевич на какой-то миг умолкает.

– А вот за это, – неожиданно зло и уже без всякого юмора говорит он и поднимает к плечу тетрадку, на которой написано Пашиным почерком: «Стихи», и уличающе размахивает ею. – ...за это ты будешь не только месяц связанным «на игле» торчать! За эти «исследования» я помещу тебя в мой личный гербарий. Но ты не расстраивайся, – продолжает он уже в своей обычной манере «стеба». – Я приколю тебя на самое видное и почетное место. Как самую ценную и редкую бабочку.

Юрий Дмитриевич направляется к выходу и вдруг неожиданно останавливается:

– А сейчас на месяц расслабься и медитируй в тишине.

Иван Маркелов

Психобеспредел

Умер – и с глаз долой

Волонтер Гражданской комиссии по правам человека культурной столицы провел одиночный пикет в центре Санкт-Петербурга, раздавая информационные листовки Комиссии против нарушений прав человека в отечественной психиатрии.

Сегодня одиночные пикеты — одна из наиболее доступных форм общественного протеста. В данном случае пикетирующий выступал также и против негуманного обращения с телами умерших пациентов психиатрических учреждений. Санкт-петербургская Гражданская комиссия по правам человека уже сообщала в своих пресс-релизах о пожилom человеке, умершем в одном из психоневрологических интернатов Санкт-Петербурга. Его тело было обезображено крысами в морге интерната, в таком ужасающем виде выдано сыну умершего. Уголовное дело по данному факту, невзирая на обращения Гражданской комиссии по правам человека в компетентные инстанции, так и не было возбуждено.

В 90-х годах прошлого века у психиатрической больницы № 1 имени Кащенко в Санкт-Петербурге было собственное кладбище. Большинство пациентов на том кладбище были похоронены под номерами, без табличек с именем и фамилией умерших. Лишь после *многолетних* протестов правозащитников таблички с именами умерших пациентов были установлены на кладбище. Впрочем, сам факт существования *собственного* кладбища у больницы вызывает много вопросов.

На сайте Гражданской комиссии по правам человека Северной столицы «вывешено» взятое ранее интервью с Владимиром Леоновым,

(По рабочим материалам Гражданской комиссии по правам человека Санкт-Петербурга)

правозащитником и бывшим депутатом Законодательного собрания Ленинградской области¹. В.Н. Леонов рассказал о психиатрической больнице № 1 имени Кащенко, расположенной в Ленинградской области: «... я... обратился... к председателю комитета здравоохранения Санкт-Петербурга и попросил представить статистику смертности в этой психиатрической больнице... самое интересное – это ответ, который я получил. Потому что я спрашивал определенные статистические показатели. То есть с какими диагнозами поступали умершие за последнее время последние пациенты, указать их официальные причины смерти. Но то, что я получил, меня чрезвычайно, конечно, удивило. Ответил мне заместитель председателя Комитета по здравоохранению Санкт-Петербурга. Он сразу показал, что эта сфера является полностью закрытой. Он сказал... что, мол, диагноз пациента или причина смерти умершего является врачебной тайной, которая не может быть разглашена, то есть может быть разглашена, но только при исключительных обстоятельствах. То есть, обратите внимание, как казуистически отвечают чиновники. Чистая отписка, поскольку я ведь не спрашивал причину смерти конкретного человека или диагноз его заболевания и так далее. Я попросил привести статистические данные. И тем не менее на этот вопрос я так и не получил ответа...»

Эффективное воспитание

В волгоградском детском доме по инициативе главы областной администрации была проведена проверка², в ходе которой было выявлено около 20 (!) эпизодов стационарного «лечения» воспитанников детдома за нарушения дисциплины в Волгоградской областной наркологической больнице и Волгоградской областной психиатрической больнице № 5. Госпитализации проводилась без заключения экспертной комиссии и решения суда, но лишь на основании ходатайства директора учреждения. В стационарах подросткам ставили «диагнозы» и назначали сильнодействующие психотропные препараты.

После обнаружения этих нарушений директора детского дома освободили от занимаемой должности. Глава администрации Волгоградской области инициировал аналогичные проверки во всех учреждениях области, где находятся дети-сироты, назвал произошедшее «вопиющим фактом, требующим самой жесткой реакции со стороны всех

структур власти и надзорных органов» и предложил на всех уровнях поддержать инициативу правозащитников по ужесточению законодательства в отношении граждан, нарушающих права детей. Уместно отметить, что в прошлом звучали призывы об изменении законодательства России с целью допустить возможность недобровольного лечения подростков и взрослых в наркологических клиниках. Многие правозащитники категорически возражали против этого, обращая внимание широкой общественности на тот факт, что «неудобных» подростков из детских домов смогли бы госпитализировать в наркологические «дурки» с «дисциплинарной», а не медицинской целью.

Материалы проверки волгоградского детского дома были направлены в следственное управление для решения вопроса об уголовном преследовании директора детского дома и главных врачей психиатрической и наркологической больниц.

На пресс-конференции 13 января 2011 года начальник Следственного управления Михаил Музраев заявил: «Оснований для возбуждения уголовного дела нет. Состав преступления в действиях Алевтины Крапивиной не найдено».

Невменяемая экспертиза

Директор Санкт-Петербургской Гражданской комиссии по правам человека Татьяна Зиновьева обратилась к вице-губернатору Санкт-Петербурга в связи с возможными серьезными нарушениями прав граждан при проведении им судебно-психиатрических экспертиз. Поводом для беспокойства в Гражданской комиссии более чем достаточно.

Например, случай с петербурженкой Л.С. Федоровой. С ней произошла банальная история – бытовой конфликт с Н.С. Григорьевой. По заявлению Григорьевой дело попало в суд, и в судебном заседании Н.С. Григорьева потребовала назначения Л.С. Федоровой психиатрической экспертизы. Мировой судья Камальдинов назначил Федоровой амбулаторную экспертизу в ГПБ № 6.

Проводившие экспертизу психиатры констатировали (цитируем документ дословно): «Сознание ясное. Ориентирована правильно. В контакт вступает охотно. На вопросы отвечает по существу. Настроение ровное. Память без грубых нарушений». После чего сделали шокирующий для Людмилы Степановны вывод: «На основании изложенного комиссия приходит к заключению: Федорова Л.С. нуждается в проведении стационарной судебной психиатрической экспертизы для наблюдения и решения судебно-психиатрических вопросов...»

¹ <http://www.cchr.spb.ru/archives/193#more-193>

² <http://medportal.ru/mednovosti/news/2011/01/13/reject/>

В общем, человек создает впечатление абсолютно здорового, но ему необходима еще и стационарная экспертиза...

В данных случаях, вероятно, имеет место использование психиатрии в немедицинских целях. Психиатрия приобретает «карательный характер»: пожилой человек, в вину которому вменяется незначительное правонарушение (который, вполне возможно, его и не совершал), должен провести в психиатрическом стационаре в условиях лишения свободы и значительных ограничений не менее месяца.

Гражданская комиссия по правам человека Северной столицы просит вице-губернатора Петербурга Людмилу Косткину и Городскую прокуратуру Санкт-Петербурга провести проверку компетентности психиатров-экспертов, проводивших судебно-психиатрическую экспертизу Л.С. Федоровой, и обоснованности их выводов. Также правозащитники просят проверить, насколько часто психиатры-эксперты амбулаторного отделения СПЭ ГПБ № 6 вместо заключения о состоянии здоровья подэкспертного рекомендуют назначение стационарной СПЭ...

– Автобус пришел, автобус! – вздыхает толпа и сбивается в кучу у входа.

Если не слушать голосов и звуков, воспринимать все это как немое кино, то очень похоже на горьковскую пьесу «На дне»: рваные, прожженные сигаретами фуфайки без пуговиц, шапки-ушанки с оторванными или полуоторванными ушами, небритые хари, смотрящие друг на друга исподлобья скорее испуганно, чем злобно.

– По порядку разобрались! – орет санитар, протискиваясь к двери сквозь эту толпу. – У входа не толпиться и всем в очередь встать! Первыми пойдут те, кто несет белье, потом остальные!

Дверь открывается, и, встав за ней, он орет внутрь отделения:

– Пошел первый! – И начинает считать вслух: – Первый, второй...

Иногда это движение регулируется пинками и матюгами.

Минутин хватается тюк с чистым бельем и протискивается к двери сквозь очередь: последним достанутся самые неудобные места, а может, и вообще ничего не достанется, и всю дорогу до самой бани придется стоять.

Автобус стоит так близко к стене, что промежутка почти нет, лишь маленькая щелка, в которую человек не протиснется при всем желании. А если кому-нибудь в голову придет такая сумасшедшая мысль, то на этот случай там стоит водитель автобуса, по совместительству санитар, и тоже считает выходящих из здания – все, как в бухгалтерии, должно сойтись: вышедшие из отделения и вошедшие в автобус.

Минутин усаживается у окна, на самое удобное место, и теперь наблюдает весь этот спектакль со стороны.

Последним выходит санитар и сверяет с водителем результат: может, кто-нибудь застрял под лестницей? Цифры, видимо, сходятся, потому что оба садятся на свои места, и «сумасшедший автобус» трогается знакомым маршрутом к другому корпусу – в баню.

Впереди Минутина сидят два «военкоматчика» – не элита, конечно, но эти лица в дурдоме облечены некоторым доверием персонала: у всех живущих в сумасшедшем доме есть какая-нибудь история – не медицинская, но грозящая сделаться таковой. «Военкоматчиков» понять и расшифровать трудно, как и всех экспертов, – чего они вообще хотят? Их желания всегда скрыты: кто-то не желает Родину защищать и активно «косит», чтобы от повинности освободили, а кто-то, наоборот, очень хочет, но они-то и есть явные сумасшедшие: лучше все-таки дурдом, чем в рекруты. Хотя кто его знает?

Если «военкоматчик» неглуп, он о своих желаниях вслух не говорит, во всяком случае на комиссии: об этом доктору должны сообщить его родственники заранее в приватной беседе и приложение сделать в виде долларовых купюр – тогда его желания сбудутся! Но всякое в дурке случается: если платить «военкоматчику» нечем, тогда дело его дохлое: должен же кто-то Родину защищать?!

«Военкоматчики» всегда держатся вместе. Для них даже отдельная палата организована, там они друг друга обучают, как «откосить». Персонал армейцам доверяет, и, соответственно, прав у них больше, чем у других: «военкоматчик» в побег не пойдет и помогать в этом никому не станет, это все знают. В противном случае доктор ему все наоборот сделает: если в армию хочешь, так в дурдоме оставят. А если «косил» исправно и грамотно, значит, пошлют в ракетные войска! Что-бы не выступал.

Минутин как-то на эту тему размышлял рифмой с юмором, и стихотворение получилось отличное, «Атомная война», кажется, называлось, но санитары его почти сразу замели и восстановить не удалось.

Есть еще «бытовики» на отделении, это кто с родственниками или с соседями поругался: у них прав и доверия персонала почти нет, так как этой публике от дурки ничего не нужно, наоборот, дурка на них план по койко-дням выполняет и честно свой хлеб отрабатывает. Поэтому «бытовок» надзирают строже: они могут при первой возможности на «лыжи встать» или какую-нибудь злую жалобу настроить. Это народ, властью обиженный и потому коварный! Они, конечно, не «принудчики» и не «экспертизники» – им в сумасшедшем доме душей всего, но «бытовики» тоже дурдомовская чернь. Самые бесправные и самые нелюбимые у персонала – «принудчики» и «экспертизники», они направлены в дурку прокуратурой, ментами или тюремным дурдомом, «принудчик» – тот же зэк, только в дурдоме. Можно сказать, что ему, зэку, повезло, но это только в том случае, если у зэка «рюкзак» (срок) большой, а если «рюкзака» нет? Тогда сумасшедший

дом – хуже любой тюрьмы: прокурору не написать, адвоката не вызвать. «Принудчика» за любое нарушение могут отправить в тюремный дурдом, и пациенты там обычную дурку только в хороших снах видят. «Принудчик» с произволом персонала и ментов знаком, поэтому у него всегда крайности: его либо вообще не слышно на отделении – ждет своего часа, либо он в побег ударится, а это ЧП, и тут уж он опять не больной, а зэк. Год тому назад во время похода в баню человек пять «принудчиков» рванули в разные стороны. С тех пор пешие походы в баню запрещены – только на автобусе! А «принудчиков» с тех пор моют только на отделении.

Элита и аристократия дурдома – алконавты: им позволено все или почти все! Они имеют такие же права, как пациенты обычной хирургической или другой больницы, в баню ходят самостоятельно и без всякой охраны.

Зимой-осенью бывают еще бомжи, или, как их зовут, «зимогоры», но эти вообще никуда не суются, им ничего не нужно, лишь бы до тепла дожить!

Весной все они тихо куда-то исчезают, сделав по мере сил необходимый процент койко-дней для дурки. Баню зимогоры любят: про запас, что ли, хотят намыться? Одна треть автобуса состоит из них. Настоящих дураков на отделении, таких вон, как Киргиз, один-два, но без него тоже нельзя: санитары на нем удары отрабатывают. Как без Киргиза? В теории для таких тут все и создано: баня, столовая, санитары. Если их, Киргизов, убрать, это будет уже не больница, а особая, созданная для «хитрых» случаев тюрьма, а когда они в наличии, то все почестному: дурдом он и есть дурдом. Киргиз – молчун, он молчит уже несколько лет, со дня его поступления в дурку никто не слышал от него ни звука: после того как у него во время пожара погибла вся семья, Киргиз замолчал, и ни одна попытка заставить его заговорить или произнести хотя бы какой-то звук не увенчалась успехом: доктора на нем перепробовали все медикаменты, от чего он только мрачнел и делался менее подвижным, одно время просто залег от медикаментов и не вставал. Теории санитаров на этот счет от врачебных отличались: вечером, когда врачи уже уходили домой, они пинками загоняли его под кровать, ставили на колени в угол, лили ему холодную воду за шиворот – Киргиз мужественно молчал, не произнося ни звука! Дурдомовские авторитеты высказывали даже нелепое предположение, что он «косит», но сразу возникал вопрос: зачем? За спиной у Киргиза не было ни ментов, ни прокурора, ни страшной уголовной статьи, которой можно бо-
яться: он был один из немногих настоящих «колпаков» на отделении.

Сзади в спину Минутину дышит дед Чадай. Дед Чадай – это икона и поп-звезда местного дурдома. Он почти всю свою сознательную (или бессознательную?) жизнь провел в дурдоме и был никому не нужен, санитары его использовали так же, как Киргиза, – для отработки ударов, но вдруг что-то сместилось в его судьбе – он, конечно, и сам не понял, что именно, – но сейчас его берегут как зеницу ока и показывают всем приезжающим профессорам и проверяющим комиссиям.

Во-первых, год рождения у него девятьсот затертый и он самый старший пациент дурдома. А еще говорят, что в дурдомах долго не живут.

Про него известно только, что он был контужен на фронте, уже в самом конце войны, и после этого сразу в дурку попал. Доктора его долго «на ноги поставить» пытались, у него все эти попытки до сих пор на заднице старыми шрамами отмечены, пробовали на деде сульфазин, инсулин, ЭСТ и аминазин – когда он только в дурку пришел в пятидесятых и его еще только испытывали, не зная толком, что это такое. Когда же его, наконец, слегка «подлечили» и фронтową дурь из башки выбили – чуть что, сразу лез драться ведрами, швабрами, кулаками, стал Чадай батрачить в дурке и был холопом, как все: работал на покосах, отправляла его больница и на лесоповал – а чего, мужик деревенский и крепкий, пусть трудится! – работал на больничной пилораме, рубил бани для персонала за пачку сигарет и обед, а когда постарше стал и поизносился, уже на «трудотерапии» нашли ему работу поспокойней и полегче: поставили на больничный свинарник обед свиньям раздавать и чистить за ними. Так бы, может, и остался Чадай, всеми забытый, в должности дурдомовского свинаря, но к этому времени потихоньку фронтовики по стране начали вымирать, а оставшиеся в живых получать льготы – тут-то и нашлось деду достойное занятие: среди персонала и пациентов упорно ходят слухи, что администрация дурки под его ордена давно уже квартиру и многое другое получила, и в дом психохроников его не хотят отправлять ни под каким видом. Если Чадай заболевает, на отделении ЧП и аврал: ему вызывают терапевтов, урологов и глазных врачей. Живет он в самой маленькой и уютной палате на пять человек, в которую никогда больше трех не селят. «Приколисты» ее так и окрестили: фронтová. Здоровье Чадаы берегут, поэтому никаких нейролептиков он не получает.

После контузии дед потерял речь, она до сих пор полностью не восстановилась – гундосит и тянет слова, и обнаружилась лютая ненависть к тем, кто плюется. Тогда Чадай сразу лезет драться: такого бесстыдства он не прощает. Сейчас его за такие драки уже не лечат, а, наоборот, прессуют тех, кто его дразнит: врачи говорят, что дед заслужил

спокойную старость в дурдоме. За фронтové заслуги дурдом Чадаю бесплатно вставные челюсти выхлопотал. Шутники, правда, говорят, что это компенсация за выбитые санитарями зубы. Теперь он каждый вечер любовно моет их под краном и, бросив в пластиковый стакан с водой, сдает на ночное хранение медсестре. Утром же, сразу после подъема, несется к процедурной и просит вернуть свое сокровище.

Чадай знаменит в дурке не только древностью, сроком пребывания и ненавистью к плюющим, но и своей задницей, на которую в бане санитары всегда показывают молодому поколению: вот, полюбуйтесь, что с непослушной задницей в сумасшедшем доме происходит! В тех местах, где его кололи сульфазин, с обеих сторон, две огромные шишки, напоминающие по размеру теннисные мячи: это уже не рассосется никогда! Под обеими лопатками у него такие же шишки-уплотнения. Но в этом уродстве есть своя прелесть: колоть медикаментами в эти места больше нельзя – иглы не прокалывают кожу, гнутся. Санитары ему говорят:

– Повезло тебе, Чадай, жопа у тебя бронебойной стала!

Фашисты на теле деда следов меньше оставили, чем доктора: от фашистов у него два пулевых ранения, а хирург все тело шрамами расписал, вскрывая инфильтраты от сульфазина.

Иногда, обычно раз в месяц, после зарплаты, когда кто-нибудь из санитаров приходит на смену бухой, Чадаю дают гармонь, и он, страшно привирая, играет «Семеновну» и пытается отбивать чечетку, а потом плачет.

Автобус идет по деревне вальяжно, переваливаясь своим пузатым телом с боку на бок и разбрызгивая по сторонам мерзлую грязь. Санитар дает команду открыть окна: все равно в такую щель никто не убежит. И орет:

– Песню! Строевую!

Кто-то измученно начинает выть про день рождения, но его перебивают поселковские пацаны, которые бегут за автобусом, плюются и орут:

– Чадай! Чадай!

Чадай, понимая свое бессилие и невозможность наказать наглецов, плюет в них несколько раз, пытаясь достать хотя бы одного, и, разозлившись, захлопывает окно.

Пройдя последние двести метров, автобус, задрожав и задержавшись всем телом словно в галоперидольных судорогах, останавливается у входа. Выходит водитель и шикает на пацанов. Те сразу исчезают. Начинается разгрузка.

Первым с тюком чистого белья на спине из автобуса выпрыгивает Мартын. Мартын – пациент, не вольнонаемный, он в дурке от ментов гасится, там ему несколько лет светит за наркоту, а тут он надеется без больших потерь отсидеться – и при «колесах»! А чтобы докторам за крышевание заплатить, он исправно помогает персоналу во всем. Но это – от непонимания ситуации: менты достанут и в дурдоме, но там, у них, наказывают «лишением свободы на срок такой-то», а здесь – без срока.

Минутин тоже хватается за тюк и, спрыгнув на землю, останавливается, очарованный воздухом, желтыми листьями, сверкающими на солнце от инея, синим бездонным небом, и вся эта красота тут же выстраивается в рифму и уже начинает звучать стихом в голове, который словно подсказывает кто-то.

– Ты заснул, что ли? – орет на него санитар и хлопает ладонью по спине. – Давай не задерживай!.. Поэт, мать твою!

Минутин ныряет, словно в преисподнюю, в подвал: под ногами гремит дощатый настил, и в маслянистых лужах отражается тусклый свет лампочек.

– Свет не загораживай! – ворчит Мартын и возится, матерясь, с замком. Справившись наконец, входит внутрь и включает свет.

– Белье кидай за стойку, – распоряжается он.

Минутин устраивается в углу на скамейке и раздеваться не торопится: в бане стоит холод, она еще не успела прогреться первой партией моющихся. Пока санитар нет в поле зрения и отсутствуют соседи по скамейке, он шарит у себя в карманах и, выудив там записную книжку с авторучкой, запикивает все под настил, в самый угол, – сверху он поставит ботинки.

Одна баня в дурке никогда не бывает, одна баня без других мероприятий – это неинтересно и скучно, здесь – всегда приятное с полезным: параллельно санитары ведут шмон и изымают все запрещенные вещи, благо это удобно и без шума: все вещи сняты и сложены на скамейку, в помывочную санитар запускает только голых и с пустыми руками. А записная книжка не просто запрещена режимом, она содержит улики и следы его заболевания – стихи.

Постепенно раздевалка наполняется людьми.

«Зимогоры», не ожидая пинков и напоминаний, принимаются стягивать с себя шмотки: они народ закаленный и к холоду привычный.

– Белье складываем аккуратно и по всей бане не раскидываем, чтобы все в одной куче лежало, а грязное – за стойку! – напоминает санитар и устраивается на стуле рядом с Мартыном.

Сейчас ему лафа: после того как «принудчики» попали в опалу и были отлучены от бани, порядку стало больше, а работы санитарам гораздо меньше: обычно их посылали в баню по трое и еще в помощь алкоголиков давали, так как каждая баня в прошлом – это возможный побег.

Собственно, баня есть и при жилом корпусе, там, где расположены все отделения, она тоже в подвале, нужно только спуститься, ее даже кафельной плиткой всю отделали, но с ней, с той баней, как в анекдоте про дурдом и бассейн: бассейн есть, воды нет! Воду там не могут подключить несколько лет.

«Зимогоры» – самые дисциплинированные: без всяких напоминаний начинают заходить в холодильник под названием «баня». Им сопротивляться и возражать никак нельзя: вот возьмут да выпишут в середине зимы «за нарушение больничного режима». Что тогда?

Киргиз стоит в углу молча, ни на что не реагируя и, конечно, не раздеваясь: что он, дурак, что ли? Санитар пока на это не обращает внимания. Чадай тоже топчется у скамейки и, почесываясь, ждет, видимо, когда зайдут первые и там включат горячую воду.

– Чадай, – замечает его санитар. – Тебе что, особое приглашение нужно? Тьфу на тебя!

Чадай обиженно жуёт губами, но в драку не лезет, понимая разницу между сумасшедшим и представителем власти.

Он сам виноват: если бы сказал своевременно на отделении, что ему тяжело ехать в баню, его сюда не погнали бы.

Минутин входит в моечное отделение и ждет, когда зайдут остальные. Последним санитар тащит за руку Киргиза, почему-то в носках и трусах. Во второй руке он несет ведро с водой, видимо, с холодной. Поставив Киргиза в угол, он сразу одним махом выливает ему воду на голову. Киргиз глубоко вздыхает и задерживает дыхание, выпучив глаза. Но молчит.

– Да-а, – говорит санитар, разглядывая его сверху донизу удивленно, так, словно он только что материализовался из пустоты. – Тяжелый случай.

И выходит в предбанник, напомнив, что мыло лежит у входа, в коробке.

Включать и выключать воду изнутри, в моечном отделении, нельзя, поэтому все, разглядывая мокрого Киргиза, молча ждут, когда санитар включит воду.

Что-то шипит в трубах, и вдруг оттуда вырывается струя холодной воды. Санитары говорят, что так по технике безопасности положено – чтобы никого не ошпарить. И понять их нельзя: то ли прикалываются

они, то ли говорят серьезно. Толпа охает и шарахается в сторону. Потом холодную воду сменяет пар, который валит из всех отверстий: пошла слишком горячая вода. Начинают материться даже «зимогоры».

Постепенно санитар находит нужный градус, и все успокаивается: началась настоящая баня.

Минутин топчется еще какое-то время под струей воды и ждет, когда санитар выпустит первого: дверь закрыта с той стороны. Будь это нормальная баня, а не дурдомовская помывка, можно было бы поплескаться, а так...

Сейчас, он знал это точно, война за воду и за сосок над головой утихнет, и все переместится в предбанник, на раздачу белья: последним достанется то, что натянуть на себя будет невозможно, поэтому выйти из помывочной одним из первых – поступок стратегический: по крайней мере неделю будешь выглядеть человеком.

Получив нижнее белье, Минутин исчезает в своем углу, и, убедившись, что санитар занят другим, ныряет под лавку, и шарит под настилом, ища там записную книжку. Но под настилом пусто. Он растерянно ерзает ладонью по сторонам: может быть, ошибся и она где-то сбоку?

– Ты что там ищешь, Поэт? – спрашивает его санитар, неожиданно появившись в проходе. – Все у меня, не ищи.

Минутин краснеет от злости: за один месяц это вторая записная книжка. Оттуда, из санитарских карманов, не возвращается ничего! Спорить и что-то доказывать опасно.

Минутин садится на скамейку и пытается натянуть на еще влажное тело рубаху. Она, как всегда, не лезет.

Он удивленно рассматривает ее на свет, словно ища там водяные знаки: не фальшивая ли? Людей таких размеров не бывает, ну, может, только подростки, да и те, что помельче.

Из этой ситуации выход только один: просить у Мартына, чтобы заменил. Может быть, для кого-то это просто – подошел и спросил, но Минутин не любит споров и перепалок: слов нужных и убедительных у него всегда много, гораздо больше чем у других, но все они на выходе об язык спотыкаются: он заика. Наверное, поэтому он любит записывать свои мысли на бумаге стихами и рифмой.

– П-п-п-посмотри, – показывает он санитару рубаху. – Как это н-носить?

– Замени, – говорит санитар.

Мартын отрицательно машет головой:

– Чем? Все такое!

Разгорается словесная перепалка, победу в которой Минутину никогда не одержать.

Санитар берет в руки рубаху, смотрит на нее критически и как единственный судья решает:

– Заменим. Стихи рассказывай!

Минутин растерянно топчется на месте, не зная, что и, главное, как отвечать.

– Т-так я не м-могу; я з-з-заикаюсь.

– А ты постарайся. Мы пойдем.

Раздевалка внимательно смотрит на происходящее: «военкоматчики» собрались в своем углу. Они уже одеты. Один Чадай равнодушен к происходящему и драит рукавом чистой рубашки свое сокровище – челюсть.

– Д-да т-так т-трусы д-дайте!

– А ты без трусов – так даже интересней. Давай, давай, не стесняйся, вон на скамейку становись! – Санитар шутовски захопал в ладоши. – Публика просит! – и добавил: – Записную книжку я верну.

Это решает исход торга. Поэт лезет на скамейку и, покраснев, спрашивает оттуда:

– А ч-что р-рассказывать?

– Что последнее написал!

Минутин набирает полную грудь воздуха и, задержав его на мгновение, чтобы успокоиться, начинает обычным голосом, словно все происходит в городском клубе для молодых поэтов:

– С-стих-хотворение н-называется «В-встреча».

Н-не хотите, н-не надо, не верьте!

Н-но правдивый м-мой будет р-рассказ!

Я ее увидел н-на ск-к-камейке, под луною,

В п-полуночный час.

Подошел и с-сказал: Извините!

С вами рядышком чуть п-посижу!

А потом, если вы захотите,

Кой-чего о любви расскажу!

Я поэт!! Я Сережа Минутин!

И к тому же п-певун неплохой!

Но, п-признаюсь порядком измучен

Одиночеством серой тоской!

Я с-сейчас вам стихи прочитаю,
А п-потом соловьем пропою,
Ну, а п-после я чашечкой чаю
Вас в к-квартире своей н-напою!

А потом, п-после чашечки ч-чаю,
З-заведу я д-для вас патефон, и под музыку
Мы помечтаем, п-полежим на д-диване
Вдвоем, а потом...

– Что ты мелешь, Минутин Сережа?!
Принимаешь меня за кого?!
Ты, наверное, пьян или, может,
С головой у тебя не того?!

– Что вы, что вы, не гневайте Бога!
Я и капли-то в рот не беру!
Только вот з-заикаюсь немного
И поэтому т-так говорю!

– Ах ты идол, несчастный з-заика,
Ты иди-ка себе, погуляй!
В этот вечер другим я з-забита,
Так что, мальчик, прощайте! Гутбай!

– Извините! Ошибся как будто!
Столько времени зря потерял!
И на три н-нехорошие буквы
Я ее, з-заикаясь, п-послал!

«Военкоматчики» хлопали в ладоши и визжали от восторга так, что, казалось, от этих звуков должен был рухнуть потолок. Если бы сейчас их видели будущие командиры и председатели медкомиссий, им не пришлось бы в дальнейшем «косить» под дураков – при таком поведении освобождение от армии гарантировано!

«Зимогоры» сдержанно и одобрительно что-то мычали – воспитание не позволяло им хлопать в ладоши.

Мартын не реагировал никак и подхалимски смотрел на санитаря: как он?

Только один Чадай равнодушно молчал, всем своим видом показывая: я тут таких поэтов насмотрелся за свою бытность!

– Ну, знаешь! – даже в санитаре что-то шевельнулось. – На! – великодушно протянул он записную книжку. – Как договаривались. Выбери ему нормальное белье, – приказал он Мартыну. – Одеваемся быстро! – вдруг спохватился он. – Сейчас уже вторая партия должна прибыть!

* * *

Все произошло внезапно, как во сне, когда очень чего-то хочешь и вдруг – раз! – все сбилось. Сергей несся по подвальному коридору к выходу, не помня и не зная, как все произошло: еще несколько секунд тому назад он был пациент дурки, а сейчас ему несказанно повезло, словно в лотерею выигрыш отхватил огромный. Он на свободе! С этого момента все зависит от его решений, а не от деспотизма врача! Сейчас главное не делать ненужных движений, чтобы не проснуться!

Он уже почти выскочил из подвала и вдруг в дверях нос к носу столкнулся с водителем-санитаром: от неожиданности, войдя в подвал со света, тот ничего не понял и уступил ему дорогу, но тут же, спохватившись, заорал вслед:

– Стой! Стой, я кому сказал! – и загремел сапогами по настилу, бросившись за ним.

Минутин вылетел из подвала словно ошпаренный и чуть не стукнулся лбом о припаркованный там автобус. Все решали доли секунды: ноги в этот момент работали и соображали быстрее, чем голова, одурманенная нейрорептиками: нужно было заранее «колеса на кадык ставить», но кто же знал? Он обогнул автобус и бросился в кусты, которые полукольцом охватывали больничный корпус и уходили в сторону реки. Бежать через весь поселок днем по дороге было равносильно самоубийству, он об этом даже не думал, а знал, чувствовал каким-то инстинктом: нужно спрятаться, исчезнуть из поселка, чтобы тебя не видели, только так можно убежать!

Он еще помнил случай, произошедший несколько месяцев тому назад на другом отделении во время прогулки. Точно так же кто-то оторвался от санитаров, но спрятался в кустах в самом поселке. Сначала его унюхала поселковская собака и принялась облаивать подозрительный куст, потом на этот лай собрались пацаны, и уже они своим шумом привлекли внимание рыскающих в облаве санитаров, и беглеца под улюлюканье пацанов и визг собак выволокли на дорогу.

Голый, без листьев кустарник уходил куда-то вниз, в сторону реки.

Минутин остановился и посмотрел в сторону больничного корпуса, вверх: два человека стояли у здания, оживленно переговаривались, показывая в его сторону руками: оттуда, сверху им было видно каждое его движение по голому лесу.

Была еще слабая надежда, что повезет и переплывет он реку – санитары точно за ним не поплывут! А если поймают и вернут на отделение, «лечить» будут долго!

От этой мысли силы будто удвоились, утроились, и он кинулся вниз.

Река, словно издеваясь над ним, бежала где-то по своей собственной середине: от берега уходила широкая полоса льда.

Сердце у него екнуло: на той стороне реки тоже должен быть лед, на него не влезешь из воды.

– Стой! – заорал кто-то за спиной.

Минутин оглянулся и увидел санитаров, которые были совсем рядом. Он бросился вниз, надеясь, что там попадется какая-нибудь доска или палка, с которой плыть все-таки можно уверенней. Сердце прыгало где-то в голове и стучало в ушах, воздуха не хватало, и во рту появилась какая-то маслянистая слюна, и она не сплевывалась. Санитары были уже в двух шагах, он слышал их дыхание, они даже не бежали, тоже, видимо, устали, они просто шли быстрым шагом, понимая, что для него все закончилось, ему не уйти: еще какое-то время, и все кончится.

Минутин упрямо свернул на лед, тут же упал, проломив его, вскопчил на ноги и медленно пошел вдоль реки.

– Стой, ты куда? Иди сюда, – уговаривал его санитар, не решаясь ступить на лед. – Я обещаю, ничего тебе не будет.

Второй молча шел за ним.

И, видимо, окончательно решившись, санитар двинулся в сторону Сергея.

Минутин посмотрел на него, потом на другой берег, который, казалось, был так близко, и сделал в ту сторону шаг...

Внизу ухнуло, и этот звук пополз быстрыми трещинами в разные стороны, что-то сильное и холодное схватило за ноги снизу и потащило в себя, не давая сопротивляться, он слышал, как орал санитар своему товарищу:

– Назад, уходи назад! – и успел еще подумать, что не всегда все укладывается в рифму...

Потом все исчезло.

Сергей Степанов

Уроки «химии»

Почти два десятка лет назад тогдашний Верховный Совет России наложил вето на условное освобождение из мест лишения свободы «с обязательным привлечением осужденного к труду». В народе это называлось «химией».

Волчий месяц декабрь

Этот сон посещает его постоянно. Волчий месяц – декабрь. Ветер раздает налево и направо ледяные оплеухи. Телогрейку просвистывает насквозь. Развод на работу.

Музыканты порой фальшивят, часто отплеваются – мундштуки труб примерзают к губам. Шаркая тупорылыми ботинками по шершавому насту, строем прут в промзону отряды. Скорей туда, где можно согреться в работе, пусть даже ей придается характер совершенной бессмыслицы. Бодро ковыляет в свою промерзшую халабуду отряд инвалидов. Шествие замыкает «моторизованная пехота» – безногие на тележках.

Убогая, выхолощенная жизнь. Жизнь, которая не подчиняется законам разума, где нет торжества справедливости, где все – и «хозяин» зоны, и председатель совета отряда (его называют «крогом»), и воровская сходка – все без исключения следят за тем, чтобы эта справедливость не восторжествовала.

Зона...

Этот сон томит его с тех самых пор, как он освободился. Вот раздаются глухие удары. Кого-то молотят в умывальнике.

– Садисты! – кричит шустрила Филька Матрос. – Сами бьют, а мне не дают! Подбери мослы, я его сейчас упакую.

Барак погружен в дрему. Но даже тот, кто проснулся, делает вид, что спит. Здесь, на задворках жизни, собственная беда делает людей безразличными к чужому горю.

Он силится стряхнуть с себя клейкий, как липучка для мух, кошмар, но он опутывает его паучьей паутиной.

Вот он, остриженный под нулевку, в засаленной робе, хлебает баланду. Если плеснуть это варево на собаку – наверное, шерсть облезет. Вот он несет за пазухой пайку волглого хлеба, раздевается, валится скошенным снопом на койку с одной лишь мыслью: забыть хоть на несколько мгновений эту жизнь без ничего, грязный сырой барак, где ночами возятся крысы в продуктовой каптерке, где страх, выползая из стен, змеиным ядом просачивается в поры и кровь...

Ему повезло. Он пробыл на зоне всего полгода. Потом – «химия». Это забытое сегодня слово означало, что заключенному даровано смягчение режима содержания и он направляется «на стройки народного хозяйства».

Великий исход

Пора назвать нашего героя: Сергей Жарков. Сегодня он – нижегородский предприниматель, а тогда, весной 1985 года, был зэком, осужденным за хулиганство (так квалифицировали деяние, которое сейчас можно истолковать как необходимую самооборону).

Той весной обитатели колонии общего режима, где находился Жарков, «вместе со всем советским народом» торжественно отмечали 40-летие Победы в Великой Отечественной войне. Но радость их была особой. Тогдашний Верховный Совет СССР, повинувшись трогательной хрущевско-брежневской традиции, объявил амнистию «для лиц, не совершивших тяжких преступлений».

Зэк Жарков мог рассчитывать на замену зоны «химией». Но статья «химиком» непросто. Особенно если у тебя нет родственников на воле, готовых выкупить тебе желанный глоток относительной свободы.

Судьбу заключенных решала комиссия, куда, кроме судей, входили и представители администрации колонии.

– Они пользовались моментом, – вспоминает Сергей. – Неугодных тормозили на зоне, а с желающих побыстрее выбраться оттуда собирали дань. Меня вызвал к себе начальник отряда (мы между собой звали его Красавчиком). Намекает: дескать, можешь уйти на «химию» одним из первых. Но денег ни у меня, ни у родственников не было. А такса по тем временам была приличной. Сейчас, кстати, цены возросли.

В общем, справедливости не было и тут. Первыми на «химию» отправлялись воры и прочие сильные того, эковского, мира. Во-первых, они имели деньги. А во-вторых, существовало неписаное правило: работяг на зоне придерживать. План есть план, кому-то вкалывать надо, а вора попробуй заставь.

Частично оставались в колонии и «стукачи». Их тоже сразу срывать с места было не с руки – кто еще продолжит их дело?! Переквалифицировали в «химиков» прежде всего «засветившихся». Но и там, на новом месте, они входили в контакт с начальством и занимались своим прежним стукаческим ремеслом.

Красавчику ничего не стоило навесить на Жаркова парочку нарушений. Увидел, к примеру, что бирка с фамилией на груди затерта, – записал. Ботинки не почистил – еще один прокол. И всё, прощай, «химия». Но обошлось. Правда, отправился Сергей на Урал в числе самых последних.

Его Владимирка

Получив вожделенный статус «химика», зэк не мог рассчитывать на мгновенное послабление режима и приемлемое к себе отношение. Впереди его ждала дорога. Примерно такая же, как знаменитая Владимирка.

Жарков прошел через несколько пересыльных тюрем. Его в числе других везли общим этапом в «столыпинском» вагоне. Он испытал и бесчинства конвойных, и голод, и бесконечные шмоны. Его спутника, у которого обнаружили половинку лезвия бритвы, отделали так, что он попал в больницу, где у него удалили селезенку. Фамилия его была Уваров, звали Костей.

В пересылках – страшная антисанитария. В камеры вместо сорока–пятидесяти человек набивали по двести. Никаких спальных принадлежностей. Вши, клопы.

В Ярославской тюрьме вспыхнула эпидемия дизентерии. В камере находилось свыше ста человек. Каждый день заболевали пять–шесть. Начальство объявило карантин. Этап задержали на десять дней...

Единственный способ не заразиться – вообще ничего не есть и не пить. Жарков так и делал, хотя опасность обезвоживания приобретала вполне реальные очертания. Требование зэков вызвать хотя бы санитарного врача осталось без ответа. Про эпидемию высокие начальники промолчали – боялись ответственности. А болезнь протекала в крайне тяжелой форме: температура под сорок, от духоты и слабости зэки теряли сознание. Отправку же назначили только тогда, когда вся камера объявила голодовку. По дороге заболело еще несколько человек.

– В одном вагоне со мной ехал дед, – вспоминает Сергей. – Осудили его за убийство. А старика еще в тюрьме парализовало. Лежит, плачет. Увидит конвойного, просит: «Сынок, вон у тебя на боку пистолет, убил бы ты меня, Христа ради, чтобы не мучился. Сказал бы, что при попытке к бегству...»

– Нет, не могу, – отвечал конвойный. – Начнут разбираться. А как ты можешь совершить побег, если тебя парализовало?

Видимо, из гуманных побуждений не давали зэкам и ложек. Чтобы не проглотили невзначай, чтобы не переделали их в заточки и не перерезали друг дружке глотки. На радостях, что едут на «химию».

Аванс – пять рублей

И вот конечный пункт маршрута, Березники, город, знаменитый тем, что здесь родились кинорежиссер Станислав Говорухин и актер Георгий Бурков. Неподалеку вкалывал на лесоповале и писатель Варлам Шаламов. А в бытность Жаркова в Березниках имелось пять спецкомендатур, где содержались «химики», тюрьма и женская колония. Кстати, она функционирует и по сей день.

Обо всем этом Сергей узнал позже. А тогда, в конце сентября 1985 года, город встретил новое пополнение неласково – дождем и холодным ветром. Зэки же приехали кто в чем: «цивильная» одежда, которую они сдали на хранение в колонии, от сырости превратилась в труху. Многие были в обычных арестантских робах.

Выходные всегда считались в Стране Советов святыми днями. А новоявленные «химики» прибыли аккурат в субботу. Так и просидели почти сутки в отцепленном вагоне. Некому было с ними возиться.

Когда наконец-то прибыли в комендатуру, обнаружилось, что не все круги ада пройдены. Денег не было ни у кого, а чтобы получить законный аванс – пять рублей, – каждый из новичков должен был явиться в отдел кадров базовой для комендатуры передвижной мехколонны, пройти собеседование, а затем двухдневный медосмотр. Только после всего этого бухгалтер выдавал спецодежду и заветную пятерочку, на которую нужно было прожить как минимум две недели – до очередной зарплаты.

Целый месяц обитала сотня «химиков» под портретом Ильича в ленинской комнате. Спали на полу. Питались чем Бог пошлет. А посылал он ломоть хлеба да полсотни голов килек.

«Особой симпатии к нам никто не питал»

– С зоной «химию» не сравнить, – говорит Сергей. – Работали мы с «вольными», бывали в городе. Конечно, к нам особой симпатии никто

не питал. Существовала и откровенная дискриминация. В аэропорт нельзя, на вокзал не суйся, иначе вернут в колонию. Платили гораздо меньше, чем «вольным», получить более высокий разряд было крайне трудно. Посылали на такие работы, от которых другие просто отказывались. И мы выступали в роли штрейкбрехеров.

Листаю его дневниковые записи. Они лучше, чем самый мастерский пересказ, иллюстрируют будни рядовых «химиков».

«...Второй день работаем со стекловатой, изолируем помещение вентиляционной камеры убойного цеха. Все тело охватывает зуд: помещение неудобное, стекловата попадает за шиворот и в рукава. Повалился на койку, когда пришел в общагу, и сразу уснул. А через полчаса вскочил и чесался всю ночь».

«...То дождь, то снег. Дороги развезло: ни пройти, ни проехать. Автобус буксует в непролазной грязи, приходится его толкать. Подъемы преодолеваем пешком. Сапоги утопают в глине – не вытащить. Нет подвоза стройматериалов, сидим в бытовках, маемся бездельем. Все ждут зарплаты и возможности залить глаза. Пьют всё без разбора: стеклоочиститель, политуру, денатурат, жидкость для снятия лака с ногтей, клей БФ-2 и т.д. Даже умудряются употреблять сапожный крем. Нагревают его, бросают туда очищенную картошку, и она вбирает в себя всю черноту. Остается спирт. Утром во время поверки буквально задыхаюсь от чужого концентрированного перегара».

«...Зарплату нам сегодня не выдали, и неизвестно, когда дадут. Мехколонна наша переживает тяжелые дни. Все объекты, которые можно было сдать, сдали, выбрали все деньги, а теперь никто нам ничего не платит. Колоссальный перерасход фонда зарплаты, в результате нашу организацию банк перевел на особый режим кредитования. А денег у меня осталось тринадцать копеек. И занять не у кого – все в таком же положении».

«...Вчера я писал, что зарплату не выдали. Сегодня наши "вольные" забастовали, отказались работать».

Приехало после обеда начальство. Заверило, что деньги будут, только шума не надо. Уговорили, пошли вкалывать. А вечером обнаружили, что нас нагло обманули. Приезжаем после работы в контору, а там никого нет и касса закрыта».

«...Четверть нашего контингента переводят в Губаху – там строят комплекс по производству метанола. Делают это почему-то очень спешно. Говорят, "вольные" поувольнялись – сильная загазованность».

«...Холодно. Температура – под сорок. Всю ночь воевал с клопами. Они совсем озверели. Кусают даже при свете. Вся стена возле кровати в кровавых пятнах. Сказали коменданту, что нужна дезинфекция, но он абсолютно не реагирует. Дихлофос, которым я по вечерам поливаю свою кровать, на этих "партизан" совсем не действует. Мои карательные акции они встречают повышенной боеготовностью и усиленным размножением. Жаль, что напалма нет».

«...Сегодня очень долго нас не выпускали на работу. Опять проводили опознание – в городе кого-то убили. Подозрение падает, как обычно, на "химиков". Заставили всех раздеться до пояса, потом каждого допрашивали. Унизительно все это».

«...Нас перевели на другой объект. Строим теперь очистные сооружения. Надо уложить шесть тысяч кубометров бетона, а самое страшное – вырубить сосновый лес на площади в несколько гектаров. Страшно не потому, что трудно, а потому, что жалко: такие красивые деревья. И такую красоту – под корень. Кстати, "вольные" отказались работать на этом объекте, город тоже бурлит, "зеленые" протестуют. А мы отказаться не можем. Откажемся – назад, в зону. В общем, если что – погубим и природу, и мать родную. И теперь совершенно ясно, зачем существует "химия".

«...Автобус, который должен был отвезти нас домой, не приехал. Ждали его на морозном ветру целый час. А потом пошли пешком. Шли километров семь, пока нас не подобрал какой-то "левый" автобус. Я, хоть и закрывал лицо шарфом, все равно приморозил ухо».

«...Каждый день прибывает со всех концов страны по тридцать–пятьдесят человек. Набили нас как сельдей в бочку. Комнаты переполнены. Тяжелый дух. Новички без денег, попрошайничают. Воруют все, что плохо лежит. Зарботки в январе конечно же упадут. Работы нет, а народу – навалом».

«...Пришел праздник, и такое сейчас ощущение, будто обманулся в какой-то смутной надежде. Один за другим возвращаются в зону новобранцы-"химики". И неудивительно. Исправительные учреждения отнюдь не исправляют человека, а только наказывают. Эта атмосфера распада рождает в нем ненависть и злобу. Их он вымещает на ком угодно. А душа его превращается в мумию. И требуется очень много равнодушия, чтобы к этому привыкнуть».

«Химия» по-нижегородски

Были «химики» и на Нижегородчине. В Нижнем, как и в уральской «химической» столице, тоже имелось пять комендатур. Просущество-

вали они вплоть до июля 1993 года, хотя тогдашний Верховный Совет России ликвидировал «химию» как атавизм еще в феврале.

– Были у нас и женские комендатуры, – говорит бывший начальник третьей спецкомендатуры Владимир Торгашов. – Прибывали сюда из разных регионов бывшего Союза: из Молдавии, Азербайджана, Армении, Чувашии, Таджикистана. И нередко между «химиками» разных национальностей вспыхивала вражда. Нормализовались отношения только тогда, когда в городе остались одни нижегородцы.

Три тысячи «химиков» работали на автозаводе. И работали вполне нормально. Если в 1991 году за различные нарушения в колонии были возвращены 206 человек (это было как раз время, когда в комендатуре находились люди 28 национальностей), то в следующем году за решетку угодило всего 40 «химиков».

Владимир Александрович вздыхает:

– Мне кажется, «химию» ликвидировали совершенно напрасно. Она была достаточно эффективной. Нередко после освобождения люди оставались работать там, где работали. А сейчас освобожденный – и куда? Никуда не берут, не знают, как поведет себя бывший зэк, предпочитая с ним не связываться. И в итоге он снова оказывается за решеткой.

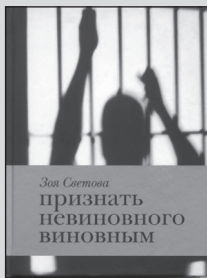
По мнению Торгашова, раньше у заключенного был стимул. Ему светило досрочное освобождение, пусть даже с ограничением прав (имеется в виду «химия»). Теперь он может рассчитывать в основном только на амнистию. А она касается далеко не всех. Многие теперь будут находиться за решеткой, как говорится, от звонка до звонка. Естественно, человек озлобляется. Статистика свидетельствует: число преступлений в зонах увеличивается. И преступления эти от безысходности становятся все более дерзкими.

– Тогдашний Верховный Совет, – говорит Владимир Торгашов, – посчитал, что в спецкомендатурах нарушаются права человека. Но если следовать логике его депутатов, надо было выпустить на волю и всех заключенных – права их тоже ущемляются. А на «химии», можно сказать, отыгрались. И зря, там все нормально было. Если человек вел себя достойно, ему разрешали жить с семьей, он приходил раз в месяц отмечаться, и все. Зарплату получал в таком же размере, как и другие. Если на Урале или еще где-то и были злоупотребления, то они на совести не работников спецкомендатур, а бухгалтеров и других материально ответственных лиц в организациях, где трудился спецконтингент... А в общем, если подытожить, ликвидация «химии» вызвала рост преступности.

Как видно, мнения о «химии» неоднозначны, хотя мы простились с ней ровно 15 лет назад, как с отрывкой тоталитарной системы. Если бы вместе с ней можно было проститься и с преступностью вообще!

Что касается Сергея Жаркова, то жизнь его изменилась кардинальным образом. После «химии» работал на стройке, потом решил попробовать себя в предпринимательстве. Начинал с малого, но постепенно расширял сферу деятельности. Окончил Московский институт менеджмента, «подковался» теоретически. Сейчас – один из руководителей фирмы, которая дает квалифицированные рекомендации, как снизить финансовые риски и как грамотно проводить различные сделки.

Теперь у него есть все, о чем он мечтал холодными уральскими ночами, с головой укрытый одеялом на рыбьем меху. Но нет-нет и приснятся волчий месяц декабрь, бетонный плац, ледяные оплеухи ветра...

Зоя Светова

Признать невинного виновным. Записки идеалистки. Документальный роман.

М.: Время, 2011. 224 с.

Из предисловия Л. Улицкой «Чувство справедливости»

...Законы, надо отдать им должное, тоже не всегда стоят на страже справедливости. Бывают законы, которые воспринимаются непомраченным рассудком как весьма несправедливые. Но законы все граждане без исключения обязаны выполнять. Однако в нашей стране сложилась такая практика, что один и тот же закон для одних нарушителей оказывается строг и суров, а для других он как бы и вовсе не работает.

Вот тут и появляется Зоя Светова со своим неистребимым стремлением к справедливости. Она занимается журналистской деятельностью более пятнадцати лет, и узкая сфера ее работы – суд. Это опасная работа. Я свидетель того, что Зоя ее не искала. Мать четырех детей могла бы найти себе занятие попроще и поденжней, чем беготня по судам, разговоры с чиновниками разных уровней, езду по тюрьмам и следственным изоляторам. Но эта работа сама нашла ее.

<...>

На вопль «Помогите!» она отзывается тем, что покупает билет в Архангельск, Мценск, Потьму, Грозный... – куда зовет ее совесть.

И еще – верность. Чудесное, драгоценное свойство. Услышала, сделала и не бросила пострадавшего: держат руку на пульсе, заботится, хлопочет, помнит о семьях пострадавших...

Зоя Светова – исключительно прямой человек, без тени лукавства, даже, может быть, несколько прямолинейна. Вот уж у кого «да» означает «да» и «нет» – «нет».

...Таких людей в нашей стране очень мало. Если бы было больше, мы бы жили в другой стране. Боюсь, что таких людей делается все меньше. Потому так нужна Зоя Светова, ее работа и эта книга, которую вы держите в руках.

Эдуард Михайлов

Снег и уголь

1

Эти события произошли в начале девяностых годов. Старшее поколение наверняка помнит, что это было время пустых прилавков, многомесячных задержек заработной платы и неимоверного разгула бандитизма. Страну лихорадило так, что порой казалось, будто огромная, многомиллионная масса граждан вдруг в одночасье сошла с ума. Воистину это была эпоха беспредела. Тогда и министр, и слесарь-работяга вечером не знали, что ждет их утром...

И все-таки было в стране место, где все почему-то поворачивалось к лучшему. Этим местом была тюрьма. Именно там я и находился в то время. Чтобы не вводить никого в заблуждение, должен уточнить, что находился я там не по политическим причинам, а в силу собственного образа жизни.

Вот главный парадокс девяностых: чем тяжелее была жизнь на свободе, тем свободнее она становилась для заключенных. Массовые бунты, захваты в заложники родителей, приехавших на свидание, – все это окончательно сбивало с толку сотрудников исправительных учреждений. Жизнь стала очень дорогой. Как мог относиться к работе надзиратель, не получавший зарплату несколько месяцев? Начали прибывать первые партии отможенных бандюганов с собственными представлениями о миропорядке, и режим в зонах расшатался быстро.

Когда захват заложников был еще внове, для их освобождения власти использовали знаменитую «Альфугу». Были жертвы, была кровь. Позднее бунты в зонах стали обыденностью, силовые акции спецподразделений никакого профилактического эффекта не имели, и тогда умные головы в главках и министерствах вспомнили о тех, кто всегда назывался «хозяевами» в лагерях и реально мог навести там порядок.

Это были воры в законе. Необходимо было лишь прекратить прежнюю политику изоляции и ломок и дать им зеленый свет, а там жулики сами заберут свое.

Ответственные и принимающие решения люди не просчитались. Воры быстро прекратили беспредел в зонах и установили свои порядки. Перестали гибнуть люди, бандитам указали их место, и для руководства это означало решение серьезной проблемы.

Тем временем воровская идеология вышла далеко за пределы запретных зон с зелеными вышками. Сумев убедить власть в способности удерживать под контролем не только тюрьмы и зоны, но и весь преступный мир в стране, воры быстро заполняли регионы и города своими смотрящими. Даже испокон века «красные» Урал и Сибирь стали медленно, но верно «чернеть».

Связь воли и зоны стала прочнее. Ссмотрящие на свободе собирали общак и передавали почти легально смотрящим в лагерях, а те в свою очередь распоряжались им по воровским понятиям. Двухмиллионная масса эзков наконец перестала вариться в собственном котле и обрела новых хозяев.

2

Зона, в которой я находился, была расположена в лесном массиве на окраине небольшого уральского городка.

Мне было всего 22 года, но я уже занял положение смотрящего – я всегда стремился к лидерству, да и природа не обделила меня необходимыми для этого качествами.

Мои романтические взгляды на собственную роль в жизни во многом обусловили отношения с администрацией, и срок мой протекал преимущественно в штрафных изоляторах. Я баламутил народ, и пусть он – народ – не разделял моих «страданий», в моей молодой душе играло чувство превосходства над массой.

Даже сейчас, вспоминая переживания тех лет, не возьмусь утверждать, что было тогда для меня важнее: понимание и поддержка масс или же мое внутреннее гордое одиночество.

Зона еще не расшаталась до воровского уровня и во многом еще отливала «красноватым» цветом. Проблем хватало, поскольку машина уголовно-исполнительной системы продолжала по инерции работать против моих традиционно арестантских амбиций. Помощь пришла совершенно неожиданно, но не изнутри, а извне. К этому моменту из шестимесячного срока в помещении камерного типа пять я уже отсидел и через месяц намеревался выйти в зону.

В камере нас сидело несколько молодых и веселых ребят. Ночами мы резались в карты, утром, во время прогулок, разгоняли по изолятору чай с сигаретами, а днем просто дрыхли. Жизнь текла размеренно и неинтересно. И вот как-то ночью дверь нашей камеры неожиданно отворилась, а обычно в первом часу мы чувствовали себя спокойно, поскольку после отбоя в 21.00 жизнь в подвале замирала и никто нас не тревожил.

Не успел ключ повернуться в замке, карты как ветром сдуло. В камеру вошел молодой плотно сбитый парень. Он был совсем не такой, как мы, – в белой футболке, джинсах, красивых туфлях. На шее у него на толстой цепи висел огромный золотой крест. От аромата дорогого парфюма мгновенно засбоили наши одичавшие обонятельные рецепторы.

Типичный молодой славянин с волевым лицом, он стоял посредине нашей маленькой камеры и тепло улыбался. В его светло-серых глазах читались нескрываемое удивление и восхищение. Дверь камеры за его спиной не захлопнулась, а лишь мягко и бесшумно притворилась невидимой рукой.

Мы медленно привстали и сдержанно поздоровались.

– Игорь, – произнес вошедший и протянул руку.

Мы пожали ее, поочередно назвав свои имена, и все вместе присели на корточки. В ходе беседы выяснилось, что Игорь недавно назначен ворами смотрящим за городом, к которому примыкала наша зона. Ему было 19 лет, и он никогда не сидел в тюрьме. Это был типичный представитель нового поколения преступного мира. Открытый и прямолинейный, он просто излагал свои взгляды по поводу необходимости наших совместных действий. От него мы узнали, что мелкие коммерсанты в городе полностью находятся под его контролем и теперь никаких проблем со сбором продуктов, сигарет и чая для нужд лагерных сидельцев не будет.

Но самое главное было в том, что Игорь сумел наладить доставку общака непосредственно в зону. Он рассказал, что стоящие за ним люди провели переговоры с руководством лагеря и пришли к соглашению. Наша задача заключалась в правильном распределении. Мы ликовали. Наконец открывались возможности для настоящих дел...

Коротко переговорив по существу, мы определились: через месяц, когда я выйду в зону, мы начнем принимать первые скопившиеся на свободе партии общакового груза, и уже минут через пятнадцать перешли к общим разговорам.

Через какое-то время открылась дверь, и в проеме возник явно нетрезвый майор с сигаретой в зубах. Не глядя на нас, он обратился к Игорю:

– Ну, пойдём моих уродов встряхнем?

– Сейчас пойдём, ещё пару минут, – ответил Игорь, и майор, согласившись кивнув, прикрыл дверь.

Игорь тут же сообщил нам, что майор – это ротный офицер.

Тут просто необходимо сделать отступление и описать базовые принципы охраны лагерей того времени. Все сотрудники, состоявшие на должностях внутри зоны, относились к ведомству Управления исправительно-трудовых учреждений и подчинялись непосредственно начальнику колонии, или Хозяину. Охрану же внешнего периметра и этапирование заключённых осуществляли подразделения внутренних войск. По сути армии. На вышках стояли солдаты-срочники, которые проживали в казарме близ зоны и по своему положению мало отличались от нас, эзков.

Формально управление исправительно-трудовых учреждений, как и внутренние войска, подчинялись одному ведомству – Министерству внутренних дел, однако профильные задачи и, соответственно, начальники на местах у них были разные. Так, главным должностным лицом внутри зоны в отсутствие Хозяина являлся дежурный помощник начальника колонии, сокращенно ДПНК. Его непосредственным помощником был начальник войскового наряда – НВН, который подчинялся уже не Хозяину, а ротному, и имел в своем распоряжении несколько прапорщиков. Таким образом, стоявший на вышке часовой, дежуривший на КПП офицер и даже прапорщик, охранявший нас в штрафном изоляторе, – все они непосредственно подчинялись одному командиру – ротному.

Так что Игоря сопровождал со свободы до нашей камеры большой начальник.

– Это ротный, – сказал Игорь. – У него в части солдаты страх потеряли, пьют и бегают в самоволку. Просит провести воспитательную беседу. – Он улыбнулся и добавил: – Представляете, у меня близкого друга в армию забрали. Во внутренние войска, блин, и захерачили аж на Дальний Восток. Полгода уже там мается. Недавно закон вышел, чтоб солдаты по месту жительства служили, и мы его скоро переведем сюда, в часть при зоне. Все формальные вопросы уже решены. Будет в роте наводить воровской ход.

Теперь мы все уже дружно рассмеялись, хотя сказанное Игорем имело очень серьезный смысл. Вновь открылась дверь, и мы тепло простились с нашим новым смотрящим, а потом еще долго и оживленно говорили, говорили, говорили...

По прокуренной камере витал тонкий аромат дорогого парфюма и бередил наши воспаленные умы...

3

Мой выход из ПКТ в зону был обставлен по высшему разряду. Всю первую ночь пьяная «правильная» молодежь слонялась из барака в барак. Пили за здоровье воров, матерей и по традиции – всех тех, кто не дожил до этого дня.

Все было на удивление спокойно. Дежурная смена сознательно не выходила из части, заручившись моим устным обещанием, что никакого криминала не будет.

Должен признаться, это была единственная на моей памяти массовая пьянка, когда ни одного стекла, ни одного лица не было разбито. Ночь прошла спокойно, с точки зрения дежурной смены, а наутро я собрал всех у себя в бараке, и с этого дня жизнь в лагере начала обретать новые формы.

Отношение сотрудников ко мне кардинально изменилось – действовал исключительный авторитет Игоря в городе. Его откровенно боялись. Не было дня, чтобы какой-нибудь офицер при встрече со мной не передал от него привет. О прапорщиках и говорить нечего – они, как груженные самосвалы, тащили в зону грелки с водкой, примотав их к телу. Водка в зоне – вещь, конечно, нужная, но все это мелкие радости отдельных личностей, а потому к моим высоким амбициям отношения не имело.

Первый долгожданный общак завезли примерно через неделю после моего выхода из подвала. Среди белого дня открылись шлюзовые ворота КПП, и через всю зону промчалась белая «восьмерка». Когда она въехала на территорию производственной зоны и остановилась у здания штаба, из нее вышли три человека. Одним из приехавших был Игорь.

Я ждал их в кабинете начальника производства, хитрого и вечно пьяного подполковника-татарина, который сразу же удалился, как только на пороге появились гости.

– Вот, познакомьтесь, – сказал Игорь и представил меня двум своим спутникам.

Один был просто водителем-охранником. Но вот второй...

– Леха, – сказал Игорь, указывая мне на молодого, коротко стриженного парня. – Тот самый, про кого я тебе говорил. Приехал несколько дней назад с Дальнего Востока.

Я с удивлением смотрел на этого здорового амбала, который волею судьбы оказался на службе отечеству в войсках МВД.

– Сейчас у него отпуск, кино, вино и девочки, – добавил Игорь. – Ну а потом отправится в роту, наводить порядок.

Пока мои пацаны разгружали багажник «восьмерки» и растаскивали по разным закуткам коробки с чаем, сигаретами, конфетами и всякой необходимой в зоне мелочью, мы предметно поговорили минут двадцать.

Игорь дал мне номер своего городского телефона и, указав на несколько стоящих на столе аппаратов, сказал:

– Один из них имеет выход через восьмерку. Сейчас татарин придет, узнаем конкретно, и, если возникнет необходимость, звони отсюда мне в любое время дня и ночи.

Татарин появился довольно скоро и сразу начал возмущаться тем, что машину разгрузили без него. Как позже выяснилось, Игорь договорился с этим подполковником завезти гуманитарную помощь для работяг, перевыполнявших норму выработки. И теперь, поняв, что его тупо развели, татарин пытался выпросить хотя бы пару коробок. Его заверили, что работяги не останутся без внимания, и на этом спор завершился.

Стало понятно, что машина в зону больше не заедет. Эта акция по сути была одноразовой.

Надо отметить, что руководство колонии при всех описываемых событиях особо не старалось включать «зеленый свет» откровенно воровскому движению. В лучшем случае меня просто не трогали, не подвергали изоляции моих людей, и этого уже было предостаточно.

Опера спокойно наблюдали за моими действиями. Они знали все, но по обыкновению делали вид, что ничего не ведают. Я крутился как пчелка и, понимая важность момента, выжимал из любой ситуации максимум. Основной задачей для меня было решение проблемы изолятора. Если санчасть была открыта для заноса и распределения общака, то штрафной изолятор являл собой хорошо укрепленный, локализованный участок, где круглые сутки дежурит постовой.

Метод, использованный мной, не был оригинальным. Его использовали и в других лагерях, но я опирался на исключительную поддержку того самого Лехи из роты внутренних войск.

Вот как это выглядело на практике...

4

Для начала хотелось бы коротко описать, как готовится этот процесс. Обычная простыня разрезается на узкие полосы, которые сшиваются таким образом, что получается нечто, подобное кишке. Ее так и называют «кишка». Затем ее заполняют по отсекам сигаретами и чаем и вновь сшивают.

Ночью, когда в дежурке все дремлют, пара самых шустрых пацанов обматывают себя вокруг тела этими «кишками» и, соблюдая меры предосторожности, выдвигаются в сторону запретной зоны. Здание изолятора тыльной стороной почти везде примыкает к основному периметру. Так распорядились архитекторы уголовно-исполнительной системы, справедливо полагая, что запретная зона с ее вышками уязвимым местом являться по определению не может.

Однако еще как может. Этот метод «подогрева» изолятора мы называем «десантом». Пацаны раздвигают колючую проволоку и выходят на внутреннюю тропинку контрольно-следовой полосы, по которой в определенные часы совершают обход наряды дежурных смен. Таким образом, оказавшись на территории ярко освещенной запретки, на виду у стоящих на вышках солдат, пацаны быстро пробегают метров сто до изолятора, где вновь преодолевают проволочный забор и оказываются прямо перед окном одной из камер. Там их уже ждут и, раздвинув стальные жалюзи половой доской, готовятся принимать грузы. Один встает на плечи другому, и «кишка», словно спагетти, мгновенно втягивается в камеру.

Все делается очень быстро, тихо и слаженно. Потом тем же путем назад, до барака, и на этом достаточно рискованное мероприятие завершается.

Главной помехой «десанту» служат часовые на вышках. Поскольку основное заграждение не преодолевается, солдаты не могут открывать огонь по объектам на внутренней стороне периметра, однако шум поднять вполне способны.

В нашем случае страховка от этого была надежней некуда. Леха дал солдатам конкретные инструкции, и они молча, с любопытством наблюдали с вышек за нашими действиями.

Вообще, надо сказать, Леха был молодец. Бесцеремонный и жесткий по натуре, он неукоснительно и четко исполнял волю Игоря. За короткий срок этот кандидат в мастера спорта по боксу влился в жизнь казармы и стал правой рукой ротного. Солдаты боялись его как дьявола. Наша ставка на войска полностью себя оправдывала, и место Лехи во всем движении переоценить просто невозможно.

Ночами я пробирался на промзону, где в распоряжении у проживавшего там кладовщика по прозвищу Жид были ключи от всех помещений. Мы открывали кабинет Татарина, и я связывался с Игорем, когда это было необходимо.

Машина с «общаком» в зону больше не заезжала. Зато она стала заезжать в часть внутренних войск, причем в любое время и без како-

го-либо противодействия ей. Запуганные исполнительные солдатики вразмаху кидали через заборы казенные брезентовые рюкзаки, набитые всем чем можно, вплоть до сала. Многие грузы попросту не долетали и зависали на колючей проволоке, что требовало дополнительных действий по их возврату.

Определилось одно наиболее благоприятное место для перекида. В дальнем углу жилой зоны была расположена котельная, которая отапливала углем весь лагерь. Там работали зэки-кочегары во главе с бригадиром. Работали и проживали они там круглый год. Здание котельной по прямой замыкало правильный треугольник, и двор ее выходил аккурат на вышку. Территория была идеальной для перекида еще и потому, что со стороны зоны не просматривалась. Войдя во двор, можно было, подняв голову, спокойно, не повышая голоса, разговаривать с часовым. Это была *наша* вышка! Обслуга котельной выполняла роль связного. Если солдат позвал меня, они бегут за мной в барак. И летят, летят рюкзаки с чаем, куревом, конфетами, салом, водкой!

Мне лично не довелось служить отечеству, поскольку к 18 годам я уже имел за плечами реальный срок, однако уважительно отношусь к нашей армии за ее умение беспрекословно исполнять приказы старших по званию...

5

Добившись определенных успехов на пути к поставленной цели, каждый человек испытывает чувство удовлетворения от проделанной работы. Однако говорят, что ружье, висевшее на стене в первом акте, обязательно выстрелит во втором.

И со мной случилось то же, с той лишь разницей, что выстрелило не ружье, а автомат. Это произошло совершенно неожиданно, когда привычный к спокойствию часовых «десант» в очередной раз побежал по тропинке периметра.

Солдат, стоявший на вышке против изолятора, был, как потом выяснилось, родом из горских районов Кавказа. Прокричав стандартную команду: «Стой, стрелять буду!» – и не увидев подчинения (пацаны продолжали бежать), часовой открыл одиночный огонь в воздух и включил тревожную сирену.

Если бы мои ребята в этот момент развернулись и побежали назад, все обошлось бы. Однако чувство долга, которое я воспитывал в их молодых сердцах, не позволило им бросить незавершенное дело.

Пацаны привычными движениями забросили «кишки» в окно камеры, но этого времени вполне хватило наряды дежурной смены, что-

бы подтянуться к запретной зоне. Сменой руководил старший прапорщик по имени Мурат. Моих ребят поймали и привели в изолятор, где жестоко избили в прогулочном дворике, подвесив на наручниках.

На следующий день их водворили туда на 15 суток, и они пили и курили то, что сами же передали накануне ценой жестоких побоев. Ничего особенного тут не было и даже закаляло у молодежи братские чувства.

Прапорщики наши служили по контракту и вне работы были обычными вольными людьми. Их связь с армией была формальной. Это были взрослые люди, и вряд ли даже сам ротный мог оказать на них влияние.

Я уже говорил, что в целом проблем с ними в последнее время не возникало. Они жили на получаемую раз в несколько месяцев зарплату и в отличие от солдат-срочников не питались казенными харчами. Жизнь за забором была дорогой, и почти все они были озабочены поиском побочных заработков в зоне. Обыкновенный чай стоил хороших денег из-за нелепого запрета власти. Одним словом, в зону они тащили кто что может, и, соответственно, отношения с ними были вполне партнерские.

Однако Мурат отличался от всех прочих. Это был физически крепкий азиат, из тех, кто рано покинул родные степи, и порядком обрусевший. Он был крайне немногословен с сослуживцами и тем более с нашим братом – заключенными. Его замкнутый и суровый вид начисто отбивал желание входить с ним в контакт. Мурата не считали своим ни сотрудники, ни зэки. Вспоминая его сейчас, не могу сказать, что он по натуре был кровожадным, однако иной раз жестоко избивал заключенных. Как правило, это случалось, когда грубо задевали его самолюбие. Если ему приходилось отвечать на какие-либо вопросы, он был краток и возможности продолжить беседу не предоставлял. Все знали, что у Мурата был один друг, тоже прапорщик из его смены по прозвищу Рыжий. Они и на свободе, и в зоне всегда были неразлучны.

Позднее Рыжего, когда он заносил в лагерь то ли чай, то ли водку, прихватили опера, и его уволили. Мурат остался в одиночестве и явно не собирался обзаводиться на работе новыми друзьями.

После случая с моими ребятами я начал наводить о нем справки. В первую очередь меня интересовали его отношения с Рыжим. Что их связывало? Один был коррумпирован до мозга костей, другой – прямая ему противоположность.

Собирая сведения о нем, я не нашел ни одного зэка, с которым Мурат поддерживал бы неформальные отношения, и меня это выводило из себя.

– Что, даже закурить никому не давал? – интересовался я.

– Не курит он, – слышал я в ответ, и мой интерес к этому человеку подогревался еще больше.

Второй вопрос: «Почему стрелял часовой?» – разрешился очень быстро. Солдат просто задремал и не сразу понял, что происходит. Одним словом, растерялся. Его сняли с нарядов и послали убирать помет в собачьих будках, не забыв для всеобщей профилактики «наказать».

Иными словами, шум быстро улегся, и в целом наши интересы не пострадали. Бегать «десантом» по-прежнему продолжали другие пацаны, и все бы ничего, если бы не Мурат.

Я должен был как-то решить с ним вопрос о невмешательстве, и моя голова усиленно работала в этом направлении. Не обнаружив никаких зацепок в его «моральном облике» и следуя принципу о необходимости «разговаривать» с людьми, я в итоге настроился на встречу с Муратом.

6

Следующее после описываемых событий дежурство Мурата было дневным, и с самого утра я следил за всеми его передвижениями, чтобы где-нибудь оказаться с ним один на один.

То он находился в дежурке, где было по обыкновению многолюдно, то передвигался куда-то в сопровождении подчиненных.

На ходу подобные разговоры не ведутся. Я это прекрасно понимал, и поэтому, когда он шел куда-то один, лишь смотрел ему вслед. Вечером заступила другая смена, и день прошел впустую. Размышляя о Мурате, я прокручивал в голове варианты предстоящего с ним разговора и ни к чему конкретно не приходил. Я ничего не знал об этом человеке. Он был закрыт для меня, и стало очевидно, что предстоит полагаться на экспромт.

Мурат заступил в ночь следующего дня. Зная о том, что в отличие от остальных он не позволяет себе спать на службе, где-то во втором часу я вышел из своего барака и направился к дежурной части.

Зона спала, а я шел мимо безмолвных двухэтажных зданий и усиленно отгонял одолевающие меня мысли. Я волновался, и осознание этого факта угнетало меня еще больше.

«В конце концов я – лидер. За мной стоят реальные силы, и каким бы "правильным" ни считал себя этот Мурат, он должен понимать это».

Поднявшись на второй этаж и войдя в помещение, я обрадовался: за пультом связи сидел, откинувшись в кресле, Мурат и был он один. Вся смена дрыхла в соседних кабинетах.

– Зачем пришел? – спросил он спокойным, ровным тоном.

– Поговорить, – сказал я ему в унисон.

Он потянулся к бокалу на столе, отпил глоток и, опять откинувшись на спинку, молча уставился на меня.

– Четыре дня назад ты поймал на запретке двух моих людей. Зачем было их бить, если потом обоих посадили на 15 суток? Двух наказаний не бывает. – Я старался говорить спокойно и кратко.

– У вас не бывает? – спросил он, сверля меня взглядом.

Узкие от природы щели век скрывали от меня его глаза, и это вызывало непривычное чувство, будто он видит меня, а я его – нет.

– У вас, у нас – какая разница.

Голос мой звучал уже жестче.

– Большая разница. Ты – это ты. А я – это я, – закончил он спокойно и как будто устало.

Я окинул его глазами и задержался на его скрещенных под столом ногах. Они были обуты в хромовые сапоги, начищенные до зеркального блеска. Я смотрел на эти сапоги и вдруг представил, как эти подошвы разбивали лица и ломали ребра дорогих мне пацанов. Злость быстро поднималась от груди к голове, и я наконец забыл о необходимости скрывать свои чувства.

– Послушай, Мурат, – мой голос дрожал от возбуждения, – я не позволю тебе проливать кровь людей, что бы ты о себе ни думал.

Ни один мускул на его лице не дрогнул.

– Ты вздумал мне угрожать? – спросил он.

– Я хочу тебя уважать! – скороговоркой произнес я заученную для таких вопросов фразу.

Теперь уголки его губ растянулись в гримасе.

– Все сказал? – спросил он с явной долей ехидства, и, поняв, что разговор продолжать не имеет смысла, я развернулся и пошел к выходу.

Возвращаясь, я был погружен в себя настолько, что прошел мимо собственного барака.

Ощущения были противные. Я снова и снова, будто мазохист, вытаскивал из памяти картину нашего разговора и каждый раз ненавидел себя еще сильнее.

«Ну зачем я пошел туда, если не смог закончить разговор?.. Почему позволил себе вскипеть?.. Надо было мягко и терпеливо расшатать его, пока в итоге он сам не начал бы нервничать... Наконец, что хорошего я скажу своим пацанам, которые сейчас наверняка корчатся от боли на нарах?..»

Я ворочался всю ночь и заснул только под утро. Летнее солнце следующего дня заметно притупило вчерашние переживания. Сердце остыло, а мозг включился в обычный режим.

«Посмотрим, – думал я теперь. – В конце концов, не идиот же этот Мурат. Лицо свое сохранил, надо отдать ему должное, но ведь выводы-то в любом случае сделал».

Я вспомнил свои вчерашние переживания, и мне стало весело. «Что это я так распалился ночью? Надо беречь себя в будущем от таких ущербных настроений».

Вокруг меня привычным образом двигались массы и масти. Все говорило о том, что мое слово для них – Закон. Жизнь продолжалась!

7

Спустя несколько дней после описанных событий я получил маляву из изолятора. Ребята обычно сообщали, сколько и чего получили в результате «десанта», и вкратце курсовали о скудных подвальных новостях.

Но тут все было иначе, и по мере чтения я, словно бык, наливался кровью. Камера, в которую посылаются «кишки», называется «котловой» – своего рода котел, куда поступает и откуда затем распределяется общаковый груз. Там сидят самые ответственные и серьезные арестанты, и случайным людям попасть туда невозможно. Эта камера оборудована специальными тайниками для хранения общака. Войдя в нее, посторонний человек увидит одни только доски на полу и голые стены. Если ему сказать, что здесь в настоящее время находится не один десяток килограммов разного груза, как-то: чая, сигарет, продуктов питания, а также различного необходимого для маскировки строительного инвентаря, краски, цемента и всякого рода железа, он не поверит. А если попытается заглянуть под пол, то обнаружит, что доски плотно приколочены.

Одним словом, общак – дело крайне серьезное. Халатность недопустима и может стоить виновному очень и очень дорого.

Так вот, в маляве сообщалось, что утром пришел Мурат с помощниками и заставил всех выйти из камеры. Обычно во время обысков все выходят в коридор, но один человек обязательно остается внутри. На этот раз Мурат вывел всех даже не в коридор, а посадил в другую пустую камеру. Последний, оставшийся по обыкновению, не захотел выходить, и Мурат, несколько раз ударив его, грубо вытащил наружу.

После этого в камере подняли полы, ломami вскрыли все ямы и вытащили буквально все.

Вызвали сварщиков и заставили наварить дополнительные прутья на жалюзи окна. Залили пол цементом, перемешанным со стеклом, и забили накрепко половые доски.

В общем, давление у меня было, как в огнетушителе, однако на этот раз я ни минуты не сомневался и четко знал, что буду делать.

Тут же, не дожидаясь конца рабочего дня, я отправился на промзону, вошел к Татарину в кабинет и с ходу сказал, что мне надо срочно позвонить Игорю. Он сидел за столом, склонившись над бумагами, и молча показал на телефон.

Я поднял трубку и добавил, что мне надо поговорить с Игорем без свидетелей. Татарин, видимо, не ожидая такой наглости, приподнял на лоб очки и посмотрел на меня с некоторым удивлением. Я тоже глядел на него в упор и молча ждал. Наверное, весь мой вид выражал огромное напряжение, и Татарин, захлопнув папку, медленно поднялся, закурил сигарету, повернулся к двери и, буркнув: «У тебя две минуты», вышел в коридор.

Я уложился в одну минуту. Внутреннее напряжение спало сразу, как я положил трубку. В барак пришел уже ровным и спокойным, как обычно.

Никто не собирался опускать руки. В подвале работа продолжалась: копали ямы, ломали стальные прутья. Временно «котловой» сделали соседнюю камеру, куда частично переместился контингент из прежней.

«Десант» побежал этой же ночью, а бывшие с Муратом на шмоне прапора оправдывались и материли своего начальника. Их можно понять. В их мире приказы не обсуждаются.

Все последующие дни не было никаких поворотов в уже установившемся порядке. Рюкзаки летели с вышки, больные и страдающие в подвале зэки были сыты. Жизнь лагеря шла своим чередом.

Отчитываясь как-то ночью перед Игорем о принятом накануне грузе очередного общака, я вспомнил о Мурате и вслух отметил, что не вижу его в зоне уже несколько дней.

Игорь на том конце провода рассмеялся и сказал, что с ним виделись его ребята и поговорили предметно. Это было хорошей новостью. Все-таки не по возрасту «конкретным» парнем был этот Игорь.

8

Мурат не вышел на работу и в следующую смену. В городе его тоже никто не видел. В зоне знали только то, что он на больничном. Потом кто-то из прапоров встретил в городе Рыжего, и тот обмолвился, будто

Мурат нарвался на молодых отморожков с битами и теперь лежит дома со сломанной рукой.

Никто не связывал «болезнь» Мурата с нашим конфликтом. Знали об этом лишь близкие мне люди, включая избитых им пацанов. Все-знающий оперативный аппарат тоже не обнаруживал своей осведомленности по этому поводу. Может, знали, а может, и нет. У оперов тоже было непростое время, и лежали у них в шкафу свои скелеты.

Накануне один предприимчивый оперативник пообещал всем сотрудникам помощь в покупке дефицитного на тот момент сахара по смешным ценам. Коллеги, а их несколько сотен, собрали приличную сумму. Кто на мешок, а кто на десять. Опер взял эти деньги и пропал. Его ругали на чем свет стоит до тех пор, пока однажды он не подъехал к штабу на собственном «мерседесе», в костюме и при галстук. Извинившись, он рассказал историю про то, как его кинули плохие люди и он вынужден был занять деньги для расчета с коллегами. Тут же вернул все долги, уволился со службы и навсегда исчез в неизвестном направлении.

Все были несказанно довольны. Ведь мог и не вернуть...

Рассказываю это для того, чтобы читатель не сравнивал описываемое время с настоящим и напрасно не задавался вопросом типа: «А как же милиция?»

С основными действующими лицами этого повествования я встречался позднее на свободе и знаю случай, когда при выезде на очередную «стрелку» в силу нехватки стволов у начальника городской милиции был позаимствован табельный пистолет.

Поверьте, я знаю, о чем пишу. В те времена так стремительно рождались новые поколения, что разница в возрасте могла быть несоизмеримо меньше разницы во взглядах и нравах. Я был не намного старше того же Игоря, но поколение щипачей-домушников, к которому я относился, уже не казалось вершиной преступного мира.

Чем больше денег ты украл или отнял, тем сильнее твои амбиции, связи и, соответственно, красивее образ жизни. Много ли можно украсть из кармана? В стране появилась реальная, грубая сила, которая подчиняла себе все слои населения. К ней можно было относиться как угодно, но не считаться с ней было невозможно.

Вот с этой реальной силой пришлось столкнуться и Мурату.

Впервые после его выхода с больничного мы встретились в зоне примерно через месяц. Левую руку он держал в кармане галифе, и это сразу бросалось в глаза знающему человеку. Лицо выглядело осунувшимся и бледным. Было ясно, что весь месяц он не выходил на воздух. Однако на этом все внешние изменения заканчивались. Он имел

тот же нелюдимый и суровый вид, походку вразвалку, и от него по прежнему исходило чувство собственного достоинства, присущее сильным, волевым людям.

Я стоял на проверке, когда, обходя строй, Мурат считал нас, и впиался глазами в его лицо, с нескрываемым любопытством пытаюсь поймать его взгляд. Это было скорее даже вызывающее любопытство.

Мурат прошел мимо, так и не удостоив меня своим вниманием, и все-таки каким-то внутренним чутьем я понимал, что он думает обо мне. Наконец я начинал видеть его, и понимание приходило само: Мурат сломлен...

Так оно выглядело и дальше. Появляясь в изоляторе, Мурат обходил стороной «котловую» камеру. Его просто не узнавали. Он был максимально пассивен и избегал малейших конфликтных ситуаций.

Вначале никто не собирался расслабляться, и все ждали, что вот вот Мурат явится в своем прежнем облике. Но проходили дни и месяцы, а он оставался все таким же.

Лето сменилось осенью, и как-то раз я зашел на склад к Жиду. Писарь его, завидев меня, выскользнул из-за стола и направился «покурить». Я что-то говорил Жиду, стоя у окна, и сквозь щель занавески машинально смотрел на скучный ландшафт производственной зоны. Мимо склада туда-сюда шныряли зэки и мастера, а писарь сидел на корточках у входа и курил.

И тут я увидел Мурата. Он неспешно, вразвалку шел по направлению к складу. Фуражка в правой руке, короткий ежик черных, будто смола, волос, портупея, галифе и хромовые сапоги.

– Мурат случайно не к тебе идет? – спросил я Жиды.

– Вполне возможно, – сказал тот и отчего-то занервничал, беспорядочно выдвигая и задвигая ящики стола.

Я наблюдал, как Мурат, поравнявшись с писарем, что-то ему сказал. Писарь ответил, и Мурат вдруг резко повернулся на каблуках и той же неизменной походкой, размахивая фуражкой, двинулся в обратном направлении.

Зашел писарь.

– Где Мурат? – спросил его Жид.

– Ушел. Спросил, дома ли ты, я сказал, что дома.

Теперь уже я повернулся к писарю:

– Что еще ты ему сказал?

Писарь опустил глаза и ответил мне то, что я уже понял раньше:

– Сказал, что ты здесь.

Я молча направился к выходу. Всю дорогу я ощущал, что мой рассудок чего-то не может охватить.

Вроде бы все просто, Мурат не хочет встречаться со мной в силу известных нам обоим причин. К тому же у него могло быть к Жиду какое-то свое дело, и он не хотел светиться. Я думал и все больше запутывался. В конце концов, это было не так уж важно, если бы не один маленький нюанс: я отлично понимал, что Мурат НЕ БОИТСЯ меня.

Не знаю почему, но чем больше я думал об этом гордом человеке, тем больше я проникался к нему уважением. Это было какое-то сильное чувство, намного сильнее ненависти и злобы, поскольку его накал сохранялся и в последующие дни. Я не мог избавиться от него, от этих мыслей и в конечном итоге начал испытывать вину за причиненные Мурату страдания. Это было моим личным переживанием, которым я не мог делиться даже с близкими людьми.

Прошло еще некоторое время, и я уже нисколько не сомневался в необходимости сделать первый шаг для разговора с ним. Нужно было только подгадать время и место.

9

С тех пор прошло еще пару месяцев, в течение которых Мурат никак себя не обнаруживал. Я уже определился в своих мыслях по поводу предстоящего с ним разговора. И вот наконец появился отличный шанс.

К нам в барак пришла дежурная смена с плановым обыском. Всех выгнали на улицу, и прапора разбрелись по секциям. В моей секции оказались двое, одним из них был Мурат. Второй начал обыск с противоположного края, а Мурат оказался рядом с моим проходом. Однако ко мне в тумбочку не полез и начал с соседней. Он сидел на корточках, склонившись в узком проходе между кроватями, и медленно, будто с неохотой, перебирал чьи-то письма, вещи, разглядывал фотографии.

Я сидел у себя на кровати, смотрел на него и думал, что вот настал момент поговорить с этим человеком о жизни. О том, что я ничего личного к нему не имел и не имею, что у меня тоже есть свои обязательства перед людьми. Что мир суров, что лично я не сторонник калечить человека, и, может быть, если бы думал, что с ним обойдутся так жестоко, не стал бы ни к кому обращаться. Так получилось, и теперь надо это как-то понять нам обоим.

Размышляя таким образом, я взял бокал с горячим чаем, поднялся с кровати и подошел к Мурату. Поставил бокал рядом с ним и сказал буквально следующее:

– Мурат, на улице мороз, я вижу, ты замерз. Вот горячий чай, если не брезгуешь, можешь согреться. Мне ничего от тебя не нужно, я только думаю, что нам есть о чем поговорить с тобой. Однажды я сказал, что хочу уважать тебя. Это правда. У меня тоже есть своя гордость, но сейчас ты видишь, что я спрятал ее далеко. Скажи мне, где и когда мы сможем увидеться и поговорить по-мужски?

Мурат молча слушал эту тираду, не поворачивая головы в мою сторону, и на его каменном лице не шевельнулся ни один мускул.

Когда наконец я закончил, он медленно встал, повернулся ко мне лицом, и я впервые увидел его глаза. Черные и холодные, они несколько секунд смотрели на меня в упор, но не цеплялись, а как бы пронзали меня насквозь. Затем его веки опять сомкнулись в узкую щель, и, разворачиваясь к выходу, он наконец произнес:

– Нигде и никогда.

Даже не начав как следует обыска, он вышел из барака и скрылся в заснеженной зоне.

Какое-то время я стоял неподвижно, пока наконец меня, как в прошлый раз, не прорвало. Правда, на этот раз себя я берег, и поток моих внутренних негодований обрушился на Мурата:

«Кто он такой в конце концов, что я тут распинаюсь перед ним? Да у него порода ментовская, ему принципиально не дано понимать теплоту человеческих отношений. Подумаешь, руку ему сломали... а сам-то он сколько людей переломал? Или мы не люди для него вовсе? Он человек, а мы – нет... Сидел бы в юрте своей да чувствовал себя хозяином степей. Нет же, власти над людьми захотел... А люди – это не верблюды... Поделом свое получил. Не о чем с такими разговаривать... Никогда не поймут они русского языка...»

Вот в таком примерно настроении я пребывал какое-то время. Скажу сразу, злость быстро сменилось злорадством – возмездие состоялось.

Все вернулось на своё место. Ни потерь, ни приобретений. В течение следующего месяца я уже совсем забыл о существовании человека по имени Мурат. Главное состояло в том, что он по-прежнему «не дышал» в нашу сторону, а все морально-нравственные «тараканы» были навсегда изгнаны из моей головы. Сам туда их запустил, сам же и выгнал. Жирная-прежирная точка с этим Муратом.

Дела вертелись, зэки в подвале были довольны, а вместе с ними был доволен жизнью и я.

10

Был зимний уральский вечер. Над кочеваркой стояло огромное облако дыма. Мороз и запах угля – это особый запах, знакомый, пожалуй, каждому россиянину и напоминающий жителям больших городов об отсутствии привычных благ цивилизации. Его не спутать ни с чем другим.

Вдыхая его полной грудью, я с двумя «быстрыми на ногу» молодыми помощниками стоял на треугольном пятачке внутреннего двора котельной и, подняв голову, кричал нервно суетящемуся часовому:

– Сильнее разматывай и отверни прожектор влево, зацепишь ведь сейчас, придурок!

Солдат, рискуя слететь с вышки, бросал рюкзаки, и мои пацаны ловили их на лету. Расторопно складывали в одном месте и опять ловили, ловили, ловили... То, что не долетало, доставали пожарными баграми, стараясь не задеть сигнальные провода.

Дело было привычным и продвигалось отлаженными до мелочей действиями. Обычно весь процесс занимал всего несколько минут. Вот и на этот раз все прошло споро и без сучков. Ближе к полночи, дождавшись успешного возвращения «десанта», я наконец отправился на промзону.

Игорь еще не спал, и после краткого «бухгалтерского» отчета мы еще немного поболтали. У него накануне родился сын, и я искренне поздравил его. Игорь был известен всем, и потому, выходя из кабинета Татарина, я поделился новостью с Жидом.

– Отметить надо бы это дело, – отозвался тот, запирая кабинет, и, подумав немного, продолжил: – Можно в гараж зайти. Там слесаря по просьбе Хозяина отремонтировали «Волгу» каких-то важных «членов» из администрации города. Три недели колдовали над ней. Можно сказать, из могилы подняли. Вчера ее забрали двое при галстуках, а сегодня в обед заехали и ящик водки выгрузили. Зайдем? – Жид смотрел на меня лукаво, скаля свои золотые коронки.

– Думаешь, еще не выжрали? – улыбнулся я в ответ.

Сквозь ржавые остовы того хлама, что когда-то назывался автомобилями, мы пробрались к гаражу местного автосервиса. Внутри находилось пятеро изрядно пьяных работяг. Все они были по уши в мазуте, и окружающая обстановка говорила о том, что это был их естественный вид.

На дне смотровой ямы виднелся ящик с непечатыми бутылками. Штук пять или шесть. Пустая тара, по обыкновению, сразу же разбивалась молотком, и в углу уже лежала приличная горка осколков стекла. Шуфутинский хрипло пел из динамиков старенького магнитофона. В общем, атмосфера была та еще, и, опуская несущественные детали,

скажу, что завис я в том гараже почти до самого утра. Ох и крепкие же ребята эти слесаря!

Жид давно уже спал на заднем сиденье стоящего в ремонте «уазика», когда меня, еле стоявшего на ногах, провожали до ворот жилой зоны все пятеро «хозяев» вечеринки. Эти чумадые добрые «морды» были веселы и собрались провожать меня до самого барака. Я запретил им это и, расставив лицо снегом, двинулся в дальний угол спящего лагеря.

Проходя мимо дежурной части, я машинально поднял голову и сквозь замерзшие окна второго этажа увидел движущиеся внутри тени. Обычно смена просыпалась в половине пятого, чтобы через полчаса производить подъем в изоляторе. Я посмотрел на часы. Было только начало четвертого.

«Тоже пьют», – подумал я и ускорил неровный шаг.

Подходя ближе к бараку, я слышал, как заливались лаем сторожевые собаки на запретке в районе котельной.

– Смена караула, – отметил почти на автомате и, порядком продрогший, нырнул в тепло барака. Там не спали, ожидали меня. Я устало опустился на кровать и не спешил снимать телогрейку. По жизни непьющему, мне было тяжело справляться с непривычным состоянием.

– Бугор из котельной приходил. Тебя спрашивал. Говорил, на вышку зовут, – сказал один из ребят.

– Давно? – поинтересовался я.

– Минут сорок, может, час назад, – ответил другой.

Обычно так поздно меня не вызывали. Да и общак приняли весь еще накануне вечером. Но раз звали, значит, что-то важное.

– Пойди, узнай, что там, – сказал я одному пацану и начал снимать верхнюю одежду. Парень вернулся очень быстро:

– Я сунулся было туда, а там оперов полная кочегарка! Чуть не навалился на них. Еле свалил, – пропыхтел он.

Возникла пауза. Кто-то обронил недоуменно:

– Че это они с постелей повскакивали и в зону приперлись?..

Теперь я уже окончательно потерял способность к трезвому суждению и, повалившись в одежде на койку, успел только сказать:

– Всё! Аут...

Меня еще долго мутило и кружило в лабиринтах пьяного забытья, и что-то тревожное вторгалось в мой мозг отдельными фрагментами: силуэты в дежурке... собаки... опера... И я окончательно провалился в сон.

Проснулся уже после обеда и сразу начал проклинать вчерашнюю водку. Состояние было таким, будто все мои внутренние органы со-

рвались со своих мест и тяжелой грудой лежат в нижней части живота. Голова раскалывалась, и глаза открыты было невозможно без дикой боли в висках.

Первое, что услышал я от своих пацанов, не сразу дошло до меня.

– Ночью на «пятак» вышкарь застрелился. Управы понаехало – в зону выйти невозможно. Говорят, вся вышка мозгами забрызгана.

Я чистил зубы в умывальнике, тупо разглядывая в зеркале свою жалкую физиономию. Ледяная вода несколько притупила головную боль, и мозг постепенно начинал свою работу.

«Почему именно на нашей вышке, – пытался я рассуждать про себя. – Там стояли проверенные и подготовленные солдаты. Неужели Леха поставил новенького, забитого салагу, у которого девушка на гражданке вышла замуж за другого?»

Весь этот день я не выходил из барака. Никакой информации не было, а попытки бесплодных предположений уже порядком всех утомили. Все ждали 17.00, когда рабочий день заканчивался и руководство расходилось по домам. Тогда наконец можно будет подняться в дежурку и узнать от прапоров все новости.

Время медленно приближалось к вечеру, и, выйдя в коридор, я увидел своего начальника отряда, который открывал свой кабинет. Не раздумывая, я зашел за ним следом. Он тоже был уставший от всеобщей тревоги и с пяти утра находился на ногах.

– Говорят, солдатик башку себе разнес, – начал я без вступлений.

– Да нет, не солдатик это был, – сказал отрядник и поведал мне то, что я слушал с широко раскрытыми глазами.

Выйдя из кабинета, я напрямик отправился в котельную. Бугор с флегматичным видом сидел за столом и поглощал вареную картошку с селедкой.

– Рассказывай, – сказал я ему жестким тоном.

Бугор вытер рот полотенцем и начал рассказывать:

– Опера объяснительную брали, слышал ли кто выстрел. А мы все здесь в это время были. Тут хоть из пушки стреляй, никто ничего не услышит. – Он кивнул головой в сторону гудящих словно паровозы котлов.

– Мне это неинтересно, – прервал я его. – Ты сказал им, что меня ночью звали на вышку?

При этом я уперся в него взглядом.

Будто вдруг осознав нечто важное, Бугор заерзал на стуле и испуганно пролепетал:

– Нет-нет, что ты! Никому ничего не говорил...

Я поднес к его носу кулак и, глядя прямо в глаза, сказал:

– Смотри у меня.

Затем развернулся и направился к дежурке, чтобы пообщаться с разговорчивыми прапорами.

11

Спустя три дня после описанных событий, когда ажиотаж мало-помалу улегся, я появился на «пятаке». Свет прожектора, отражаясь от снега, слепил мне глаза. Я сидел на деревянном ящике и курил. Факт потери на неопределенное время ценной для меня вышки в этот момент был мне безразличен.

Имея к этому времени уже максимум информации о произошедшем, я хотел побыть наедине со своими мыслями.

А произошло вот что. Уволенный с работы бывший пропорщик по прозвищу Рыжий поехал с друзьями на охоту, где они удачно подстрелили лося. Разделив мясо и приехав домой, Рыжий пригласил Мурата обмыть это дело. Когда охотники, изрядно выпив, разъехались по домам, они с Муратом остались вдвоем и между ними произошел конфликт. Что не смогли поделить два закадычных друга, теперь уже навсегда останется тайной. Явными остаются лишь факты. Во время драки пьяный Мурат ударил Рыжего кухонным ножом и попал прямо в сердце. Рыжий умер почти сразу. Это было часов в десять вечера.

Поздней ночью, придя в себя и осознав, что произошло, Мурат пришел к себе домой, надел форму и отправился к зоне. Караульный, отлично зная старшего прапорщика, пропустил его на тропу внешнего периметра. Пройдя по нему до угла, к которому с внутренней стороны примыкала котельная, Мурат по лестнице поднялся на вышку, снял с плеча солдата автомат и велел ему уходить. Солдат послушно поплелся в караулку.

Внизу во дворе кочегар вываливал из тележки шлак. Мурат крикнул, чтобы он позвал «смотрящего».

Кочегар тут же кинулся к своему Бугру, а тот в свою очередь побежал за мной в барак. Не застав меня на месте, Бугор вышел на «пятак» и сказал Мурату, что меня нет. Разумеется, Бугор не мог узнать Мурата – свет прожектора образовывал слепую зону.

– Иди найди его. Срочно нужен, – сказал ему Мурат.

Бугор согласно кивнул, но, вернувшись к себе, больше уже никуда не ходил. Он просто не знал, где меня искать, и сказал своим кочегарам не выходить на «пятак» ближайший час-два. За это время произойдет смена караула и бегать среди ночи по лагерю уже наверняка не придется.

Изгнанный Муратом с вышки часовой дошел до караульного помещения и рассказал дежурному офицеру о том, что произошло. Тот, быстро оценив ситуацию, поднял по тревоге наряд, с которым и выдвинулся по направлению к объекту.

Когда они уже подошли к лестнице, Мурат приставил ствол к подбородку и нажал спусковой крючок.

Сегодня ночная смена в зоне пришла на работу не вполне трезвой. Днем они хоронили Мурата.

А я сидел на «пятаке», курил одну сигарету за другой, вспоминал прошлое и думал о настоящем. Снег вокруг блестел серебром, и только кусочки угля на нем не издавали блеска и смотрели на меня своими черными, азиатскими глазами.

Виталий Лозовский

Книги, написанные на телефоне

Люди, судьбы этого мира, сплетаясь, пересекаясь и соприкасаясь, создают неповторимый узор существования человечества. Все мы, проживая свое время, рисуем свою линию. Линии пересекаются, притягиваются и отталкиваются, создавая рисунки на поверхности времени. Оно, время, принимает каждую линию, не судит их и не выносит приговор – всем есть место, и каждый свободен рисовать свою картину.

Судьба Эдуарда Михайлова, с точки зрения большинства, покажется весьма необычной, неоднозначной, и, вероятно, любой испытает искушение приклеить к ней свой ярлык. Но это его судьба, его жизнь и другой не будет. С 12 лет беспризорник, он так нигде и никогда больше не учился. Его университетами стали улицы и тюрьмы. Впервые попав за решетку в 16, к своим уже более чем 40 годам сейчас он покидал ее в общей сложности года на три.

Самый первый свой рассказ, «Снег и Уголь», который сегодня представлен вашему вниманию, был написан около года назад. Был набран на обычном телефоне, одним пальцем, как мы набираем СМС. Помню его первый комментарий: «Вот написал, возникло такое желание. Буду ли писать еще – не знаю. Вряд ли». Тогда еще подумалось: «А жаль...»

Когда я прочитал его повесть «Чуйская долина (статья взрослым)», меня поразил его стиль – яркий и живой, передающий все эмоции и состояния, оттенки чувств героев. Плюс честность и искренность автора с самим собой. Не говоря уж об удивлении оттого, как мог человек без какого-либо образования написать так грамотно и четко.

В центре произведений автора – судьбы и характеры. Нет оценки, нет осуждения – все оставлено на откуп читателю. Но вместе с тем читателю не остается выбора – задуматься о жизни, ее смыслах и поворотах ему придется. И в этом основная ценность книг Э. Михайлова.

Сайт Эдуарда: www.edos.su.

Алексей Мокроусов

Загадки спасения¹

Лагерь меняет представление о привычной системе ценностей. Бессилие и растерянность у заключенного вызывало отсутствие ложки. Суп можно было есть, лишь «лакая его по-собачьи. Только спустя некоторое время, научившись ориентироваться (а как важно было понять это сразу или чтобы кто-то тебе объяснил!), новичок узнавал, что ложки в лагере есть, только они продаются на черном рынке и платить за них надо супом или хлебом».

В лагере у всего своя цена, отличная от магазинных цен на воле. В другой книге итальянского писателя Примо Леви (1919–1987), «Периодическая система», встречается пример, связанный с украденным из лаборатории церием: «Альберто считал, что кремний для одной зажигалки должен стоить дневной хлебной пайки, иначе говоря, одного дня жизни. Я украл примерно сорок цилиндров [церия], каждый из которых можно было превратить в три кремешка. В общей сложности получалось сто двадцать кремней для зажигалок, или два месяца жизни моей и Альберто...»² Что же до ложки, то обычно она «стоила полпайки хлеба или литр супа, но у вновь прибывших брали гораздо больше».

Увеличенная цена для новичков выглядела обрядом инициации. Ведь в Освенциме – а Примо Леви описывает именно опыт Освенцима – все везли с собой ложки. Пластмассовые и стальные, алюминиевые и серебряные – после войны на складах концлагеря обнаружили тысячи ложек, отобранных у заключенных. «Это свидетельствует не о бережливости немцев, а скорее о хорошо продуманной системе унижений», – считает Леви, чья книга полна примеров методичного, целе-

¹ Примо Леви. Канувшие и спасенные / Пер. с итал. и примеч. Е.Б. Дмитриевой. Послесловие Б. Дубина. М.: Новое издательство, 2010.

² П. Леви. Периодическая система. М., 2008. С. 214.

направленного унижения людей, не чувствовавших за собой поначалу никакой вины. Он осмысляет эту систему унижений именно как систему и потому готов видеть в жизни лагерного барака проекцию всей жизни в нацистской Германии.

Другим видом унижения оказывалось постоянное раздевание догола, которому заключенных подвергали по несколько раз на дню: «Публичное, всеобщее оголение было неизменной и продуманной лагерной особенностью. В какой-то степени это насилие было продиктовано необходимостью (ведь человек раздевается перед тем, как встать под душ, или на врачебном осмотре), но бессмысленная чрезмерность делала раздевание оскорбительным». Не менее бессмысленным оказывалось и унижение татуировкой. Сама процедура ее нанесения не причиняла особой боли, но смысла в ней при наличии трех нашитых на одежду номеров не было никакого. Кроме, пожалуй, одного: «Этот нестираемый номер – знак того, что вам отсюда никогда не выйти. Так клеймят раба или скот, предназначенный для бойни, – вы и есть рабы и скот, у вас больше нет своих имен, номер – вот ваше новое имя. Татуировка была бессмысленной жестокостью, насилием ради насилия, чистым оскорблением...»

Отчуждение тела оказывалось последним и самым решительным, бесповоротным видом надругательства над заключенным, оно принадлежало уже не надсмотрщику или капо, но равномерно двигавшемуся механизму власти. Тело использовалось для проведения многочисленных опытов, столь же жестоких, сколь и ненужных. Впрочем, что могло быть осмысленного в самой системе концлагерей, выглядевших порой как материализация абсурда, отменявшая все общепринятые моральные ценности? Освенцим оказался единственным местом на всем пространстве Третьего рейха, где евреям разрешали играть музыку арийских композиторов – только потому, что они были заключенными без всякой надежды на освобождение. Здесь могли повесить только за то, что зажег в бараке спичку.

Самому Леви, впрочем, повезло – он попал в группу ученых-химиков, задействованных в промышленном производстве; в итоге это и спасло ему жизнь.

Выживать приходилось по законам, установленным обстоятельствами: «Съешь свой хлеб, а если удастся – и хлеб соседа»; понятие благодарности отсутствовало. Как вспоминал Леви в другой своей книге, в лагере «каждый – безнадежно, жестоко одинок. Если какой-нибудь Ноль Восемнадцатый споткнется, ему не подадут руки, наоборот, даже

столкнут с дороги, потому что никто не заинтересован в лишнем доходе, который еле тащится на работу»³.

Этот эгоизм, порожденный инстинктом самосохранения, отменяет законы гуманного общества, ломает привычную структуру европейского быта, где в другое время столь важную роль играла солидарность. Как замечает Ольга Седакова, «удивительно, что славянофилы XIX века замечали европейский индивидуализм – и не заметили той ставшей повседневной рутиной солидарности, на которой держится этот мир, такой хрупкий на взгляд того, кто привык, что крепко все держится только страхом и насилием»⁴. Но именно страх и насилие обнаружили неожиданную хрупкость коллективизма, чья прочность оказалась напрямую зависящей от силы враждебных ему обстоятельств. Оказалось достаточно перемены социального статуса, как тут же менялась вся система морали и этики. Прибывавших с воли это в первый момент шокировало больше всего остального. «У лагерных новичков еще оставалась надежда на солидарность товарищей по несчастью, – пишет Леви в ключевой для всей книги главе "Серая зона", посвященной коллаборационизму в лагере, – но и эта надежда не оправдывалась: найти союзников, за очень редким исключением, не удавалось; лагерное мироздание населяли тысячи отдельных монад, которые постоянно вели между собой скрытую отчаянную борьбу».

Социальная конфигурация в лагере была подвижной. Ближе к концу войны лагерное население делилось уже не по принципу «заключенные – охранники», но по принципу «немцы – не немцы». И политические, и уголовники объединились с эсэсовцами, поскольку им всем казалось, что они видят ненависть и жажду мести в глазах заключенных-евреев. Так приближавшаяся линия фронта определяла силовые поля в Освенциме, еще недавно казавшемся идеально работавшей машиной по уничтожению людей.

Описаниям своего лагерного опыта Леви посвятил несколько книг. Все они уже переведены на русский – и «Человек ли это?», и «Передышка»⁵, а теперь вышла и итоговая книга Леви, «Канувшие и спасенные», подведшая итог его многолетним описаниям лагерного опыта.

³ Леви П. Человек ли это? М.: 2001. С. 105.

⁴ Седакова О. «Быть свободным – это быть хорошим, как бы смешно это ни звучало...» // Континент, 2006, № 129.

⁵ Эти книги также перевела Елена Дмитриева, вместе с Ириной Шубиной она работала и над «Периодической системой». Елена Дмитриева скончалась в 2010 г., не увидев верстки «Канувших и спасенных».

Европейская публика довольно долго добиралась до текстов Леви – не столько до самих книг, сколько до смысла того, о чем в них говорилось. После того как первый роман Леви отвергло в 1947 году крупное итальянское издательство «Эйнауди», его опубликовало небольшое издательство, которое не обладало возможностями для распространения книг и в итоге не смогло распродать тираж. Лишь 11 лет спустя «Эйнауди» решилось переиздать книгу, которую сразу же начали переводить на другие языки. В Германии почти все работы Леви публиковались по нескольку раз; каталог Национальной библиотеки во Франкфурте дает 62 ссылки на издания самого Леви на нескольких языках плюс почти на сорок работ о нем (для сравнения: в Российской государственной библиотеке есть всего 12 его книг и две работы о нем). Обе экранизации романов Леви появились уже после его смерти. А в октябре 2006 года лондонский *Imperial College* признал «Периодическую систему» (здесь каждая из 21 главы названа по имени химического элемента) лучшей познавательной книгой всех времен и народов, хотя познавательность ее, надо признать, весьма специфического рода.

В последние годы Леви в России издается много, но он по-прежнему мало кому известен. Хотя еще в конце 60-х его рассказы начали появляться у нас в антологиях фантастической прозы, самые главные книги, посвященные концлагерям, стали переводиться лишь после распада СССР. Официальной советской пропаганде его размышления о лагерях наверняка казались неуместными: Леви слишком хорошо описывал их структуру, вычлняя суть происходившего, чтобы не возникало сомнительных сопоставлений. Удивительно, как много неожиданных параллелей обнаруживалось в его текстах об Освенциме с недавней советской историей. При всем литературном богатстве нашей лагерной мемуаристики в ней отыщется немного текстов той же концентрированной силы и бескомпромиссности самоанализа, что и книги Леви. Мышление ученого-химика сказалось и на композиции, и на стремлении к ясности совершенно особого рода. Теоретики прозы пытались противопоставить творчество Леви постмодернизму: дескать, итальянскому писателю были совершенно чужды поиски формы и расплывчатость мысли. Но кристальность речи не была для него самоцелью; высказывание само выстраивалось по законам едва ли не научной логики – иначе текст об иррациональном не складывался вовсе.

Дождается своей публикации на русском сборник бесед Леви с Фердинандо Камоном (он был издан уже после смерти писателя). Не издан у нас и большой сборник бесед и интервью Леви, не говоря уже хотя бы об одной из нескольких опубликованных на Западе его био-

графий. В них особенно интересен анализ перевода Леви на итальянский «Процесса» Кафки – вот где хватило параллелей между фикцией и реальностью в понимании юстиции как самодостаточного механизма, нацеленного не на выяснение истины, но на вынесение приговора.

Но стало ли уже переведенное фактом общественного сознания? Вряд ли. Иначе бы тираж «Канувших и спасенных», выглядящих порой энциклопедией лагерной жизни, квинтэссенцией всех прежних работ Леви – и одновременно автополемикой, – не пылился бы на московских складах. Это связано, возможно, с тем, что проза Леви – для тех, кто, как выразился рецензент немецкой *Die Zeit*, удобным иллюзиям предпочитает всю правду о человеке. Много ли таких людей сегодня в стране, по-прежнему не способной оценить своего главного летописца XX века, Варлама Шаламова? Российское общество все еще предпочитает тешить себя иллюзиями о сложном, но славном прошлом и отказывается предавать даже посмертному суду тех, кто строил свои карьеры на костях сограждан. Лицемерие продолжает страх увидеть в зеркале голых королей, иногда зеркало проще разбить, чем набраться мужества взглянуть в него при свете дня.

Кажется странным противопоставление позиции Леви и Шаламова. Как пишет Дмитрий Гденич, «меня поражает не Солженицын, осудивший Шаламова за безбожие, а гуманизм лучшего европейского склада, вкладывающий в уста Примо Леви его обескураживающее суждение о героях “Колымских рассказов” как жертвах, бесполезных для развития общества и не способных служить светлым образцом поведения человека в будущих прекрасных мирах. Запад готов принять щадящие условия опыта, где человек – носитель культуры, не отлучаясь из этой соприродной ему среды и располагая в ней всем необходимым для победы и поражения, противостоит гибельным обстоятельствам, тоже, по существу, являющим иной, хоть и непотребный, изначальный облик этой культуры»⁶.

Но, вероятно, прав все-таки Леви: герои Шаламова и впрямь не выглядят осмысленными жертвами, обеспечивающими обществу будущее, их опыт бессмыслен, как нет в итоге никакого смысла и в опыте, полученном самим Леви. Освенцим не ответил ни на один вопрос о природе европейской цивилизации в целом и зверской жестокости отдельных ее представителей в частности. Хотя у Леви много размышлений о языке (немецким он владел блестяще, но в концлагере он открыл новый для себя язык), но даже он не в силах стать проводником

⁶ Гольдштейн А., Гденич Д. О Шаламове // Зеркало, 2003, № 21–22.

по ту сторону разума, выступить в роли свидетеля. Шошана Фелман и Дори Лауб, исследователи из Йельского университета, говорят о Шоа как о «событии без свидетелей». Позднее Фелман в связи с фильмом Клода Ланцмана «Шоа» писала о том, что «Шоа – не просто событие без свидетелей, оно таково вдвойне. Свидетельствовать о нем изнутри невозможно; изнутри смерти не свидетельствуют, голоса для задуманного голоса не существует. Но свидетельствовать извне о нем тоже невозможно: внешний наблюдатель такого события по определению исключен»⁷. Потому берущемуся свидетельствовать «придется свидетельствовать о невозможности свидетельства. Это непоправимо изменяет ценность свидетельства и заставляет искать его смысл не там, где мы привыкли»⁸. Неудивительно, что одним из главных страхов выжившего Леви в послевоенной жизни оказывался страх быть непонятым, выслушанным, но не услышанным. Те, на чью долю выпала другая судьба, оказывались по другую сторону опыта, а следом и другого существования. Граница в настоящем стиралась, но действующей оказывалась граница из прошлого, невидимая, но определяющая территории запретного. Ведь для заключенного и после освобождения единственной реальностью всегда остается лишь лагерь, вся остальная жизнь воспринимается им как иллюзия, каникулы, сон.

Выпавший на долю Примо Леви опыт был беспощаден – даже если это опыт «привилегированного», которому досталась квалифицированная, то есть более легкая, работа (у «обычного» заключенного шансов выжить практически не было). Он часто говорит о случайности выживания, хотя и не спорит с тем, что в этом бессмысленном опыте культура тоже проявляется – другая, чем Просвещение, если и проникнутая светом, то не Разума. Отменяет ли она привычную картину мира? Вряд ли. Но решающим оказывается именно это редкое выпадение из общепринятой логики, исключительность отдельно взятого случая способна перевесить правила целого мира.

Уникальность судьбы Леви разделили миллионы. В «Канувших и спасенных» есть сближение советских и нацистских лагерей: «Труд неоплачиваемый, а значит, рабский, являлся первой из трех целей, которые ставила перед собой концентрационная система; две другие – устранение политических противников и истребление так называемых низших рас. Попутно заметим: коренное отличие советского концентрационного режима от нацистского заключалось в отсутствии у него третьей цели и в

придании главного значения первой». Автор спрямляет историческую перспективу. В роли низших рас в СССР выступали представители дворянских и интеллигентских сословий дореволюционной России, не говоря уже о высшем чиновничестве и офицерском корпусе, их поголовное уничтожение в 30-е трагически сказалось на моральном и интеллектуальном облике нации. Само использование рабского труда, экономически неэффективное и пропагандистски двусмысленное, выглядело скорее как дополнительная выгода, извлекаемая из сложившейся ситуации, а не цель, связанная с освоением новых пространств. Определяющим же оказывалась атмосфера страха, чувство иррациональности происходящего, которые возникали не вследствие заботы о стройках коммунизма и покорении Севера, но как естественная среда тоталитарного режима.

У Леви немало размышлений по поводу последнего. Так, он описывает жестокость лагерных эсэсовцев: «...Их воспитали жестокими, жестокость текла в их венах, была написана на их лицах, сквозила в их жестах, слышалась в их речи. Унижать "врага", заставлять его страдать было их ежедневной задачей. Они делали это не задумываясь, у них не было другой цели, цель была одна – унижать и мучить». Подобный тип поведения был определен обучением, ведь «в тоталитарных режимах воспитание, пропаганда и информация не встречают препятствий, они всеисильны; тем, кто родился и вырос в условиях плюрализма, этого не понять».

Ситуация выглядит, возможно, с точностью до наоборот: понять это всеисилие СМИ (сегодня – прежде всего телевидения) могут как раз свободно мыслящие люди, способные увидеть за эффективностью пропагандистского аппарата некий набор примитивных по сути целей, достигаемых топорными по форме методами.

11 апреля 1987 года Примо Леви упал в пролет лестницы своего туринского дома. Хотя убедительных доказательств того, что это было самоубийство, а не несчастный случай, нет, все склонилось к мысли о самоубийстве. Комментарии друзей и соратников звучали единодушно: Леви умер еще 40 лет назад, в Освенциме, но вынужден был жить, чтобы писать. Хотя такие высказывания принадлежали людям, близким к Леви, их позиция выглядит по-своему комфортной. Кажется, окружающим так было удобнее думать. Подобная точка зрения предполагает невозможность жить с опытом Освенцима, его несовместимость с течением банальной повседневности – хотя сорок с лишним лет Леви показывал, насколько эта жизнь не просто вероятна, но и деятельна. Откуда берутся внутренние силы у человека, не ответит ни одна наука. Но что связаны они не с обстоятельствами времени и места, а с врожденным оптимизмом, понятно любому.

⁷ См.: Агамбен Дж. Свидетель // Синий диван, 2004. № 4, с. 199.

⁸ Там же. С. 198.

Примо Леви

Канувшие и спасенные

II Серая зона

Сумели ли мы, вернувшись, понять сами и понятно объяснить другим наш опыт? Обычно под словом «понять» мы подразумеваем «упростить»: без основательного упрощения окружающий мир представлялся бы нам бесконечно и безнадежно запутанным, и мы лишились бы способности ориентироваться в нем и совершать те или иные поступки. Поэтому мы вынуждены превращать познаваемое в схему: для этой цели у рода человеческого имеются удивительные инструменты, выработанные им в процессе эволюции, — язык и концептуальное мышление.

Нам также свойственно упрощать историю, однако схемы, в которые укладываются факты, не всеми воспринимаются однозначно: случается, что одни историки понимают и реконструируют события неприемлемым для других историков способом. Так или иначе, в нас достаточно сильна потребность, возможно, восходящая к временам, когда мы формировались как социальные животные, делить среду обитания на «мы» и «они», и этот шаблон, этот принцип «друг или враг» превалирует в нашем сознании над всеми остальными. Общепринятая трактовка истории и в первую очередь история, которую преподают в школах, традиционно страдает манихейством, отвергающим полутона и многозначность: исторические события сводятся к конфликтам, а конфликты к противоборству «своих» с «чужими» — афинян со спартанцами, римлян с карфагенянами. Отсюда и безумная популярность таких зрелищных видов спорта, как футбол, бейсбол и бокс, где соперничают две команды или два человека. Кто кому противостоит — сразу понятно, но только к концу матча или поединка определится победитель и победитель. Если счет ничейный, зритель чувствует себя обманутым и разочарованным, потому что сознательно или бессознательно ждет победы одних и поражения других, идентифицируя

сопернующихся с хорошими и плохими соответственно: ведь, по его понятиям, побеждать всегда должны хорошие, иначе мир просто рухнет.

Но если стремление к упрощению оправданно, само упрощение — не всегда. Как рабочая гипотеза оно имеет право на существование, но лишь до тех пор, пока признается за таковую и не выдается за истину. Исторические и природные явления в большинстве своем совсем не просты или не просты той простотой, какая нам по душе. Не простыми были и взаимоотношения людей внутри лагеря: они не укладывались в представление о жертвах, с одной стороны, и притеснителях — с другой. У тех, кто читает (или пишет) сегодня историю лагерей, заметна тенденция, даже потребность, отделить добро от зла, занять непримиримую позицию, повторить жест Христа на Страшном Суде: сюда — праведники, туда — грешники. В первую очередь требуют ясности молодые, им хочется расставить все точки над *i*. Они еще мало знают жизнь и потому не признают неоднозначности. Их представления в точности повторяют представления лагерных новичков. За исключением тех немногих, кто уже прошел через подобный опыт, все, независимо от возраста, готовились к чему-то ужасному, но ужасному в пределах понимания, укладываемому в рамки простой атавистической модели, которая и поныне живет в каждом: «свои» — внутри, «чужие», враги, — снаружи, отделенные четкой, как на географической карте, границей.

Однако, едва попав в лагерь, люди испытывали настоящее потрясение. К их полной неожиданности мир, в который они оказались ввергнутыми, был ужасен, но ужасен непостижимо, поскольку не подходил под известную модель: враг находился снаружи, но и внутри тоже, слово «свои» не имело четких границ, не существовало противостояния двух сил, расположенных по разные стороны границы, да и самой границы, одной-единственной, тоже не существовало, их было множество, этих границ, и они незримо отделяли одного человека от другого. У лагерных новичков еще оставалась надежда на солидарность товарищей по несчастью, но и эта надежда не оправдывалась: найти союзников, за очень редким исключением, не удавалось; лагерное мироздание населяли тысячи отдельных монад, которые постоянно вели между собой скрытую отчаянную борьбу. Когда в первые же часы пребывания в лагере со всей беспощадностью обнаруживалось, что агрессивность зачастую исходит от тех, кто по логике должен быть союзником, а не врагом, это настолько ошеломляло, что человек полностью терял способность к сопротивлению. Многим такое открытие стоило жизни, не в переносном, а в самом прямом смысле слова: трудно защититься от удара, которого не ждешь.

Эту агрессивность можно рассматривать в разных плоскостях. Не следует забывать, что система концентрационных лагерей с момента своего возникновения (совпадающего в Германии с приходом к власти нацистов) имела первоочередной целью сломить попытки сопротивления противников, поэтому для лагерного начальства вновь прибывший был противником по определению, независимо от того, какой ярлык ему наклеивался: его надо было немедленно стереть в порошок, пока другие не последовали его примеру или он сам не посеял семена организованного сопротивления. Эсэсовцы это четко себе уяснили, и имевший в каждом лагере свои особенности, но по существу всегда один и тот же зловещий ритуал вступления в концентрационный мир объясняется именно такой установкой: град ударов, часто по лицу, поток команд, окрики с наигранной или неподдельной злобой, раздевание догола, бритье волос, рваное тряпье вместо собственной одежды. Трудно сказать, были ли все эти детали разработаны заранее какими-то специалистами или они добавлялись и усовершенствовались по ходу дела; так или иначе, случайными они не были: режиссура явно присутствовала.

К ритуалу вступления в лагерную жизнь, цель которого – сломить человека морально, добавлялись и другие, более или менее продуманные элементы концентрационной структуры, в частности, разделение заключенных на простых и привилегированных. Бывали случаи, когда вновь прибывшего принимали пусть не как друга, но по крайней мере как товарища по несчастью; однако чаще всего старожилы (а ими становились уже через три-четыре месяца – лагерный век короток!) не скрывали своей неприязни и даже враждебности к новенькому. Новенький – по-немецки «цуганг» (примечательно, что *Zugang* — существительное отвлеченное, канцелярского свойства, оно переводится как «поступление, вступление, вход, доступ») – вызывал зависть, поскольку казалось, будто от него пахнет волей. Эта зависть была просто абсурдной, ведь известно, что первые дни заключения – самые мучительные; потом вырабатывается привычка, приобретается опыт, помогающий создать определенную защиту. Вновь прибывший выставлялся на посмешище, над ним издевались, как во всех сообществах издеваются над призывниками, первокурсниками и всякого рода «новенькими», вынуждая их пройти через обряд посвящения, напоминающий обряды примитивных народов, ибо лагерная жизнь, вне всякого сомнения, отбрасывала человека назад, возвращала его к примитивному поведению.

Возможно, враждебность по отношению к «цугангу» того же происхождения, что и любая другая форма нетерпимости: она является

бессознательной попыткой объединить «своих» путем угнетения «чужих», создать за счет «чужих» ту самую солидарность, отсутствие которой было для заключенных источником дополнительных страданий, пусть и не всегда понятных им самим. Не последнюю роль играл и престиж, достижение которого, похоже, стало неискоренимой потребностью нашей цивилизации: забитая масса старожил, избрав вновь прибывшего мишенью для издевательств, пыталась компенсировать за его счет собственную униженность, самоутвердиться, переложить на того, кто ниже, груз полученных сверху оскорблений.

Что касается вопроса о привилегированных заключенных, он сложнее, хотя и серьезнее; я бы даже назвал его основополагающим. Глупо, нелепо и исторически недальновидно думать, что такая адская система, какой был национал-социализм, позволила бы своим жертвам подняться до святости. Наоборот, она принижала их, низводила до своего уровня, и в первую очередь делала это с самыми податливыми, чистыми людьми, политически и морально незрелыми. Еще много потребуется времени, прежде чем удастся без предвзятости, какой грешат подчас некоторые фильмы, с чистым сердцем исследовать пространство, отделяющее (и не только в нацистских лагерях) жертв от притеснителей. Лишь демагог может утверждать, что это пространство свободно. На самом деле оно никогда не бывает свободным; его заселяют подлецы или психопаты (иногда подлецы и психопаты в одном лице), и об этом не следует забывать, если мы хотим понять особенности человеческой природы, если хотим знать, как защитить свои души, когда вновь замаячит похожее испытание, или если просто хотим разобраться в том, что происходит на большом промышленном предприятии.

Привилегированные заключенные составляли меньшинство среди лагерного населения, но подавляющее большинство среди выживших. Даже если не брать в расчет тяжелый труд, побои, холод и болезни, следует помнить, что рацион при самых скромных подсчетах был совершенно недостаточен; физиологических резервов организма при таком питании хватало на два-три месяца, так что смерть от голода или болезней, вызванных голодом, – типичный удел заключенного. Чтобы избежать его, требовалось дополнительное питание, получить которое можно было, лишь став в большей или в меньшей степени привилегированным, иными словами – любыми правдами и неправдами, хитростью или жестокостью выделиться из общей массы.

Показательно, что воспоминания большинства вернувшихся из лагерей, будь то устные рассказы или мемуары, начинаются почти одинаково: потрясение при вступлении в концентрационный лагерь свя-

зано у всех с неожиданной, непонятной агрессивностью нового странного врага – узника-начальника, который вместо того, чтобы протянуть тебе руку помощи, успокоить, объяснить что к чему, набрасывается на тебя, что-то кричит на непонятном языке, бьет по лицу. Он хочет подавить тебя, затушить искру достоинства, которая в тебе, возможно, еще теплится, а в нем уже угасла. И горе тебе, если твое достоинство не стерпит унижения, побуждая к ответным действиям: zuuckschlagen, то есть отвечать ударом на удар – непростительное нарушение железного, хотя и неписаного закона; такое может прийти в голову только новичку. Совершившего эту ошибку ждет показательная расправа. Все привилегированные, почувствовав опасность, бросаются на защиту установленного порядка: виновного ожесточенно и методично избивают до тех пор, пока он не покорится или не умрет, потому что привилегия по определению защищает и охраняет привилегию. Любопытно, что в лагерном жаргоне привилегия обозначается словом «rotekacja» (из идиша или польского), явно восходящим к итальянскому, а значит, к латыни. Мне рассказали историю одного «новенького» – итальянского партизана, который как политический попал в рабочий лагерь. Его оттолкнули при раздаче супа, и он, еще не успев ослабеть физически, осмелился поднять руку на разливальщика. Сбежались дружки разливальщика и, чтобы остальным было неповадно, окунули нарушителя головой прямо в бачок с супом и держали до тех пор, пока он этим супом не захлебнулся.

Путь привилегированных наверх (не только в лагере, но в любом человеческом сообществе) – явление удручающее, но неизбежное; привилегированных нет только в утопиях. Долг каждого порядочного человека – вести войну с незаслуженными привилегиями, но не стоит забывать, что война эта бесконечна. Там, где существует единоличная власть или власть меньшинства над большинством, привилегии возникают и разрастаются, причем даже вопреки самой власти, хотя она, как правило, их терпит, а то и поощряет. Но ограничимся рамками лагеря, который (в том числе в советском варианте) может служить своего рода «лабораторией»: самое печальное заключается в том, что разношерстный класс узников-начальников и есть лагерный костяк. Это серая зона с размытыми контурами, разделяющая и одновременно объединяющая два мира – хозяев и рабов. Она обладает необыкновенно сложной внутренней структурой, тайну которой тщательно оберегает, из-за чего нам трудно о ней судить.

Серая зона протекции и коллаборации питается от разных корней, но в первую очередь ее взращивает власть, и чем власть концентриро-

ваннее, тем больше она нуждается во внешнем пособничестве. Нацизм в последние годы не мог без него обойтись, вынужденный поддерживать свой порядок в покоренной Европе и одновременно восстанавливать боеспособность армий, обескровленных растущим военным сопротивлением противника. В оккупированных странах требовались не только рабочие руки, но и силы порядка, поскольку кадровые ресурсы самой немецкой власти к этому времени оказались полностью исчерпанными. К таким силам, различным по характеру и значению, следует отнести Квислинга в Норвегии, правительство Виши во Франции, Юденрат в Варшаве, республику Сало в Италии, а также украинских и прибалтийских наемников, привлекавшихся исключительно для грязной работы (в боевых действиях они никогда не участвовали), и зондеркоманды, о которых мы поговорим отдельно. Но коллаборационисты – перебежчики из лагеря противника, бывшие враги – ненадежны по своей природе: предав однажды, они способны предать снова. Поэтому отвести им второстепенную роль недостаточно, надо повесить на них вину, запачкать кровью, скомпрометировать насколько только возможно, сделать из них соучастников преступлений, чтобы отрезать им путь назад. Этот метод известен криминальным группировкам всех времен и народов, им всегда пользуется мафия, и, кстати, это единственное, что позволяет понять никак иначе не объяснимую жестокость, характерную для итальянского терроризма 70-х.

Однако (вопреки распространенным представлениям о героической борьбе с угнетателями) чем сильнее угнетение, тем больше готовность угнетенных сотрудничать с властью. Это явление также неоднородно, в нем множество оттенков и мотиваций: террор, идеологические заблуждения, подбострастное подражание победителям, слепая жажда власти, пусть до смешного мизерной и кратковременной, трусость и многое другое вплоть до трезвого расчета, позволяющего уклоняться от исполнения приказов и обходить установленные порядки. Все эти варианты, по отдельности или в тех или иных комбинациях, создают серую зону, представители которой, в отличие от непривилегированных, объединяются в стремлении сохранить и закрепить свои привилегии.

Но прежде чем начать подробно разбираться в причинах, толкавших некоторых заключенных к той или иной форме сотрудничества с лагерным начальством, надо твердо сказать, что поспешное осуждение всех подряд уместно не во всех случаях. Основная вина, бесспорно, лежит на системе, на самой структуре тоталитарного государства; степень же вины отдельных коллаборантов, как крупных, так и мелких (правда, в равной степени отвратительных и бесчестных), определить

нелегко. Судить их могут лишь те, кто сам находился в схожих обстоятельствах и на себе испытал, что значит существовать в условиях принуждения. Это хорошо понимал Мандзони: «Провокаторы, тираны, бросающие вызов, – писал он в романе "Обрученные", – все те, кто так или иначе обижает других, виновны не только в творимом ими зле, но и в том потрясении, в какое они повергают души обиженных ими». Положение оскорбленного не освобождает от вины, нередко действительно тяжкой, но я не знаю такого человеческого суда, который мог бы непредвзято определить степень этой вины.

Что касается меня, то, если бы мне выпало судить, я бы с легким сердцем оправдал всех тех, чья вина в условиях максимального принуждения была минимальной. Вокруг нас, простых заключенных, крутились придурки самого низшего ранга. Это была разношерстная публика: подметальщики барачных, мойщики котлов, ночные дежурные, заправщики постелей (которым требование придирчивых немцев заправлять постели аккуратно, без единой морщинки, приносило мизерный доход), проверяльщики на вшивость и на чесотку, порученцы, переводчики, помощники помощников. В общем, это были такие же бедолаги, как и непривилегированные: отработав наряду со всеми полный рабочий день, они ради дополнительного пол-литра супа готовы были брать за любую третьестепенную работу – невинную, когда нужную, а когда и бесполезную, высосанную из пальца. Среди них редко встречались жестокие, но менталитет у всех был схожий, типично корпоративный, и все они готовы были до последнего бороться за свое «рабочее место», если кто-нибудь, снизу или сверху, вздумает на него покушаться. Их привилегии, стоившие им в конечном счете огромных дополнительных усилий, были ничтожны и не освобождали ни от подчинения лагерной дисциплине, ни от тягот и страданий. Шансов выжить у них, в сущности, было не больше, чем у всех остальных узников. Грубые, наглые, они тем не менее врагами не были, во всяком случае, за врагов их никто не держал.

Еще осторожнее надо быть, когда судишь тех, кто занимал всевозможные начальственные посты. К начальникам (капо – по-немецки Каро, термин, восходящий к итальянскому слову «саро» и потому понятный итальянцам, получивший ударение на последнем слоге благодаря французским заключенным, но ставший общеупотребительным много лет спустя, после выхода одноименного фильма Понтекорво) относились бригадиры, старосты барачных, писари, а также заключенные, занимавшие самые разные, подчас очень важные должности (о чем я сам, будучи заключенным, и не подозревал) в администрации ла-

геря, в политотделе (одно из отделений гестапо), в отделе труда, в камере. Некоторые благодаря своей ловкости или везению получали доступ к секретным данным. Среди них следует назвать таких людей, как Герман Лангбайн из Освенцима, Ойген Когон из Бухенвальда и Ганс Марсале из Маутхаузена, ставших впоследствии историками. Трудно сказать, что в них восхищает больше – личное мужество или хитрость, дававшая им возможность самыми разными способами помогать товарищам по заключению. Внимательно приглядываясь к эсэсовским офицерам, рядом с которыми работали, они понимали, как воздействовать на каждого: кого подкупить, кому открыть глаза на предлагаемую ему жестокую роль, кого обвести вокруг пальца, а кого и припугнуть тем, что после войны неизбежно придется *eddeationem*¹. Названные трое, в частности, были членами подпольных освободительных организаций, так что деятельность их была опасна вдвойне: они могли поплатиться и за участие в Сопротивлении, и за то, что слишком много знали.

Таких людей нельзя или можно лишь условно назвать коллаборантами; скорее о них следует говорить как о скрытых противниках немцев. Этим они отличались от других заключенных на командных постах, одни из которых доказывали свою посредственность, другие проявляли себя как худшие представители рода человеческого. Власть не столько опустошает, сколько развращает. А власть, которой обладали они, имела особый характер и развращала больше обычного.

Власть – неотъемлемый элемент любого социального образования; она может быть контролируемой, неконтролируемой, узурпаторской, назначенной сверху или выдвинутой снизу, полученной заслуженно, благодаря корпоративным или родственным связям, а также социальному или материальному статусу, и вполне вероятно, что господство одного человека над другим в той или иной степени было заложено в нас на генетическом уровне еще в те времена, когда мы были стадными животными. Никем не доказано, что власть как таковая коллективу вредна, но власть лагерных капо начиная с бригадиров была почти всегда безграничной – вернее, нижний предел их жесткости был предопределен заранее (слишком мягких наказывали или даже смещали), верхний же не имел ограничений. Другими словами, они были свободны совершать над подвластными им заключенными любые, самые жестокие действия под предлогом наказания за какую-либо провинность или вообще без всякого предлога. Вплоть до конца 1943 года нередки были случаи, когда капо забивали заключенных до смерти, зная, что не понесут

¹ Держать отчет (*лат.*).

за это никакого наказания. Только позже, когда остро встала проблема рабочих рук, появились некоторые ограничения: плохое обращение капо с заключенными не должно было сказываться на работоспособности последних. Однако «плохое обращение» к тому времени уже укоренилось, и новое правило не всегда соблюдалось.

Лагерь в меньших масштабах, но более выпукло воспроизводит иерархическую структуру тоталитарного государства, где все полномочия на власть даются сверху и где контроль снизу почти невозможен. Но это почти – очень важная деталь: еще не существовало такого государства, которое было бы тоталитарным (то есть всеконтролирующим) в полном смысле этого слова. Даже в Третьем рейхе и в Советском Союзе при Сталине имело место противодействие тотальному произволу; в тех или иных пределах его сдерживали общественное мнение, судебная система, иностранная пресса, церковь, человеческая совесть, вытравить которую за десять–двадцать лет тирании невозможно. Только в лагере контроль снизу был равен нулю и власть маленьких сатрапов была абсолютной. Понятно, что такая безграничная власть как магнитом притягивала к себе тех, кто по натуре был властолюбив; тянулись к ней и личности с умеренным честолюбием, привлеченные немалыми материальными выгодами, которые сулили начальственные должности. Таких власть развращала в первую очередь.

Кто становился капо? В этом вопросе следует разобраться. В первую очередь те, кому представлялась такая возможность, а именно личности, в которых начальник лагеря или его уполномоченные (часто хорошие психологи) угадывали потенциальных коллаборантов: набранные по тюрьмам уголовники, для которых должность надсмотрщика была превосходной альтернативой заточению; политические заключенные, сломленные за пять – десять мучительных лет если не физически, то морально; впоследствии и евреи, коим даже толика власти казалась возможностью избежать «окончательного решения» их судьбы. Много было и таких (мы уже говорили об этом), кто просто стремился к власти. Назовем садистов – немногочисленных, но очень страшных, поскольку привилегированное положение давало им право мучить и унижать подчиненных. Назовем людей с комплексом неполноценности (это важная составная часть лагерного микрокосмоса, воссоздававшего макрокосмос тоталитарного общества): и в лагере, и в обществе ни на что не способные, ничем не примечательные люди, дорвавшись до власти, пресмыкаются перед вышестоящими начальниками, добиваясь таким способом не достижимого другим путем продвижения по социальной лестнице. Многие из притесняемых, зара-

жившись вирусом власти от своих угнетателей, неосознанно стремились идентифицировать себя с ними.

Об этой идентификации, о миметизме, имитации и обмене ролями притеснителя и жертвы спорили немало и успели наговорить много всякой всячины: правдивой и лживой, надуманной и банальной, трогательной и глупой. Эта тема – не целина, а плохо вспаханное, вдоль и поперек истоптанное поле. Режиссер Лилиана Кавани, которую попросили в нескольких словах объяснить смысл ее прекрасного, но ошибочного фильма, сказала: «Все мы жертвы или палачи и выбираем эти роли по собственному желанию. Только маркиз де Сад и Достоевский хорошо это поняли». «В любой обстановке, в любых отношениях, – добавила она, – обнаруживается пара „жертва – палач“, более или менее ярко выраженная обычно на бессознательном уровне».

Я не разбираюсь в бессознательном, в глубинах психики, но знаю, что те немногие, кто разбираются, всегда осторожны в своих суждениях. Не знаю и не стремлюсь узнать, живет во мне убийца или нет, знаю только, что невинной жертвой я был, а убийцей – нет; знаю, что убийцы существовали, и не только в Германии, и существуют теперь, востребованные и невостребованные, и что ставить знак равенства между убийцей и его жертвой – безнравственно; это извращенное эстетство или злой умысел. В любом случае тот, кто делает это, вольно или невольно оказывает ценную услугу фальсификаторам правды. Я знаю, что в лагере, как и вообще на сцене человеческой жизни, всякое случалось, но единичный случай ничего не доказывает. Прояснив этот вопрос и снова напомнив, что уравнивать обе роли значит начисто игнорировать нашу потребность в справедливости, я позволю себе еще порассуждать на эту тему.

Что правда, то правда, по обе стороны колючей проволоки существуют люди серые, двуличные, готовые служить и нашим и вашим. Чем сильнее давление лагеря, тем больше их число. На них лежит определенная доля вины (особенно если выбор их был добровольным), но основная вина все же – на системе, средством, орудием которой они являются. Большая часть притеснителей (и это тоже правда) во время (или чаще после) совершения злодеяния отдавали себе отчет в том, что они совершают (или совершили) преступление; возможно, они мучились потом угрызениями совести или даже понесли наказание, но всего этого недостаточно, чтобы причислить их к жертвам. Точно так же, как недостаточно ошибок оступившихся, проявивших слабость, чтобы поставить их на одну доску с их надсмотрщиками. Заключенные лагерей, сотни тысяч людей разных социальных слоев почти из всех европейских стран, представляли собой срез человеческого сообще-

ства. Даже если не брать в расчет адских условий, в которые их безжалостно ввергли, исходя из какой логики можно было требовать, чтобы все они как один проявили стойкость и заслужили ореол святости? На самом деле в подавляющем большинстве случаев их поведение было жестко обусловлено обстоятельствами: лишения, испытываемые в течение нескольких недель или месяцев, ставили перед ними задачу чисто физического выживания; ежедневная борьба с голодом и холодом, усталость, побои не оставляли им (особенно в моральном плане) никакого выбора; лишь единицы, выдержав испытание, выжили благодаря невероятному стечению разных случайностей, иначе говоря, спаслись чудом, так что нет смысла искать в их судьбах какое-то объединяющее начало, кроме разве одного – крепкого здоровья.

Пример крайней степени коллаборации — зондеркоманды (Sonderkommandos), существовавшие в Освенциме и других лагерях уничтожения. В данном случае трудно говорить о привилегиях, потому что, хотя работавшие в лагерях и получали право (но какой ценой!) в течение нескольких месяцев есть досыта, им никто не завидовал. Эти ничего не говорящие своим названием «спецкоманды» обслуживали крематории; они подчинялись СС и набирались из заключенных. В их обязанности входило поддерживать порядок среди вновь прибывших (часто не подозревавших, что их ждет впереди), запускать их в газовые камеры, затем извлекать оттуда трупы, раздевать, сортировать одежду, обувь, содержимое чемоданов, срывать с зубов золотые коронки, срезать женские волосы, отвозить тела в крематорий, следить за работой печей, выгребать пепел. Состав освенцимской зондеркоманды колебался в разное время от семисот до тысячи человек.

Те, кто в нее входил, не избежали общей участи; больше того, все они были обречены: эсэсовцы неусыпно следили за тем, чтобы ни один человек из команды не остался в живых и не смог ничего рассказать. За время существования Освенцима сменилось двенадцать команд. Каждая работала по несколько месяцев, потом уничтожалась, причем всякий раз новым способом, чтобы предупредить возможное сопротивление, и следующая команда в качестве «посвящения» сжигала трупы предыдущей. Последняя зондеркоманда восстала в октябре 1944 года, взорвала одну из печей и была уничтожена в неравной схватке с эсэсовцами, о чем я расскажу позже. Из тех, кто работал в этих командах, выжили единицы; избежать смерти им удалось исключительно благодаря невероятному везению. Ни у кого из них после освобождения не было желания вспоминать и рассказывать другим о той чудовищной

работе, какую они выполняли. Все, что мы знаем о зондеркомандах, почерпнуто из скудных свидетельских показаний этих чудом выживших людей и их «работодателей» на многочисленных процессах, из разрозненных сведений, полученных от гражданских (немцев и поляков), которые каким-то образом контактировали с ними, и из дневника – испитанных наскоро, для памяти, листочков, спрятанных кем-то неподалеку от освенцимского крематория в надежде, что кто-нибудь когда-нибудь их найдет. И хотя все в один голос говорят об одном и том же, трудно, почти невозможно представить себе, как эти люди жили день за днем, как выдерживали все это, как относились к самим себе.

В первое время зондеркоманды набирались эсэсовцами из заключенных, уже внесенных в лагерные списки. Известно, что внимание обращалось не только на физическую выносливость, но и на лица. Иногда (правда, такое случалось редко) к работе принуждали силой. Позже уже предпочитали подбирать кандидатов прямо на железнодорожной платформе, сразу же по прибытии очередного эшелона: «психологи» из СС сообразили, что в зондеркоманды проще рекрутировать «новеньких», когда они, измученные долгой дорогой, растерянные, потерявшие всякую надежду и не способные к сопротивлению, выходят из поезда и готовы ухватиться за любую возможность избежать ада.

Формировались зондеркоманды главным образом из евреев. В этом не было ничего удивительного, если учесть, что с 1943 года, с тех пор как главным назначением лагеря стало уничтожение евреев, они составляли 90–95% всего народонаселения Освенцима. И все же это был верх вероломства и ненависти! Одни евреи должны отправлять в печь других евреев, чтобы лишний раз подтвердить: евреи – неполноценная раса, недочеловеки, они способны на все, готовы убивать даже своих соплеменников. С другой стороны, известно, что среди эсэсовцев были и такие, кто не одобрял массовых убийств и не привык относиться к ним как к будничному явлению. Переложив на плечи самих жертв часть этой работы, причем самую грязную, они как бы (и даже без «как бы») облегчали свою совесть.

Безусловно, было бы несправедливо считать покорность отличительной чертой именно еврейского характера: в зондеркомандах работали не только евреи, но и немцы, поляки, правда, в более «благородной», руководящей роли, а также русские военнопленные, которых нацисты ставили не намного выше евреев. Впрочем, русских (чье поведение ничем не отличалось от поведения евреев) было мало, потому что их вообще в Освенциме было мало: большую их часть успели

истребить сразу же после взятия в плен, расстреливая из пулеметов над огромными ямами, ставшими для них братскими могилами.

Зондеркоманды из-за своей причастности к ужасной тайне строго изолировались от остальных заключенных и всего внешнего мира. Тем не менее (и это подтвердит всякий, прошедший через подобный опыт) в любой стене всегда найдется брешь, через которую обязательно что-нибудь просочится, потому что секретные сведения, пусть не все, пусть в искаженном виде, обладают неудержимой силой распространения. Смутные обрывочные слухи о зондеркомандах доходили до нас еще в лагере, позднее они получили подтверждение из уже упомянутых выше источников, но чудовищная специфика работы, выполняемой этими командами, накладывала отпечаток сдержанности на все свидетельство; и сегодня трудно себе представить, как можно месяцами заниматься подобным ремеслом. Некоторые утверждали, что этим несчастным выдавалось большое количество алкоголя, так что они постоянно были пьяны и ничего не соображали. Один из них признался: «При такой работе или в первый же день сходишь с ума, или привыкаешь». А вот признание другого выжившего: «Да если бы я отказался убивать, они убили бы меня. Но я хотел выжить, чтобы отомстить, чтобы свидетельствовать против них. Не верьте, что мы чудовища, мы такие же, как вы, только более несчастные».

Очевидно, что все эти признания, а также то, что рассказывали про членов зондеркоманд или что они рассказывали про себя сами, нельзя полностью принимать на веру. От людей, прошедших через такое, невозможно ожидать свидетельских показаний в юридическом значении этого термина; самое большее, что мы можем услышать, – это жалобы, проклятья, стремление объяснить, оправдаться. Глядя на Медузу Горгону, легче увидеть на ее лице желание освободиться от внутренних терзаний, чем прочесть на нем правду.

Зондеркоманды – самое дьявольское преступление национал-социализма. За практическими соображениями (расчетливо использовать трудоспособных людей, заставить других выполнять самую ужасную работу) просматриваются и более глубокие причины, одна из которых – попытка переложить на самих жертв всю тяжесть вины, чтобы те не могли утешаться мыслью о своей невинности. Трудно, неприятно заглядывать в эту бездну зла, тем не менее, я уверен, это необходимо, поскольку то, что могло произойти вчера, может произойти и завтра, коснуться нас или наших детей. Нельзя поддаваться искушению брезгливо отвернуться от правды, не видеть ее. Созданием зон-

деркоманд немцы хотели сказать: «Мы господствующий народ, да, мы ваши губители, но вы не лучше нас; если мы захотим, а мы хотим этого, то уничтожим не только ваши тела, но загубим и ваши души, как загубили свои».

Венгерский врач Миклош Нишли уцелел среди немногих после уничтожения последней освенцимской зондеркоманды. Он был известным патологоанатомом, специалистом по вскрытиям, и главный врач Биркенау эсэсовец Менгель (избежавший правосудия и умерший несколько лет назад своей смертью) взял его к себе, обеспечил ему необходимые условия и обращался с ним почти как с коллегой. Нишли должен был заниматься в первую очередь изучением близнецов: где как не в Биркенау, единственном месте на земле, имелась возможность изучать трупы одновременно убитых близнецов? Кроме этой специальной обязанности, которой, заметим мимоходом, Нишли не очень противился, он был лечащим врачом зондеркоманды, с которой находился в постоянном контакте. Так вот, он рассказал об одном факте, показавшемся мне примечательным.

Эсэсовцы, как я уже говорил, тщательно отбирали кандидатов в зондеркоманды: сначала в лагере, позже – прямо на перроне, из прибывающих составов, без колебаний убивая тех, кто пытался уклониться или проявлял неспособность к данной работе. По отношению к членам только что образованной команды применялся тот же метод подавления и разделения, что и ко всем остальным заключенным, особенно к евреям, которым внушалась мысль о том, что они неполноценные существа, враги Германии, а потому недостойны жить; работа до изнеможения, до последнего вдоха преподносилась как особая милость. К тем же, кто успел отработать в зондеркоманде определенный срок, к «ветеранам» отношение было другое: эсэсовцы чувствовали, что они и эти обесчеловеченные существа – в одной упряжке, что они – соучастники общего грязного дела. Нишли рассказывает, как однажды во время «затишья в работе» присутствовал на футбольном матче между СС и СК (между эсэсовцами из охраны крематория и членами спецкоманды). Посмотреть игру пришло много эсэсовцев из других подразделений, а также не занятые в матче члены команды; все болели, кричали, хлопали, подбадривали игроков, как будто это была обычная игра на какой-нибудь деревенской лужайке, а не перед входом в ад.

Ничего похожего не случалось, да и не могло случиться с другими категориями заключенных, но с членами зондеркоманды, с «вогронами крематория» эсэсовцы готовы были соревноваться на равных или почти на равных. Правда, у этого равенства была сатанинская ухмыл-

ка: наконец-то мы добились своего! Вы больше не евреи, не антираса, не враг Тысячелетнего рейха номер один, не народ, отказавшийся сотворить себе кумиров. Мы обласкали вас, развратили и утащили с собой на дно. Не воображайте, что вы чисты; вы запачканы кровью, как мы, как Каин, потому что вы тоже братоубийцы. Так что идите сюда, будем вместе играть в футбол.

Нишли рассказал еще одну историю, над которой стоит задуматься. Людей из прибывающих эшелонов сразу же запикивали в газовые камеры и уничтожали; зондеркоманда выполняла свою ужасную работу день за днем, распутывая клубки тел, моя их из шлангов и отвозя затем в крематорий для сжигания. И вдруг на полу камеры они обнаружили еще живую девушку. Случай исключительный, уникальный. Возможно, благодаря другим телам, создавшим вокруг нее что-то вроде заградительного барьера, она оказалась в воздушном мешке и могла дышать. Они растерялись: смерть стала их ежечасным ремеслом, обычным делом, потому что, как сказал один из них, «или в первый же день сходишь с ума, или привыкаешь», но эта девушка была жива. Они спрятали ее, согрели, напоили мясным бульоном, попытались узнать, поняла ли она, что с ней произошло. Девушке было шестнадцать лет, она не понимала, где она и что с ней, не помнила, как ехала в опломбированном вагоне, как проходила селекцию, как раздевалась, входила в камеру, откуда никто ни разу не вышел живым. Не помнила, не понимала, но видела и потому должна была умереть. Люди из спецкоманды знали это, как знали, что и сами должны умереть по той же самой причине. Но эти рабы, одурманенные алкоголем, озверевшие от ежедневных убийств, вдруг увидели перед собой не безликую массу, не заполнивший перрон поток запуганных оглушенных существ, а человека, личность.

Как не вспомнить здесь «необычную почтительность», невольную нерешительность «гносного монатто» в эпизоде с умершей от чумы малышкой Чечилией все из тех же «Обрученных» Мандзони, когда мать не позволила бросить ее в повозку вперемешку с другими трупами? Такие факты нас всякий раз удивляют, потому что противоречат нашему представлению о том, будто каждый человек живет по определенной логике, по раз и навсегда сложившимся в его голове представлениям о добре и зле, и будто представления эти непоколебимы. На самом деле удивляться тут нечему, потому что человек вовсе не таков. Вопреки всякой логике в нем могут сосуществовать одновременно жалость и жестокость, кстати, жалость уже сама по себе нелогична. Не существует взаимосвязи между жалостью, которую мы испытываем, и масштабами страданий, вызывающих нашу жалость. Одна-единствен-

ная девочка по имени Анна Франк пробуждает сочувствия больше, чем мириады таких же несчастных, но не попавших в поле нашего зрения. Может, так и должно быть: если бы мы должны были и умели сострадать всем, мы просто не могли бы жить. Возможно, только святые награждены страшным даром жалеть многих. Монатти же, члены зондеркоманды, да и все мы в большинстве случаев способны лишь испытывать приливы жалости к единицам, сочувствовать сочеловеку, митменшу² – человеческому существу из плоти и крови, которое попадает в предусмотрительно сжатое пространство наших «близоруких» чувств.

Вызвали врача, тот сделал девушке укол, привел в чувство. Да, газ на нее не подействовал, она выжила, могла жить дальше, но где и как? В этот момент неожиданно появляется Мусфельд, один из эсэсовцев, заправлявших «хозяйством смерти». Врач отозвал его в сторону, объяснил суть дела. Мусфельд секунду поколебался, но потом решил: девушка должна умереть. Если бы она была постарше – вопрос другой, можно было бы понадеяться на ее благоразумие, убедить никому не рассказывать о том, что с ней случилось, но этой всего шестнадцать, разве ей можно доверять? Тем не менее сам он не стал марать руки, а вызвал подчиненного, который убил девушку, выстрелив ей в затылок. У этого Мусфельда не было милосердия, ежедневное участие в бойне сделало его изощренным садистом; его биография пестрит жестокими эпизодами. В 1947 году его судили, справедливо приговорили к смертной казни и повесили в Кракове. Но мы знаем, что даже его нельзя назвать непоколебимым, и, если бы ему выпало жить в другое время и в других условиях, возможно, он был бы как все, обыкновенным человеком.

В «Братьях Карамазовых» Грушенька рассказывает притчу про луковку: жила-была одна злющая баба, потом она померла и попала в ад. Но ангел-хранитель, желая выволить ее из ада, вспомнил, что один раз, всего один-единственный, она выдернула у себя в огороде луковку и подала нищему. Тогда он протянул ей эту луковку, и она по ней выкарабкалась из адского огня. Эта притча всегда вызывала у меня отвращение: какое чудовище в человеческом обличье хоть раз в жизни не подарило луковку если не постороннему, то хотя бы своим детям, жене, собаке? Этого единичного и краткого порыва сочувствия недостаточно, чтобы оправдать Мусфельда, но достаточно, чтобы и его поместить (пусть на границе, с самого края) в серую зону – территорию двойственности, характерную для режимов, основанных на слепом повиновении и терроре.

² «Сочеловек» (нем.).

Осудить Мусфельда было несложно, и вряд ли трибунал, приговоривший его к смертной казни, испытывал какие-то сомнения. Другое дело – зондеркоманды; когда речь заходит о них, наша настоятельная потребность судить слабеет, нас смущают вопросы, множество вопросов о человеческой природе, на которые не так просто найти вразумительные ответы. Почему они соглашались выполнять такую работу? Почему не бунтовали? Почему не предпочли смерть?

Факты, которыми мы располагаем, позволяют частично ответить на эти вопросы. Соглашались не все: кто-то бунтовал, зная, что идет на верную смерть. По крайней мере в одном случае у нас имеются неопровержимые данные: группа из четырехсот евреев с острова Корфу, набранных в июле 1944 года в зондеркоманду, в полном составе отказалась выполнять работу и незамедлительно была отправлена в газ. Сохранилась память о различных случаях одиночных бунтов: никто из взбунтовавшихся не избежал мучительной смерти (Филипп Мюллер из зондеркоманды, один из немногих уцелевших, рассказал о своем товарище, живьем засунутым эсэсовцами в печь), многие кончали жизнь самоубийством в момент рекрутирования или сразу же после; в конце концов нельзя забывать, что именно зондеркоманда в октябре 1944 года предприняла безнадежную попытку организовать восстание – единственное восстание в истории Освенцима.

Дошедшие до нас сведения об этом событии не назовешь ни исчерпывающими, ни полностью достоверными. Мы знаем лишь, что восставшие (они обслуживали два из пяти крематориев Биркенау) не имели контактов ни с польскими партизанами по ту сторону колючей проволоки, ни с подпольной организацией Сопротивления внутри лагеря, тем не менее, будучи почти безоружными, они взорвали крематорий № 3 и дали бой эсэсовцам. Сражение длилось недолго: примерно четыреста пятьдесят человек были убиты сразу, кое-кому из мятежников удалось перерезать колючую проволоку и бежать из лагеря, но очень скоро все были пойманы. Трех убили на месте, двенадцать ранили.

Среди известных нам жалких чернорабочих смерти были такие, кто предпочитал лишнюю неделю жизни (но что это за жизнь?) немедленной смерти, однако ни разу не решился и не дал заставить себя убить кого-то собственноручно. Хочу еще раз повторить: не имеют права судить их ни те, кто прошел через лагерный опыт, ни тем более те, у кого такого опыта не было. Кому хватит смелости, я посоветовал бы прежде, чем судить других, провести мысленный эксперимент над самим собой: представить себя запертым в гетто, месяцами, а то и года-

ми страдающим от постоянного голода, непосильной работы, унижений, скученности, невозможности уединиться, а также отправить или получить информацию, представить себя в полной изоляции от остального мира, бессильным помочь близким, умирающим один за другим у тебя на глазах. И вот настает день, когда тебя запикивают в поезд, по восемьдесят, а то и по сто человек в каждый товарный вагон, и везут в неизвестность много бессонных дней и ночей, пока не выбросят наконец под стеной непостижимого никаким разумом ада. Здесь тебе предлагают жизнь, но взамен на страшное и не очень понятное задание; даже не предлагают, а навязывают. Вот это, как мне кажется, и есть тот самый Befehlnotstand – не подлежащий обсуждению приказ, приказ-бедствие, приказ-принуждение, от которого действительно невозможно уклониться; он несравним с теми приказами, на которые систематически и без зазрения совести ссылались привлеченные к суду нацисты, а вслед за ними, позже, военные преступники в разных странах. В первом случае выбор был невелик: либо немедленное подчинение, либо смерть; во втором дело касалось карьеры, но с помощью хитрых маневров от выполнения приказа можно было уклониться (некоторые так и делали). Ценой такого уклонения становилось умеренное наказание, задержка в продвижении по служебной лестнице или (в самом крайнем случае) отправка ослушавшегося на передовую.

Предложенный мною эксперимент приятным не назовешь. Веркор в своем романе «Оружие мрака» попытался описать нечто подобное, рассказать о «смерти души», но, перечитывая его сегодня, я нахожу, что он непростительно страдает чрезмерным эстетизмом и литературным гурманством. Правда, о смерти души речь там идет, это несомненно. Никто заранее не знает, как долго и под каким давлением его душа сможет продержаться, прежде чем сломится или разрушится. Каждое человеческое существо обладает определенным запасом сил, количество которых ему неизвестно. Насколько этот запас велик или мал и есть ли он вообще, можно узнать, лишь попав в чрезвычайные условия. Когда мы, вернувшись, рассказываем о том, что нам пришлось пережить (даже не касаясь таких крайностей, как зондеркоманды), нередко можно услышать от кого-то из слушателей: «Я бы на твоём месте и дня не выдержал». Такое утверждение не имеет под собой почвы: невозможно влезть в шкуру другого. Каждый человек – настолько сложное явление, что заранее предугадать свое поведение в экстремальной ситуации он не может. Поэтому я повторяю: «вогроны крематория» достойны как жалости, так и строгого осуждения, и прошу только об одном – не спешите выносить им приговор.

Та же самая *impotentia judicandi*³ парализует нас в случае с Румковским. История Хаима Румковского непосредственно с лагерем не связана, хотя заканчивается именно там, в лагере. Это история гетто, яркий пример того, как под неотвратимым гнетом раздваивается человеческая душа, вот почему мне кажется уместным вернуться к этой истории здесь, хотя я и рассказывал ее раньше.

По возвращении из Освенцима я обнаружил в кармане любопытную монету из легкого сплава, она и по сей день у меня. Монета исцарапана и покрыта ржавчиной, с одной стороны на ней изображены еврейская звезда (щит Давида), дата (1943) и слово («getto»), а с другой написано: «Quittung ube 10 Mak» и «de Alteste de Juden in Litzmannstadt» («Соответствует 10 маркам» и «Старейшина еврейской общины в Литцманштадте»). Эта монета имела хождение только в гетто. Много лет я не вспоминал о ее существовании, а потом, когда примерно в 1974 году она попала мне на глаза, я восстановил ее удивительную и страшную историю.

Нацисты переименовали польский город Лодзь, назвав его Литцманштадтом в честь немецкого генерала Литцмана, одержавшего несколько побед над русскими в Первую мировую войну. В конце 1944 года последние из оставшихся в живых жители лодзинского гетто были депортированы в Освенцим, и эту монету, уже никому не нужную, я нашел у входа в лагерь.

В 1939 году, к началу войны, в Лодзи было 750 000 жителей. Это был фабричный город — один из самых «современных» и самых уродливых городов Польши. Он существовал за счет текстильной промышленности, как английский Манчестер или итальянская Биелла, и жизнь в нем была обусловлена работой сотен больших и маленьких предприятий, к тому времени уже сильно устаревших. Как и во всех более или менее крупных городах оккупированной Восточной Европы, нацисты поспешили организовать в Лодзи гетто, восстановив и превзойдя в своей бесчеловечности порядки гетто времен Средневековья и Контрреформации. Созданное первым (уже в феврале 1940 года) и уступавшее по численности населения лишь варшавскому, лодзинское гетто насчитывало более 160 000 евреев; просуществовало оно до осени 1944 года, то есть дольше всех нацистских гетто, что объясняется двумя причинами: экономической выгодой и личностью председателя «еврейского совета», юденрата.

Звали председателя Хаим Румковский; разорившийся мелкий промышленник, он в силу разных обстоятельств долго переезжал с места на место, пока наконец в 1917 году не осел в Лодзи. В 1940-м он был шестидесятилетним бездетным вдовцом. В общине пользовался определенным уважением: управляющий благотворительным еврейским фондом, он был известен как человек невежественный, но волевой и энергичный. Должность председателя (то есть старейшины) юденрата в сущности была ужасной, тем не менее это была должность: она давала возможность подняться на несколько ступенек выше по социальной лестнице, обеспечивала права и привилегии, иначе говоря, давала власть. А Румковский в ту пору очень любил власть. Как он получил это место — неизвестно: то ли в результате подлой нацистской шутки (Румковский был или казался безобидным дурачком, одним словом, идеально подходил на роль шута), то ли он сам интриговал, чтобы его назначили, уж очень сильна была в нем тяга к власти. Известно, что четыремя годами своего правления, или, точнее сказать, своей диктатуры, он был обязан поразительной смеси непомерного тщеславия, варварского жизнелюбия, организованности и прямо-таки королевской дипломатичности. Он очень скоро вошел в роль абсолютного, но при этом просвещенного монарха, к чему его нередко подталкивали немецкие хозяева, которые хоть и потешались над ним, но не могли не ценить его административных способностей и любви к порядку. Ему было разрешено чеканить металлические монеты (такие, как моя) и печатать купюры на бумаге с водяными знаками, которую ему поставляли официально. Этими деньгами платили изнуренным до крайности рабочим гетто. Они могли покупать на них продукты, поддерживать свой скудный рацион, составлявший в среднем 800 калорий в день. (Напомню: чтобы выжить в условиях абсолютного покоя, нужно не менее 2000 калорий в день.)

От своих голодных подданных Румковский ждал в ответ не просто послушания и уважения — он ждал от них проявления любви (в этом отличие современных диктатур от диктатур древности). В его распоряжении было целое войско превосходных художников и ремесленников, которые по первому же его требованию за четвертушку хлеба бросались рисовать и печатать марки с изображением его бородатой головы, осиянной божественным светом — светом надежды и веры. Была у него и коляска, запряженная худющей, кожа да кости, лошадей, в которой он разъезжал по улицам своего крошечного королевства, населенного нищими и попрошайками, разъезжал, как и положено королю, в мантии и в сопровождении эскорта подхалимов и убийц.

³ Неспособность судить (лат.).

Придворные поэты сочиняли гимны, в которых прославляли его «сильную, твердую руку», мир и порядок, царившие благодаря ему в гетто. По его приказу в школах (если их можно было так назвать), ежедневно опустошаемых эпидемиями, голодом и немцами, дети должны были писать сочинения во славу «нашего дорогого и мудрого председателя». Как и все самодержцы, он поспешил создать действенную полицию, номинально для поддержания порядка, а на самом деле для охраны собственной персоны и введения собственных правил – шестьсот вооруженных палками человек и неизвестное число шпионов. За время правления он произнес немало своеобразных речей (некоторые из них сохранились), усвоив наигранно вдохновенную ораторскую технику Муссолини и Гитлера, подчинявших себе толпу псевдоверительным тоном, который та принимала за стремление к взаимопониманию и диалогу и одобряла овациями. Возможно, он подражал им специально, а возможно, пытался бессознательно походить на захвативший Европу и воспетый Д'Аннунцио образ «востребованного героя». Впрочем, скорее всего, он вел себя как все мелкие тираны – демонстрировал свое бессилие тем, кто был выше, и всемогущество – тем, кто ниже. Владелец трона и скипетра может позволить себе говорить таким образом, потому что не боится ни возражений, ни насмешек.

И все равно фигура Румковского была сложнее, чем казалась на первый взгляд. Он не был простым изменником или предателем; трудно поверить, но в каком-то смысле ему приходилось настоятельно убеждать себя самого, что он и есть мессия, спаситель своего народа, которому он, по крайней мере время от времени, действительно желал добра. Роль благодетеля польстит и самому закоренелому тирану, но, чтобы прослыть благодетелем, надо хоть иногда делать добро. Парадоксальным образом он отождествляет себя не только с угнетателями, но и с угнетенными, потому что человек, как говорил Томас Манн, – сложное создание и, позволим заметить, становится тем сложнее, чем больше подвергается давлению; в этом случае, потеряв ориентацию, как обезумевший компас на магнитном полюсе, он может избежать нашего суда.

Хотя Румковский постоянно подвергался унижениям и издевательствам со стороны немцев, он скорее ощущал себя господином, нежели рабом. И к своей власти относился серьезно: когда гестапо, не поставив его в известность, схватило членов «его» юденрата, он мужественно встал на их защиту, с достоинством снося насмешки и оскорбления. В других случаях он пытался торговаться с немцами, которые требовали все больше и больше лодзинской мануфактурной продукции и одновременно освобождения от «лишних ртов» – отправки стариков,

детей и нетрудоспособных в газовые камеры сначала Трелинки, а затем Освенцима. Твердость, с какой он брался усмирять попытки нарушения порядка своими подданными (в Лодзи, как и в других гетто, существовали очаги отчаянного политического сопротивления сионистов, бундовцев и коммунистов), была не столько заискиванием перед немцами, сколько ответом на «оскорбление королевского величества», защитой его монаршей чести.

В сентябре 1944 года, когда русский фронт начал приближаться, нацисты попытались ликвидировать лодзинское гетто. Десятки тысяч мужчин и женщин были депортированы в Освенцим, в *anus mundi* – последнюю клоаку «немецкой вселенной». Изнуренные, измученные, почти все они сразу же были уничтожены. В гетто оставили тысячу мужчин для демонтажа фабричного оборудования и уничтожения следов массовых убийств. Через некоторое время их освободила Красная Армия, и им мы обязаны приводимыми ниже сведениями.

Есть две версии конца Хаима Румковского – словно двойственность, под знаком которой он жил, наложила свой отпечаток и на его смерть. Согласно первой версии, во время ликвидации гетто он, не желая расставаться со своим братом, пытался противиться его депортации. Немецкий офицер предложил ему добровольно присоединиться к брату, и он согласился. Другая версия утверждает, что Румковского пытался спасти Ганс Бибов, еще одна загадочная, а точнее темная, личность. Этот немецкий промышленник был ответственным чиновником в администрации гетто и в то же время подрядчиком. Последняя должность была деликатного свойства, поскольку лодзинские текстильные фабрики работали на германские вооруженные силы. Бибов не был чудовищем: он не ставил себе целью специально создавать мучительные условия для евреев, мстя им за то, что они евреи; напротив, он давал им заработать на поставках законным или каким-либо иным способом. Ему не доставляло удовольствия видеть страдания людей в гетто, но главным для него было, чтобы рабочие рабы продолжали работать, а потому ему не было никакой выгоды в том, чтобы они умирали с голоду. Таков был его нравственный облик. На самом деле подлинным хозяином гетто был он, а не Румковский, с которым его связывали чисто деловые отношения, в конце концов превратившиеся в своеобразную дружбу. Бибов – маленький шакал, слишком циничный, чтобы принимать всерьез расовую демонологию, хотел как можно дольше оттягивать расформирование гетто, приносившее ему отличные прибыли, и уберечь от депортации Румковского, которого он считал своим сообщником и которому полностью доверял. Часто реалисты спо-

собны объективнее разобраться в ситуации, чем теоретики, однако эсэсовские теоретики придерживались другого мнения, к тому же сила была на их стороне. Они рассуждали радикально, gundlich:⁴ ликвидировать гетто, а с ним и Румковского.

Не имея возможности предотвратить депортацию, Бибов, обладавший обширными связями, вручил Румковскому письмо к коменданту Освенцима и уверил его, что это письмо гарантирует ему защиту и хорошее отношение. Румковский, в свою очередь, попросил и получил у Бибова разрешение ехать в лагерь со своими домочадцами в спецвагоне, с удобствами, соответствующими его положению; этот спецвагон был последним в составе товарных вагонов, набитых теми, у кого не было привилегий. Но судьбы всех евреев находились в руках немцев, которым было безразлично – трус перед ними или герой, простой человек или важная птица. Поэтому ни письмо, ни вагон не смогли спасти от газа Хаима Румковского, царя иудейского.

Это не просто одна из многих историй; в ней больше вопросов, чем ответов; она дает представление о том, что такое серая зона, хотя и не позволяет разобраться до конца в ее устройстве. Она вопиет, призывая нас понять, разгадать, как разгадывают сны или небесные знамения.

Кто такой Румковский? Он не чудовище, но и обычным человеком его не назовешь. Если оглядеться вокруг, можно увидеть много людей, похожих на него. Неудачи, предшествовавшие его «карьере», показательны: немногие способны черпать моральные силы в своих неудачах. Мне кажется, в его истории можно в идеальном виде разглядеть действие почти физического закона, по которому политические притеснения порождают двуличие и компромисс в самых различных проявлениях. У основания трона любого абсолютного монарха толпятся такие румковские, стремящиеся ухватить свой кусочек власти. Это повторяющийся спектакль: достаточно вспомнить ожесточенную борьбу в последние месяцы Второй мировой войны в ставке Гитлера, а также в республике Сало между ее министрами; все те же серые люди – скорее слепцы, чем преступники, с каким озверением они пытались вырвать друг у друга хоть клочок мерзкой и слабеющей власти! Власть как наркотик: и без того, и без другого можно спокойно обходиться, пока не узнаешь, что это такое; но стоит раз попробовать, возможно, ненароком, как это было с Румковским, и возникает зависимость, потребность в увеличении дозы, желание уйти от действительности и вернуться к

детским мечтам о своем всемогуществе. Если считать обоснованной в отношении Румковского версию об отравлении властью, то нужно признать, что отравление это произошло не случайно и даже вопреки условиям гетто; оно оказалось настолько сильным, что смогло подействовать даже в подавляющих, казалось бы, любое проявление индивидуальной воли условиях. Румковский, как и его более знаменитые прообразы, явно страдал синдромом бессрочной и безраздельной власти, на что указывали искаженное видение мира, спесь догматика, потребность в лести, лихорадочное стремление, раз ухватившись за командные рычаги, уже не выпускать их из рук, презрение к законам.

Все это не освобождает Румковского от ответственности. Мысль, что румковских могли взращивать многострадальные гетто, такие как лодзинское, – незаживающая рана на сердце. Если бы этот шут, чей образ наложил свой грязный отпечаток и на само гетто, не закончил жизнь трагически, не разделил судьбу своих подданных и остался жив, ни один трибунал не оправдал бы его, и мы не можем оправдать его в моральном плане. Однако есть и смягчающее вину обстоятельство: это дьявольский порядок, созданный национал-социализмом, чудовищная коррупционная власть, от которой трудно было уберечься; она принижала своих жертв, делала их похожими на себя, превращала в сообщников, крупных и мелких. Чтобы противостоять ей, нужно было иметь очень твердые моральные устои, каковых ни у Хаима Румковского, лодзинского торговца, ни у его поколения не было. А мы? Насколько сильны мы, сегодняшние европейцы? Как бы повел себя каждый из нас, если бы его толкала к сотрудничеству нужда или искушали соблазны?

История Румковского – это прискорбная, тревожная история всех капо и лагерных функционеров; всех ничтожных иерархов, которые, служа режиму, закрывают глаза на его преступления; всех подчиненных, готовых по указанию начальства ставить свою подпись под любым документом, благо подпись ничего не стоит; это история тех, кто в душе осуждает, но на словах соглашается, кто говорит: «Если бы не я, это сделал бы другой, тот, кто еще хуже меня».

Румковский – символическая фигура в этой малопорядочной компании, собирательный образ. Трудно сказать, возглавляет он список или замыкает, это мог бы прояснить только он сам, если бы имел возможность говорить перед нами, пусть даже врать, как, скорее всего, он врал всегда, даже самому себе. Но и своим враньем он помог бы нам лучше понять его, как обвиняемый, сам того не желая, помогает судье своим враньем, потому что актерские способности человека не безграничны.

И все же сказанного недостаточно, чтобы объяснить без дальних слов, какую угрозу таит в себе эта история. Не исключено, что ее значение больше, чем может показаться на первый взгляд; не исключено, что в Румковском отражаемся все мы: его двойственность – это наша двойственность, заложенная в нас изначально, при смешении глины и духа; его болезнь – это наша болезнь, болезнь западной цивилизации, которая «сходит в ад под звуки труб и барабанов»; его жалкая мишура – искаженные образы наших представлений о престиже. Его безумие – это безумие того человека, того «факира на час», которого описывает Изабелла в шекспировской пьесе «Мера за меру»:

Но гордый человек, что облечен
Минутным кратковременным величьем
И так в себе уверен, что не помнит,
Что хрупок, как стекло, – он перед небом
Кривляется, как злая обезьяна,
И так, что плачут ангелы над ним...

Как всех румковских, нас завораживают власть и престиж, заставляя забывать о том, насколько хрупкое создание человек. Мы входим в сговор с властью, добровольно или нет, забывая, что все мы находимся внутри гетто – гетто, окруженного стеной, по ту сторону которой нас ждут повелители смерти... И готовый к отправлению поезд.

Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

**ХОТИТЕ СДЕЛАТЬ ДОБРОЕ ДЕЛО? –
Передайте «вещи на освобождение» девочкам и мальчикам
из воспитательных колоний!**

Только в Новооскольской колонии для девочек содержится 275 девочек от 14 лет до 21 года.

В каждый месяц за ворота зоны выходит 10–15 девочек.

У большинства из них нет никого, кто бы мог им прислать достойную одежду, в которой бы они не слишком отличались от своих более удачливых сверстников.

Все, что им нужно, это:

Обувь (кроссовки или сапоги), куртка, брюки, кофта, футболка (без горла), носки (короткие), косметику: губную помаду, тушь, тени, дезодорант.

Одежда должна быть достаточно модной и, конечно, чистой, косметика – без алкоголя.

Кроме того, для тех, кто еще в зоне, всегда нужны: **мыло, шампунь, заколки и резинки для волос.**

Мы посещаем колонию каждые три месяца, и с удовольствием передадим ваши подарки!

В Новооскольской колонии:

30 девочек из 275 – сироты, у большинства – только один родитель, у 50 – расстройство психики,

37 страдают алкоголизмом и наркоманией,

92 – другими заболеваниями.

У многих – розовые мечты на жизнь после освобождения, но большинству их надежд не суждено сбыться, потому что дома их ждет тот же мрак, что привел их в тюрьму...

Ваше добро может сделать их сильнее и изменить их жизнь!!

Звоните в любое время:

8(926)310-8708; 8(906)767-0983

Центр содействия реформе уголовного правосудия

Адрес редакции:
119992, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 450
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: (495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 03.03.2011 г.
Отпечатано в типографии ИПК «Информкнига».

Тираж 2000 экз. Заказ № 324.
Распространяется бесплатно